

ПОЛИЦЕНТРИЧНЫЙ ЯДЕРНЫЙ МИР: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Под редакцией
Алексея Арбатова
и Владимира Дворкина

Московский Центр Карнеги

ПОЛИЦЕНТРИЧНЫЙ ЯДЕРНЫЙ МИР: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Под редакцией
Алексея Арбатова
и Владимира Дворкина

РОССПЭН
Москва
2017

УДК 327
ББК 66.4
П50

В книге отражены личные взгляды авторов,
которые не должны рассматриваться
как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир
или Московского Центра Карнеги.

Издание подготовлено в рамках программы
«Проблемы нераспространения»
Московского Центра Карнеги
при финансовой поддержке
Carnegie Corporation of New York.

Рецензент доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, профессор *И. С. Иванов*

Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина ; Московский Центр Карнеги. — М. : Политическая энциклопедия, 2017. — 222 с.
ISBN 978-5-8243-2139-5

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография, подготовленная российскими и зарубежными экспертами под эгидой Московского Центра Карнеги, посвящена проблемам и тенденциям наступающей новой ядерной эпохи, которая будет во многом отличаться от знакомого нам прошлого. Еще пять лет назад мало кто мог предположить, к чему придет состояние международной безопасности в наши дни.

Для специалистов по проблемам международных отношений и безопасности, а также для широкого круга читателей.

*Фото на обложку (Часы Судного дня):
Bulletin of the Atomic Scientists Copyright
© 2017 by Bulletin of the Atomic Scientists, Chicago IL.
Reproduced by permission*

*Электронные версии публикаций Московского Центра Карнеги
можно найти на сайте: <http://carnegie.ru/>*

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-8243-2139-5

© Carnegie Endowment for International
Peace, 2017

© Политическая энциклопедия, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	5
Введение	
<i>Алексей Арбатов</i>	6
Глава 1. Кризис контроля над ядерными вооружениями	
Вызовы новой ядерной эпохи в условиях (бес)порядка XXI века	
<i>Роберт Легволд</i>	19
Сокращение наступательных вооружений	
<i>Владимир Дворкин</i>	54
Пятисторонние переговоры по ядерному оружию	
<i>Алексей Арбатов</i>	75
Глава 2. Другие страны ядерной пятерки	
Ядерная политика Франции и Великобритании	
<i>Джеймс Эктон</i>	84
Китайская стратегия и военные программы	
<i>Тун Чжао</i>	89
Глава 3. Ядерные аутсайдеры	
Индия и Пакистан	
<i>Петр Топычканов</i>	104
Северная Корея	
<i>Виктор Есин</i>	112
Израиль	
<i>Виктор Есин</i>	127
Глава 4. Перспективы многосторонних форматов ядерного разоружения и нераспространения	
Последствия соглашения по иранской атомной программе	
<i>Джордж Перкович</i>	139
Расширение гарантий МАГАТЭ	
<i>Джулия Даймонд</i>	173
Контроль экспорта ракет и ракетных технологий	
<i>Сергей Ознобищев</i>	186
Об угрозе катастрофического терроризма	
<i>Сергей Ознобищев</i>	193

Концепции многостороннего ядерного разоружения <i>Алексей Арбатов</i>	198
Заключение <i>Алексей Арбатов</i>	211
Список сокращений	218
Об авторах	221

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы книги выражают благодарность организации Carnegie Corporation of New York за поддержку программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги, в рамках которой выполнена настоящая работа. Авторы также признательны руководству и сотрудникам Фонда Карнеги за Международный Мир и Московского Центра Карнеги за их интеллектуальный вклад и организационно-техническую помощь при работе над книгой.

Авторы особенно благодарны всем российским специалистам из научно-исследовательских организаций, государственных ведомств, общественных центров, средств массовой информации, принявших участие в ряде семинаров и конференций программы «Проблемы нераспространения» в 2016 и 2017 годах и высказавших ценные мнения по тематике исследования.

Настоящая работа выражает точку зрения только ее авторов, и они несут полную ответственность за ее содержание. Их анализ, критические замечания и предложения адресованы политическим кругам, академическому сообществу, информированному общественному мнению России, США и других государств, оказывающих влияние на перспективы предотвращения распространения ядерного оружия и его сокращения.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография под эгидой Московского Центра Карнеги посвящена проблемам и тенденциям наступающей новой ядерной эпохи, которая будет во многом отличаться от знакомого нам прошлого.

Второе десятилетие XXI века оказалось совершенно не таким, как предполагали политики, эксперты и журналисты или как ожидала мировая общественность после окончания холодной войны четверть века назад. Тогда закончилось 40-летнее глобальное противостояние двух враждебных коалиций во главе с СССР и США, началось реальное ядерное разоружение, и угроза третьей мировой войны с губительными последствиями для современной цивилизации, как представлялось, навсегда ушла в прошлое. Реальность последующего периода оказалась гораздо более противоречивой и суровой, но даже еще пять лет назад мало кто мог предположить, к чему придет состояние международной безопасности в наши дни.

Приходится констатировать, что ныне многие события и процессы внутри России и в окружающем мире вызывают ассоциации с положением дел трехдесятилетней давности. Москва решила свернуть с европейского пути развития (в смысле построения либеральных демократических институтов и норм), по которому Россия пыталась следовать после распада СССР. Было также твердо заявлено о нежелании мириться с моделью неравноправных отношений с Западом, которая сложилась после окончания холодной войны. Был взят курс на активную дипломатию и восстановление военной мощи в целях возрождения статуса России как глобального центра силы и «локомотива» коалиций, противостоящих глобальному доминированию Запада.

Как и следовало ожидать, США и их союзники встали на курс противодействия Москве. В 2013 г. разразился украинский кризис как кульминация соперничества России и Запада за доминирование на постсоветском пространстве, а вслед за этим и в прилегающих регионах. После присоединения Крыма к России и начала войны в Донбассе в 2014 г. Запад развязал против Москвы войну экономических санкций и стал реанимировать в той или иной форме стратегию ее «изоляции»

и «сдерживания». С использованием новейших информационных технологий развернулась ожесточенная пропагандистская борьба наряду с периодическими хакерскими диверсиями. Возрождается интенсивное военное противостояние России и США/НАТО в Восточной Европе, в зонах Балтийского и Черного морей, в Арктике и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Происходят наращивание военного присутствия, беспрерывные крупные войсковые учения, рискованные сближения кораблей и самолетов, демонстративные полеты стратегической авиации и пуски ракет.

В ближайшие годы может начаться новый цикл гонки вооружений — ядерных и обычных, наступательных и оборонительных. Построенная за несколько десятилетий система договоров и режимов контроля над вооружениями вступила в стадию кризиса и распада. Опасность большой войны России и США, в том числе с применением ядерного оружия, вновь нависла над Европой и остальным миром.

Конечно, история не повторяется дважды, мир объективно и основательно изменился за 30 последних лет, какие бы ностальгические чувства и заимствованные из прошлого идеи ни овладевали политиками. Задним числом холодную войну зачастую вспоминают схематично — как период равенства и стабильности, взаимной сдержанности и ясных правил игры на мировой арене. На деле холодная война прошла разные этапы, и ситуация была гораздо более противоречива: союзы распались, в локальных войнах гибли десятки миллионов людей, раз за разом случались кризисы на грани ядерной войны, а гонка вооружений достигла беспрецедентных в истории темпов и масштабов.

Тем не менее новый миропорядок (или беспорядок), который идет на смену холодной войне и периоду первого 20-летия после нее, несет с собой новые, подчас не менее серьезные, угрозы. В том числе и прежде всего это относится к роли и месту ядерного оружия в системе международной безопасности. Ведь главный итог первых 70 лет ядерного века, при всех его опасностях и огромных издержках, состоит в том, что человечеству удалось избежать ядерной войны и создать широкую договорно-правовую систему ограничения вооружений. Благодаря ей за последнюю четверть века глобальные ядерные арсеналы были сокращены по разным категориям в 5–7 раз, а то и на порядок. Однако сохранение и преумножение этих позитивных результатов на будущее отнюдь не гарантировано.

Интенсивные технические инновации в военно-техническом развитии размывают традиционные разграничения между ядерным и обычным оружием, глобальными и региональными системами, оборонительными и наступательными вооружениями. Это повышает опасность

быстрой эскалации локального конфликта к региональному и глобальному ядерному уровню.

Стремительно растут возможности информационно-управляющих комплексов, точность, дальность действия, варьируемая мощность, автономность вооружений, гибкость и автоматизация его применения. В военных доктринах и планах ведущих держав, судя по всему, появляются концепции избирательного использования ядерного оружия друг против друга даже в локальных конфликтах. Вероятно, принята предпосылка, что это не вызовет эскалации к массированному обмену ударами, которая в годы холодной войны считалась неизбежной и влекущей за собой всеобщую катастрофу. Наверное, как ни парадоксально, эта абберрация стратегического менталитета обусловлена глубоким сокращением ядерных арсеналов США и России и большим запасом устойчивости баланса взаимного сдерживания на уровне стратегических ядерных сил. Такое состояние стратегических взаимоотношений не ставится под сомнение Вашингтоном, тогда как Москва выражает озабоченность только по поводу влияния на баланс со стороны оборонительных и наступательных вооружений в неядерном оснащении.

Между тем резкое обострение военно-политических противоречий между главными центрами силы, прежде всего между Россией и США/НАТО (а в перспективе, возможно, между КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе), переводит указанные технические и концептуальные новации из разряда закрытой сферы разработок стратегических экспертов на передний рубеж реальной военно-политической конфронтации великих держав.

Внутренняя политика ведущих стран и динамика международных отношений преподносят все новые сюрпризы. Самый яркий пример такого рода за последнее время — неожиданная победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в ноябре 2016 г. Неординарная личность нового главы американского государства и его эксцентричные декларации в ходе избирательной кампании взволновали весь мир и заставили одних радоваться, а других — ужасаться итогом выборов. Представленная вниманию читателей книга была написана авторами до отмеченных событий, но даже если бы она была закончена позже, победа Трампа едва ли существенно повлияла бы на содержание монографии. Причина в том, что политика нового руководства США еще не сформировалась и остается весьма неясным, как идеи президента будут скорректированы реальностями внутри США и вовне. Это относится и к сфере гонки ядерных вооружений, перспективам их сокращения и нераспространения, хотя ряд заявлений Трампа не способствует оптимистическим прогнозам. В то же время новейшая история знает случаи, когда с участием консервативных президентов (таких как Ричард

Никсон или Рональд Рейган) именно в этой области мировой политики удавалось достигать крупных успехов.

Настоящая книга адресована долговременным проблемам наступающего периода отношений государств, которые связаны с ядерным оружием и новейшими высокоточными вооружениями в конвенциональном (неядерном) оснащении. Понятно, что даже в большой коллективной монографии невозможно охватить все стороны этой обширной темы. К тому же многие составляющие ее элементы находятся в стадии развития, что создает большую неопределенность на будущее. В каждой главе авторы высказывают собственные, подчас спорные, взгляды и в ряде случаев выдвигают предложения по решению проблем.

В первой главе первого раздела книги рассмотрены перемены, происходящие в отношениях ядерных государств, военных технологиях и стратегических концепциях. Анализируются признаки начала новой гонки ядерных вооружений, ослабления сдерживающих факторов их применения, выработанных в предыдущий период. При этом мировое политическое сообщество не только не пытается обуздать эти опасности, но, похоже, их вообще не осознает.

Новую ядерную эпоху уже нельзя объяснить, а значит и эффективно решать ее проблемы, придавая центральное значение лишь российско-американским отношениям в ядерной сфере и рассматривая все другие события как второстепенные осложнения. Для достижения прогресса потребуется сочетание многосторонних, двусторонних и трехсторонних подходов. Хотя успех будет зависеть от лидерской роли США и России, а впоследствии еще и Китая, в конечном итоге новая система ограничения вооружений должна быть гибкой, многомерной и учитывать качественные и количественные параметры военно-политического миропорядка.

Во второй главе исследуется центральный аспект нынешнего кризиса в сфере контроля ядерного оружия — беспрецедентно длительная пауза в почти полувековых переговорах России и США по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ). Анализируются причины этой стагнации и предлоги для ее обострения, предлагаются пути выхода из тупика. Автор доказывает, что системы ПРО и стратегические неядерные вооружения не влияют на стратегический баланс сколько-нибудь существенным образом, а возможности многостороннего ядерного контроля зависят прежде всего от преодоления застоя в двусторонних отношениях ядерных сверхдержав. Для поддержания стратегической стабильности, предотвращения или ограничения нового цикла гонки вооружений и сохранения всей системы контроля ядерного оружия в мире требуются незамедлитель-

ное начало переговоров о следующем договоре СНВ и шаги по сохранению Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (Договор РСМД). В следующем соглашении определенное понижение потолков действующего Договора СНВ после его истечения в 2021 г. способно в полной мере обеспечить стабильность двустороннего ядерного баланса практически на том же уровне, позволяя России сократить затраты на вооружения. Этот вывод подкреплен предметными авторскими расчетами динамического моделирования стратегического ядерного баланса.

В третьей главе анализируются проблемы подключения третьих ядерных государств к процессу ограничения вооружений, что выдвигается Россией в качестве одного из условий для переговоров о дальнейших сокращениях вооружений после истечения нынешнего российско-американского Договора СНВ (позиция США по этому вопросу не предполагает той же срочности). Как дальнейшее российско-американское ядерное разоружение, так и укрепление режима нераспространения ядерного оружия предполагают, что третьи ядерные государства (прежде всего Великобритания, Франция и Китай) должны присоединиться к договорно-правовому ограничению вооружений. Эта идея была официально принята на форумах «Р5». Однако, как показано в главе, встречи «Р5» послужили площадкой для полезных дискуссий и конструктивных общих документов, но не смогли достичь основной цели: вовлечения третьих ядерных держав в процесс ограничения ядерных вооружений. Исследуются причины этой неудачи и предлагаются иные форматы и принципы придания контролю ядерного оружия многостороннего формата.

Во втором разделе детально анализируются ядерные силы, программы и стратегические концепции трех государств, являющихся легитимными обладателями ядерного оружия по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и одновременно — постоянными членами Совета Безопасности ООН.

Четвертая глава адресована Великобритании и Франции, которые обе входят в НАТО и имеют сходные по составу и количеству ядерные силы. Однако если в политических кругах Британии много лет идет серьезная дискуссия о том, нужны ли вообще стране ядерные силы, то во Франции есть консенсус против любых шагов разоружения и мер ограничения ядерных средств в увязке с соглашениями между Россией и США. Отмечено, что максимум, на что могли бы пойти эти государства при наличии сильных политических стимулов, — это участие в многостороннем обмене данными о ядерных силах, причем и Лондон, и Париж уже раскрыли в одностороннем порядке немало информации на этот счет. В рамках официального соглашения о транспарентности

они могли бы взять на себя обязательство делать это регулярно, но в настоящее время обе страны не видят смысла в подобном соглашении, если оно не будет включать КНР.

Пятая глава посвящена исключительно важной теме — ядерной политике Китая. До недавнего времени Пекин осуществлял умеренную программу развертывания стратегических вооружений согласно концепции сдерживания на основе потенциала ограниченного ядерного возмездия и отказа от использования ядерного оружия первым. Однако, как отмечает автор, развитие современных технологий и изменения в сфере безопасности меняют позицию Китая. В военных кругах раздаются призывы обрести возможность нанесения удара по сигналу средств предупреждения о ракетной атаке, какой ныне обладают только США и Россия. Это потребует полностью боеготовых ядерных сил и больших затрат на информационно-управляющие системы, резко сократит время принятия решения руководством о запуске китайских ракет и создаст опасность ядерной войны из-за ложной тревоги.

Форсированное развитие ракетных сил подводного базирования КНР, наряду с активностью американских противолодочных операций и развитием для них новых систем ПЛО, повышает военную напряженность (например, в Южно-Китайском море), подстегивает гонку морских вооружений и создает опасность столкновений подводных лодок, кораблей и самолетов в районах интенсивного судоходства. Автор предлагает вместо этого снизить интенсивность морского дежурства подводных лодок КНР и даже отправлять их в море без ядерных средств (хотя последний пункт выглядит весьма спорным).

Еще одно опасение Пекина связано с развитием высокоточных неядерных систем США, которые способны нанести удар по китайским ядерным арсеналам, объединенному штабу и системам управления, даже не переступая ядерный порог. Из-за этого отдельные китайские аналитики начали подвергать сомнению целесообразность доктрины безоговорочного неприменения ядерного оружия первыми. К тому же если раньше Китай четко отделял свое ядерное оружие от обычных сил и средств, то теперь там всерьез рассматривают стратегические аспекты и системы, размывающие грань между ядерными и обычными вооружениями. Такая же логика стоит за сегодняшними китайскими разработками гиперзвуковых технологий, по которым Китай, как и другие крупнейшие державы, стремительно продвигается вперед.

В качестве метода борьбы с такой угрозой автор предлагает заключить соглашение держав об отказе от ударов неядерными средствами по ядерным силам друг друга, а также поддержать международное движение в пользу запрета на использование ядерного оружия как самого эффективного способа добиться ядерного разоружения. Отметим, что,

хотя эта тема отсутствует в данной главе, движение к столь амбициозным целям Китай мог бы стимулировать для начала такими скромными шагами, как обеспечение транспарентности своих ядерных сил и программ по примеру четырех других стран «Р5».

Третья часть посвящена четырем ядерным государствам, стоящим вне ДНЯО и с точки зрения международного права имеющим спорный ядерный статус. Шестая глава адресована Индии и Пакистану, которые находятся в состоянии взаимного ядерного сдерживания и примерного паритета, ведут гонку ядерных вооружений и опираются на стратегические концепции, создающие на фоне конфликтной политической ситуации самую высокую опасность ядерной войны в современном мире. Теоретически возможность ограничения вооружений двух государств никак не зависит от других ядерных держав, за исключением Китая, с которым Индия тоже имеет отношения ядерного сдерживания и военного соперничества. Две страны Южной Азии заключили ряд маргинальных соглашений по уменьшению опасности ядерного конфликта. Однако для минимальной стабилизации положения автор считает необходимым согласование между ними дополнительных взаимных мер доверия, транспарентности и снижения боеготовности ракетно-ядерных вооружений.

В следующей, седьмой, главе рассмотрена другая острая проблема ядерной безопасности — ракетно-ядерная программа КНДР как фактор нестабильности на Дальнем Востоке. В отличие от стран Южной Азии она не создает угрозу ядерной войны, поскольку у Северной Кореи нет противника, готового применить против нее ядерное оружие. Тем не менее многолетние усилия Пхеньяна по развитию ракет все большей дальности, производству и испытаниям ядерного оружия, попытки создать термоядерные боеприпасы и периодически инспирируемые кризисы создают в регионе опасность вооруженного конфликта с применением ядерного оружия — пусть одностороннего, но с катастрофическими последствиями. Если контроль над ядерным оружием в Южной Азии хотя бы косвенно связан с общей тематикой ядерного разоружения (через отношения Индии с КНР, которая включена в ядерный баланс с США и негласно — с Россией), то проблема КНДР стоит особняком.

Пхеньян рассматривает обладание ракетно-ядерным потенциалом как главную гарантию обеспечения национальной безопасности при сохранении существующего политического режима, и так будет, пока сохраняется этот режим. Не надуманная внешняя угроза, а специфика политического режима стоит в основе ядерного потенциала Северной Кореи. Поэтому возобновление приостановленных в апреле 2009 г. шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова утратило смысл. В будущем международные дипломатические

усилия должны быть направлены на то, чтобы через деэскалацию отношений с КНДР, прежде всего в формате КНДР—США, остановить рост ракетно-ядерного потенциала этой страны: добиться прекращения ядерных испытаний и пусков ракет все большей дальности, разработки оружейного урана и плутония, исключить утечку из страны ядерных технологий и материалов. При этом не следует рассчитывать, что северокорейские власти пойдут на уступки только лишь за отмену введенных санкций. Потребуется предоставить КНДР юридически закреплённые международные гарантии полноценного суверенитета, невмешательства в ее внутренние дела и отказа от применения или угрозы применения в отношении нее военной силы.

Восьмая глава посвящена ситуации на другом краю Азии — на Ближнем Востоке — и ядерному потенциалу Израиля. Его непризнанная ядерная программа тоже изолирована от общей тематики разоружения, хотя Израиль подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Однако израильское ядерное оружие в отличие от ситуации с КНДР не имеет внутривнутриполитического измерения. Она всецело относится к внешней безопасности, которая подвергается не вымышленным, а вполне реальным угрозам со стороны окружающего мира исламских государств и террористических движений, открыто призывающих и стремящихся к уничтожению Израиля и обладающих огромными геополитическими и демографическими (а потенциально — и военными) преимуществами. Страна располагает ядерной триадой, опирающейся на носители двойного предназначения, которыми являются тактические самолеты, наземно-мобильные ракетные комплексы и дизель-электрические подводные лодки. Ядерное оружие рассматривается Тель-Авивом как оружие последней надежды и может быть применено первым в случае вооруженного нападения на страну, если под угрозу будет поставлено само существование Израиля как государства. В случае нанесения ядерного удара по Израилю (или удара с использованием других видов оружия массового уничтожения) выживший ядерный арсенал последнего будет без колебаний применен против агрессора. Израиль предпринимает все усилия, чтобы не допустить появления возможности создания ядерного оружия потенциальными противниками, не исключая использование военной силы, даже если будут нарушены нормы международного права.

Без кардинального изменения военно-стратегической ситуации в регионе на обозримую перспективу у Тель-Авива нет стимулов для отказа от ядерного оружия. «Анонимный» ядерный арсенал Израиля никак не связан с контролем ядерного оружия с участием других ядерных держав, но весьма зависит от состояния дел в сфере нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке и в других регио-

нах. В свою очередь, израильский потенциал служит стимулом для развития «престижной» атомной энергетики окружающих стран региона и их периодических подходов к «ядерному порогу».

Четвертая часть книги рассматривает вопросы укрепления существующих многосторонних режимов ядерного нераспространения и возможных будущих форматов разоружения. В девятой главе анализируется важнейшее многостороннее соглашение от 2015 г. по атомной программе Ирана (Совместный всеобъемлющий план действий — СВПД). Также в центре внимания — возможность использования созданных им прецедентов для укрепления режима нераспространения. Несмотря на прямую оговорку в этом соглашении, отрицающую такой подход, автор полагает, что некоторые инновационные характеристики соглашения можно взять на вооружение в более широком масштабе, для развития мирного ядерного сотрудничества и одновременно — для укрепления уверенности в том, что ядерные программы гражданского назначения не будут использоваться для создания ядерного оружия. Государства, которые вознамерятся в будущем незаконно овладеть ядерным оружием, столкнутся с серьезными издержками и другими препятствиями, опыт которых (включая широкую систему контроля) заложен в СВПД. В нем есть положения, которые можно в будущем использовать в качестве образца для обеспечения уверенности в том, что атомные программы неядерных государств останутся мирными и не будут применяться для создания ядерного оружия.

Автор высказывает весьма интересное мнение, что угроза распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке преувеличивается, а иранское соглашение создает возможности для дальнейшего ослабления этой угрозы даже несмотря на то, что соглашение затруднит задачу убеждения других стран отказаться от потенциала для обогащения урана. Рассматривая конкретные случаи Саудовской Аравии, Египта и Турции, которые с наибольшей вероятностью хотели бы создать противовес потенциальной ядерной мощи Ирана, автор делает вывод (который может показаться спорным), что у них нет элементарных технических возможностей, материальной и социальной инфраструктуры и политико-экономического пространства, позволяющих предпринять усилия по обретению ядерного оружия при противодействии международного сообщества. В этом плане подчеркивается, что, если любая из этих стран попытается создать ядерный потенциал двойного назначения, международное сообщество как минимум постарается заставить ее принять модальности мониторинга и верификации ядерной деятельности, аналогичные тем, что принял Иран в рамках соглашения 2015 г.

По мере выполнения СВПД в течение ближайших 10–15 лет международное сообщество должно широко применять его взаимовыгодные положения. Соответствующие пункты могли бы включаться в межгосударственные соглашения о ядерном сотрудничестве. Группа ядерных поставщиков могла бы потребовать принятия этих положений в качестве ориентиров для торговли с государствами, стремящимися создать потенциал для обогащения урана и/или сепарации плутония. На будущих конференциях по рассмотрению ДНЯО можно обсудить и рекомендовать к введению запрет на конкретные виды деятельности, способствующие созданию ядерных взрывных устройств — как в рамках борьбы с распространением ядерного оружия, так и в качестве элемента ядерного разоружения. Совету управляющих МАГАТЭ стоило бы дополнить существующие сдержки новыми процедурами мониторинга и проверки применительно к государствам, реализующим программы в сфере топливного цикла.

Десятая глава продолжает тему предыдущей применительно к частному, но кардинальному вопросу укрепления режима нераспространения — усилению гарантий МАГАТЭ. Концепция гарантий на уровне государства (КГУГ) является собой недавний этап эволюции системы гарантий МАГАТЭ. Эта концепция определяет способ применения гарантий МАГАТЭ в конкретном государстве с учетом всей имеющейся информации о нем (материалов, объектов и деятельности), чтобы надежнее выявлять несоблюдение ими обязательств по гарантиям в условиях практической неизменности бюджета Агентства. Россия наряду с другими странами-участницами выразила озабоченность в связи с концепцией гарантий на уровне государства, поскольку она способствует политизации системы гарантий, позволяя МАГАТЭ принимать необъективные решения о применении гарантий, основываясь на информации, предоставляемой третьими сторонами, которая может быть неточной и даже сфабрикованной в интересах тех или иных государств.

Глубинными корнями позиции России, считает автор, является стремление изменить нынешнее, по мнению Кремля, основанное на гегемонии Запада международное устройство, обеспечить соответствие деятельности международных организаций, в том числе МАГАТЭ, их первоначальному мандату, помешать западным странам расширительно толковать решения этих организаций в собственных целях. Россия ставит перед собой цель экспансии на мировом рынке ядерных технологий и материалов и рассматривает предложения по ужесточению гарантий МАГАТЭ как один из способов Запада, направленных на ее вытеснение и ущемление стран-партнеров по мирному атомному сотрудничеству. Автор высказывает мысль, что МАГАТЭ, возможно, никогда не сможет полностью выполнить пожелания и требования России и

обеспечить соблюдение ее стандартов, ведь некоторые факторы, относящиеся к конкретным государствам, по определению субъективны. Вместе с тем Секретариат МАГАТЭ в состоянии частично развеять беспокойство Москвы удовлетворительным для нее образом. В остальном разногласия, мешающие укреплению режима нераспространения через ужесточение гарантий МАГАТЭ, могут быть ослаблены, если и когда между интересами России и Запада появится больше совпадений. До таких изменений Россия будет и дальше во весь голос заявлять о своих национальных интересах во многих сегментах международной арены, включая рынок ядерных технологий и материалов, что обусловлено политико-экономическими интересами России.

В 11-й главе исследуется положение дел с распространением основного носителя ядерного оружия — ракет и ракетных технологий. Отмечено, что предпринимавшиеся до настоящего времени попытки ограничения такого распространения существенных успехов не имели. К согласованному в 1987 г. режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ) в настоящее время присоединились 35 стран (последней стала Индия — в 2016 г.). Режим не является юридически обязывающим — он представляет собой добровольное принятие положений РКРТ государствами, разделяющими цели ракетного нераспространения. Оценки цели ракетной и космической программ страны-получателя нередко становятся предметом разногласий членов режима. За более чем 20-летнюю историю к РКРТ присоединилась лишь одна шестая часть государств мира. Так, в огромном Азиатском регионе, где «ракетные угрозы» велики, в числе членов режима состоят только три страны — Япония, Корея и Турция.

Новой задачей для РКРТ является включение в режим новейших ракетно-планирующих гиперзвуковых систем. Передача используемых для них разгонных блоков и гиперзвуковых аэродинамических носителей и соответствующих технологий формально подпадет под ограничения РКРТ. Гиперзвуковые системы, по экспертным оценкам, находятся в разработке и на стадии испытаний в таких развитых в военно-техническом отношении государствах, как США, Россия и Китай (последний до сих пор не является членом РКРТ). В ближайшем будущем передача ими новейших систем оружия и технологий другим государствам маловероятна. Но в более отдаленной перспективе включение гиперзвуковых систем в РКРТ потребует согласования технических определений таких систем, их дальности и забрасываемого веса, а также списков соответствующих высоких технологий, поскольку гиперзвуковые средства сочетают элементы баллистической и гиперзвуковой крылатых ракет. В принципе это возможно, при условии присоединения к режиму КНР. Не менее важно, что этот процесс может быть начат лишь в слу-

чае кардинального улучшения военно-политической ситуации в мире, купирования последствий украинского кризиса и как следствие — преодоления тупика на центральных направлениях сокращения и ограничения вооружений. На перспективу совершенствование РКРТ видится автору на путях согласования и принятия юридически обязывающего соглашения, которое интегрировало бы в себе положения самого РКРТ, Гаагского кодекса поведения и предлагавшейся Россией еще в 1999 г. Глобальной системы контроля как основы нового режима ракетного нераспространения по типу ДНЯО.

Последняя, 13-я, глава книги посвящена общей логике перехода к многостороннему формату ограничения и сокращения ядерных вооружений государств. Наверное, самый удобный для России и США вариант состоял бы в том, чтобы закрепить существующее соотношение сил с остальными семью странами на пропорциональной основе или выделить им квоты в рамках суммарного потолка (например, в 1 тыс. боезарядов). Однако, как всегда бывает с простыми решениями, этот механический подход наименее реализуем. Так же нереален путь поэтапного присоединения остальных ядерных государств к процессу сокращения и ограничения ядерных вооружений России и США.

Каждое из семи остальных ядерных государств, как Россия и США, связывает со своим ядерным оружием собственные интересы безопасности (сдерживание нападения с использованием ядерных или обычных сил и средств, статус и престиж, козырь на переговорах, консолидация власти внутри страны). Эти интересы зачастую не соотносятся с ядерными силами двух сверхдержав и большинства других стран — обладательниц ядерного оружия. Поэтому они не согласятся ни на суммарный потолок, ни на индивидуальные квоты в каком-то фиксированном соотношении между собой. По той же причине третьи ядерные державы принципиально отказываются объединяться в одну или две группы для сопоставления с ядерными силами каждой из двух сверхдержав.

Еще более важный момент состоит в том, что серьезные переговоры и соглашения по ограничению вооружений — это не символика, а важнейший элемент военно-стратегических отношений государств. Поэтому для переговоров об ограничении вооружений необходимо наличие вполне определенных стратегических отношений сторон (например, взаимного ядерного сдерживания), как между США и Россией (а прежде — Советским Союзом), а также примерного паритета арсеналов. Тогда одно государство может ограничить свои вооруженные силы и военные программы в обмен на то, что их ограничивает другое, причем на основе равенства, чтобы не закреплять юридически свое военное отставание.

Отношения взаимного сдерживания и паритета в ядерной девятке является исключением, а не правилом. Они есть только между Россией и США, а также между Индией и Пакистаном. Великобритания и Франция имеют с Россией отношения взаимного сдерживания, но не паритета. То же относится к балансу США и КНР, а также (латентно) России и Китая. Но взаимное ядерное сдерживание по политическим или военно-техническим причинам отсутствует в отношениях США, Франции и Великобритании с Израилем, Индией, Пакистаном и КНДР. Таких отношений не просматривается в стратегических взаимоотношениях России с Индией, тогда как в отношениях Российской Федерации с Израилем, Пакистаном и КНДР вопрос не ясен. Хотя ядерное сдерживание тут может присутствовать «закулисно»: оно едва ли создаст осязаемый предмет переговоров о взаимном ограничении вооружений. У Китая нет взаимодействия по модели ядерного сдерживания с Израилем, Пакистаном и КНДР. Два негласных и непризнанных ядерных государства на противоположных окраинах Евразии — Израиль и КНДР — едва ли могут стать формальными участниками переговоров о разоружении с кем бы то ни было. Если их ядерные средства когда-то и будут предметом соглашений, то, скорее всего, в рамках нераспространения ядерного оружия, решения проблем безопасности, ограничения обычных вооруженных сил, урегулирования политических, экономических, территориальных и внутренних конфликтов.

Основываясь на реальных военно-стратегических взаимоотношениях ядерных государств, автор полагает, что единственным гипотетически возможным вариантом могут стать несколько форумов двустороннего формата: Великобритания/Франция — Россия, США — КНР, Россия — КНР, КНР — Индия, Индия — Пакистан. Какая-то координация этих переговоров между собой была бы высшим достижением дипломатии Москвы и Вашингтона. При этом в ряде случаев третьи страны должны будут опираться на технические средства контроля России и США или специальных международных организаций (в рамках ООН или МАГАТЭ).

Приводимые авторами факты и расчеты, их взгляды и оценки не обязательно отражают позиции редакторов книги, Московского Центра Карнеги и тем более — всего Фонда Карнеги за Международный Мир. Насколько убедительно экспертам удалось обосновать свою точку зрения и внести вклад в научное знание по данной тематике, судить читателю.

А. Г. Арбатов

Глава 1. КРИЗИС КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

Роберт Легволд

Вызовы новой ядерной эпохи в условиях мирового (бес)порядка XXI века

Все видят, насколько драматично меняется международная обстановка, но мало кто замечает столь же драматичные изменения в сообществе ядерных держав. Тенденции, меняющие динамику взаимодействия между различными ядерными «игроками», преодоление технологических барьеров, начало новой гонки ядерных вооружений, ослабление сдержек, выработанных в предыдущий период, — из-за всего этого нынешняя ядерная эпоха становится все сложнее и опаснее, причем даже опаснее, чем ее предшественница — эпоха холодной войны. Ситуация усугубляется и тем, что политическое сообщество не только не пытается обуздать эти опасности, но и, кажется, их вообще не осознает.

Если бы политики и руководство государств взглянули в лицо угрозам, маячащим впереди, они бы поняли, что сталкиваются с серьезнейшим двойным вызовом. Во-первых, необходимо сосредоточить внимание на сложных процессах, посредством которых изменения в международной политической обстановке преобразуют и усложняют ядерную политику государств, обладающих ядерным оружием, и отношения между ними. Затем возникает еще более трудная задача, а именно решить эту ядерную головоломку, сложить воедино все ее части — эволюцию двустороннего, а в потенциале трехстороннего, ядерного соперничества, технологических прорывов и разрывов, процесс, в рамках которого на смену устоявшимся концепциям приходят двусмысленные и изменчивые представления о сути ядерного сдерживания и стратегической стабильности. Новую ядерную эпоху уже нельзя объяснить, а значит и эффективно решать ее проблемы, если центральное значение придавать российско-американским отношениям в ядерной сфере, рассматривая все другие происходящие в мире события как второстепенные осложнения и полагая, что достаточно принятия ограничений

вооружений только имеющихся у России и США. Для достижения прогресса почти наверняка потребуется сочетание целого ряда разных подходов: многосторонних, двусторонних и трехсторонних, официальных и неформальных, взаимных и односторонних. Хотя успех будет зависеть от лидерской роли США и России, а на каком-то этапе еще и Китая. В конечном итоге система должна быть гибкой, многомерной и в равной мере учитывающей качественные факторы и количественные ограничения.

Эволюция ядерного миропорядка в меняющейся международной обстановке

Во-первых, по мере того как международная среда «тает», образуя все больше бурлящих водоворотов влияния, возникает много новых, незнакомых угроз. Исламский мир охвачен пожаром, терроризм достиг глобального масштаба, в результате изменения климата назревают конфликты из-за доступа к продовольствию, водным ресурсам, благоприятным зонам для проживания. Одновременно рушатся прежние политические модели, схемы и представления, и мир кажется все более хаотичным, лишенным внятной политической структуры и четкого понимания, какие факторы перемен повлияют на будущее сильнее всего. Будет ли это смута — непрекращающаяся серия региональных конфликтов? Или «столкновение цивилизаций», самым острым проявлением которого стал исламистский терроризм? Или придет пора платить по счетам за усиливающееся социально-экономическое неравенство как внутри отдельных стран, так и в международном масштабе? Или, по мере того как Китай и другие новые игроки наберут силу, нас ждет конфликт между великими державами? А может быть, беду принесет неспособность обуздать и прекратить действия, наносящие урон климату и экологии планеты? Или, что еще хуже, мы столкнемся с сочетанием нескольких из этих угроз? Наконец, возможно, как это столь часто случалось в прошлом, произойдет нечто непредвиденное?

На фоне этой неясной картины краткосрочные тенденции, определяющие отношения между крупными державами, выглядят более простыми и знакомыми, но не менее тревожными. Крушение биполярного порядка времен холодной войны нарушило прежнее соотношение сил, но это произошло асимметричным путем, и именно асимметрия стала основой проблемы. Если говорить об отношениях между Западом и Россией, то в чисто военном плане в период холодной войны США и их союзников беспокоило сначала «отставание по бомбардировщикам» в середине 1950-х, потом «отставание по ракетам» в начале 1960-х. Но после завершения холодной войны Россия в более общем плане стол-

кнулась с «дефицитом безопасности». Угрозы ее национальной безопасности — реальные или предполагаемые — превосходят по остроте, масштабу и разнообразию все опасности, которые когда-либо доводилось ощущать Соединенным Штатам и их европейским союзникам. И это, как мы увидим, оказывает непосредственное и глубокое воздействие на расширение разрыва и нарастающую напряженность между подходами США и России к ядерной политике.

В том, что касается Китая и США, по мере уравнивания весовых категорий двух этих стран в международной политике, фундаментальная асимметрия их ядерных потенциалов — хотя китайцы начали работать над ее устранением — добавляет неопределенности в американо-китайские отношения в целом и вносит чреватые нестабильностью тенденции в ядерный аспект этих отношений. В случае с Индией и Пакистаном на отношения двух стран влияет не столько распределение силы в мире после холодной войны, сколько асимметрия их быстро увеличивающихся обычных и ядерных сил. Однако отношения Индии с Китаем отражают взлет последнего в нынешнем пестром мире, сгущая тень их давних пограничных конфликтов и дополняя воздействие усилившегося напора Китая на мировой арене, включая и регион Индийского океана.

Во-вторых, различия в положении трех основных ядерных игроков — США, России и Китая — в этой меняющейся международной обстановке самым серьезным образом влияют на их отношение к ядерному оружию и его роли. С позиции Соединенных Штатов, обладающих преимуществом экономического и военного превосходства над всеми остальными, опасности современного мира многочисленны, сложны и новы, но не кажутся смертельной угрозой и в основном удалены от их границ. Поэтому ядерное оружие представляется второстепенным и даже в большинстве случаев неактуальным инструментом борьбы с этими угрозами. Оно остается центральным элементом оборонной политики США, и в ближайшие 10 лет Вашингтон планирует потратить на модернизацию всех трех составляющих ядерной триады более 350 млрд долларов. Но до недавних пор задачи этого оружия были абстрактны — своего рода страховка от неизвестного, а не направлены против конкретного противника или противников.

России, напротив, вызовы, исходящие извне, представляются куда более масштабными, приближенными и воплощенными в лице конкретного государства и его партнеров по альянсам. В ситуации, когда эти угрозы вырастают на развалинах ее бывшего периметра безопасности, занятого теперь государствами, которые некогда рассматривались и теперь вновь рассматриваются как противники, и, более того, когда главные источники нестабильности опоясывают ее границы, ядерное оружие приобретает намного большее значение, подкрепляя

статус, на который страна претендует, и компенсируя недостаток других возможностей в военной сфере.

Позиция Китая в этой обстановке отличается как от американской, так и от российской. КНР — новая великая держава, на которую соседние крупные государства поглядывают с опаской, полная решимости играть видную роль, а то и доминировать в собственном регионе и иметь существенное право голоса в мировом масштабе, связанная с единственной державой, которая превосходит ее по мощи, хрупким и неопределенным балансом отношений. Если прежде Пекин намеренно приглушал ядерный фактор, чтобы Китай, как и хотели его лидеры, оставался в тени высокой политики американо-советского ядерного состязания, то теперь роль, на которую он претендует, и вызовы, с которыми он сталкивается, в том числе и со стороны других ядерных держав, неизбежно меняют значимость ядерного оружия в китайской внешней политике. По мере того как Китай занимает все более важное место в созвездии великих держав, усиливается также его роль и значение в качестве ядерного «игрока».

В-третьих, если ученые спорят, как называть нынешнюю международную систему — однополярной, многополярной, моно-многополярной или вообще лишенной полюсов, то геометрия государств, обладающих ядерным оружием, выглядит более жесткой¹. В годы холодной войны международная система была биполярной, и ее ядерная составляющая в сущности была такой же. Но в новую эпоху все изменилось. Биполярность американо-российских отношений в ядерной сфере быстро превращается в триполярность: в своих расчетах Москве и Вашингтону приходится учитывать меняющийся ядерный профиль Китая. То же самое относится к ядерному противостоянию Индии и Пакистана, поскольку Индия, как и Китай, перестраивает свои ядерные силы таким образом, что действия каждой из этих стран напрямую затрагивают другую. За 40 лет холодной войны специалисты по воен-

¹ Большинство из них предпочитает термин «многополярность», но Сэмюел Хантингтон в своей работе «Одинокая сверхдержава» использовал более нюансированное понятие «моно-многополярность» (подробно см.: Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Mar.—Apr. Vol. 78. N 2. P. 35—49). Вопрос о «монополярности» активно обсуждался рядом ученых, но наиболее современный и взвешенный взгляд содержится в статье: Brooks S. C., Wohlforth W. C. The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-first Century: China's Rise and Fate of America's Global Position // International Security. 2015—2016. Winter. Vol. 40. N 3. P. 7—53. Ричард Хаас утверждает, что нынешняя международная система по сути «лишена полюсов» (см.: Haas R. The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs. 2008. May—Jun. Vol. 87. N 3. P. 44—56).

ному планированию и эксперты постепенно научились понимать динамику двустороннего ядерного соперничества в условиях двустороннего мира, хотя в ее поздний период эта конструкция начала размываться. Но как понять динамику многостороннего ядерного мира, где в условиях международной политической раздробленности множатся пары и треугольники?

В-четвертых, в прошлую ядерную эпоху, после того как Франция, Британия и Китай обзавелись ядерным оружием, каждая из этих стран могла спровоцировать атомный конфликт, но из-за иерархического характера миропорядка времен холодной войны этот риск был жестко подчинен главному соревнованию — между США и СССР. Сегодня этих ограничений не существует, и такой конфликт среди девяти государств, обладающих ядерным оружием, может вспыхнуть на ряде направлений. Более того, вероятность применения ядерного оружия в рамках ключевых взаимоотношений, например между Россией и США, меньше, чем в конфликтных отношениях между Индией и Пакистаном или в результате непредсказуемости «режима-изгиба», подобного северокарейскому. Здесь на размывание контуров международной политической системы накладывается изменение параметров ядерного мира, в результате чего оба они становятся менее стабильными и предсказуемыми.

Наконец, каким бы ни был характер или структура международной системы, ее прямое влияние на события в мире ядерных держав, и, в свою очередь, их влияние на нее зависят от развития взаимоотношений между этими государствами. Соединенные Штаты и Россия перешли от относительно гармоничных отношений в эпоху после окончания холодной войны к конфликтам и враждебности, по основным параметрам напоминающим холодную войну, и это ухудшение отношений способно основополагающим образом изменить их ядерную политику. После долгого периода сравнительного невнимания к своим ядерным силам, а в том, что касается США, и к соображениям о противодействии российской угрозе, обе страны вновь вкладываются в модернизацию всех элементов этих сил. И, по мере того как их взаимоотношения приобретают конфронтационный характер, они снова начали ориентировать свой образ мысли и использование имеющихся ресурсов на борьбу с угрозой, которую каждая из стран усматривает в действиях другой. Кроме того, если неустойчивое равновесие в американо-китайских отношениях однозначно превратится в стратегическое соперничество, то есть если обе эти страны или одна из них начнет рассматривать другую как источник угрозы своей национальной безопасности, в значительной мере нацеливать свою военную составляющую против нее и создавать альянсы, призванные ей противодействовать, это самым се-

ррезным образом отразится на ядерных программах обоих государств. В случае же перекося в этом направлении в контексте продолжающегося российско-американского противостояния начнется новая эпоха основополагающей нестабильности в отношениях между ядерными державами.

Неопределенность, расхождения и опасности в асимметричной ядерной вселенной

Эти пять характеристик общей международной обстановки накладывают глубокий отпечаток на тенденции, возникающие в новую ядерную эпоху. А именно: асимметрия, появившаяся в результате крушения биполярного миропорядка, и противоположные позиции, занимаемые Соединенными Штатами и Россией в контексте нарождающегося международного устройства, приводят ко все большему расхождению подходов этих двух стран к вопросу ядерного сдерживания. Как отмечал Брэд Робертс, со времен администрации Клинтона США начали переход от «стандартной» концепции сдерживания к «дифференцированной»². Иными словами, озабоченность США сдерживанием ядерного нападения со стороны России сошла на нет, но ее заменила еще большая тревога относительно ситуаций в регионах мира, опасение, что в критический момент местные ядерные «игроки» могут быстро, за счет использования ряда традиционных и нетрадиционных методов, поставить Вашингтон перед свершившимся фактом, а затем сорвать ответные действия Америки угрозой применения или даже ограниченным применением ядерного оружия.

Для Соединенных Штатов главной задачей стало «расширенное сдерживание», что четко отразилось в американской ядерной доктрине 2010 г. Именно эта задача определяет планы по созданию системы противоракетной обороны (ПРО) и неядерных стратегических ударных сил, обуславливает включение в новую, всеобъемлющую концепцию сдерживания традиционных методов ведения войны, кибернетических и политических элементов и уточняет роль ядерного оружия в этой концепции. Угроза может исходить как из Европы, так и с Ближнего Востока или из Северо-Восточной Азии, но во всех случаях, несмотря на различие конкретных сочетаний элементов сдерживания, оно предусматривает опору на нестратегическое ядерное оружие, развернутое

² Roberts B. The Case for U. S. Nuclear Weapons in the 21st Century // Stanford: Stanford University Press, 2016.

в самом регионе или неподалеку от него, подкрепленное всей мощью модернизированной американской ядерной триады.

Россия, напротив, по-прежнему воспринимает ядерное сдерживание с большей «монохромностью» и отводит ядерному оружию более важную роль. Соединенные Штаты, переключаящие внимание на сдерживание противника регионального масштаба, обладающего ядерным оружием и испытывающего искушение начать действовать, полагая, что он сможет взять верх, определяя ход эскалации, а то и вообще минуя этот этап, призывают отказаться от концепции «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ) времен холодной войны в пользу того, что некоторые определяют как «взаимную гарантированную стабильность»³. А Россия по-прежнему считает эту концепцию реальной и необходимой. Ее ядерные силы, как отмечают Алексей Арбатов и Владимир Дворкин, ориентированы на выполнение трех задач: нанесение ответного удара, если Россия «или ее союзники» станут объектом первого ядерного удара, возмездие агрессору за нападение с применением химического или биологического оружия и предотвращение «неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию с использованием обычных вооруженных сил и вооружений»⁴. Но все эти задачи связаны с уже начавшейся войной, а не с ядерным шантажом, балансированием на грани ядерной войны и азартными играми регионального агрессора с ядерным оружием, как в стратегическом мышлении США.

Акцент делается на ядерной войне регионального уровня, а не мировой или масштабной, поскольку последнюю российские власти считают маловероятной. В результате между подходами США и России к военным действиям с применением обычных вооружений и ядерному сдерживанию возник резкий контраст. В США неядерные варианты — обычные ударные вооружения большой дальности, космическое оружие, совершенствование разведки, слежения и наблюдения (РСН) — рассматриваются как адаптация и усиление ядерного сдерживания. Для России же корректировка ядерного сдерживания — включение в его концепцию применения нестратегического ядерного ору-

³ Report on Mutual Assured Stability: Essential Components and Near Term Actions. Washington: Department of State, 2012. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/196789.pdf>

⁴ Арбатов А. Г., Дворкин В. З. Большой стратегический треугольник. Москва: Московский Центр Карнеги, 2013. URL: <http://carnegie.ru/2013/03/26/большой-стратегический-треугольник/ftyh#>

жия, создание вооружений для «доядерного сдерживания»⁵ — призвана повысить возможности ведения неядерной войны.

Здесь, однако, в ситуацию вмешался третий фактор — возобновление американско-российского соперничества, который скорее всего отобьет у США интерес к отходу от принципа «взаимного гарантированного уничтожения». В конце концов, взаимная гарантированная стабильность (или безопасность) представляет собой политическую концепцию не в меньшей степени, чем теорию сдерживания. Она относится к отношениям, утратившим антагонистический характер, делает акцент на создании ситуации, когда политическое, экономическое и дипломатическое сотрудничество позволяет преодолевать риск конфликта, и предусматривает отказ от принятия «решений о структуре, размере ядерных сил и ядерной доктрине» на основе «предположения, что другая сторона является противником или с большой вероятностью готова участвовать в ядерном конфликте»⁶. После украинского кризиса и коллапса российско-американских отношений подобные разговоры ведутся гораздо реже. Акцент вновь делается на том, что США следует заняться усилением ядерного сдерживания и обеспечить себе возможность реализовать ту часть ВГУ, которая касается гарантированного уничтожения⁷.

Однако для России и США характерно и сходство ряда позиций, и не только в плане традиционной приверженности ВГУ. Обе страны также отказываются признать взаимное сдерживание основой своих отношений с другими ядерными державами, и прежде всего с Китаем⁸. Отчасти это связано с инерцией мышления, приверженностью позициям, устоявшимся еще в прошлую эпоху, но красноречивее выглядит такой факт: ни одна из двух стран не желает признавать, что их взаимоотношения с Китаем в ядерной сфере основываются на «взаимной уязвимости». Они также отвергают принцип «единственного предназначения» своих ядерных вооружений — сдерживания ядерного нападе-

⁵ Kokoshin A. Ensuring Strategic Stability in the Past and Present: Theoretical and Applied Questions. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2011. P. 57–58. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/Ensuring%20Strategic%20Stability%20by%20A.%20Kokoshin.pdf>

⁶ Report on Mutual Assured Stability: Essential Components and Near Term Actions. Washington: Department of State, 2012. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/196789.pdf>

⁷ Roberts B. Op. cit.; Miller F. C. Adjusting NATO's Nuclear Policies: A Five Step Program. Washington: Atlantic Council, 2016. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/adjusting-nato-s-nuclear-policies-a-five-step-program>

⁸ Арбатов А. Г., Дворкин В. З. Указ. соч.

ния. Вашингтон в официальной ядерной доктрине настаивает на своем праве применять ядерное оружие в ответ на агрессию против США и их союзников с использованием обычных вооружений. Что же касается военной доктрины России, то она, как уже отмечалось, четко санкционирует использование ядерного оружия для возмездия за нападение на Россию или ее союзников с применением химического или биологического оружия, а также в случае возникновения угрозы самому существованию государства в результате нападения с использованием обычных вооруженных сил. Наконец, оба государства с одинаковой тщательностью продумывают и планируют свои действия в ограниченной ядерной войне. В последние годы каждое из них активизировало усилия по уточнению вариантов и номенклатуры вооружений для применения при пересечении порога ядерной войны.

Сегодня китайский фактор не только осложняет отношения Индии и Пакистана в ядерной сфере, но и добавляет новое измерение к центральному российско-американским ядерным взаимоотношениям. Как и Россия с Соединенными Штатами, Китай основывает свой подход к ядерному сдерживанию на «гарантированном возмездии», при этом, в отличие от США и России, но подобно Индии, КНР придерживается доктрины минимального сдерживания и неприменения ядерного оружия первым. В результате как на международно-политическом, так и на ядерном уровнях возникает асимметрия, порождающая напряженность. Кроме того, в последние 10 лет подъем Китая как великой державы предусматривает и меры по развитию ядерных сил, обладающих реальной, пусть и зачаточной, способностью к гарантированному возмездию. В связи с этим немаловажным фактором для Китая является нежелание США согласиться на отношения взаимной уязвимости. Более того, как утверждают многие представители китайской стороны, Вашингтон твердо намерен осуществить модернизацию своих стратегических сил, которая должна обеспечить Соединенным Штатам превосходство, то есть преимущество как по наступательным, так и по оборонительным вооружениям, позволяющее нанести ядерный удар без опасений относительно существенного ядерного возмездия⁹.

Первые шаги Китая и его вероятные дальнейшие меры по сохранению потенциала гарантированного возмездия в отношении Соединенных Штатов — за счет увеличения и модернизации группировки межконтинентальных баллистических ракет (МБР), создания сил сдер-

⁹ Cunningham F. S., Fravel M. T. Assuring Assured Retaliation: China's Nuclear Posture and U.S.—China Strategic Stability // *International Security*. 015. Fall. Vol. 40. N 2. P. 7—50.

живания морского базирования и исследований в области ПРО, — в свою очередь вызывают озабоченность у Индии. Индийские наблюдатели гадают: насколько реальна приверженность Китая минимальному сдерживанию, если эта страна увеличивает количество и точность МБР, создает ракеты с разделяющей головной частью (РГЧ) и испытывает гиперзвуковое оружие?¹⁰ И насколько можно верить обязательству Китая не применять ядерное оружие первым, если для сведения к минимуму уязвимости сил и средств гарантированного возмездия там обсуждаются преимущества концепции «запуска по сигналу систем предупреждения»? В целом параллельные обязательства Китая и Индии поддерживать потенциал сдерживания на минимальном уровне и не применять ядерное оружие первыми расцениваются как стабилизирующий фактор, хотя и считается, что вооружения китайского корпуса Второй артиллерии [ныне — Ракетные войска Народно-освободительной армии Китая (НОАК)] нацелены на индийские города и ключевые стратегические объекты, а вооруженные силы Индии как минимум с 2009 г. «готовятся к войне на два фронта, с Китаем и Пакистаном, в условиях применения ядерного оружия»¹¹. Однако и в данном случае быстрый рост ядерного потенциала Индии и Китая в результате их усилий по созданию современных наступательных и оборонительных сил и средств для превращения своих ядерных триад соответственно в четвертую и третью по величине в мире — в контексте роста амбиций обеих стран на международной арене — придает этим прежним реалиям совершенно иное значение, особенно с учетом того, что в их двусторонних отношениях по-прежнему сохраняется взаимное недоверие и военная напряженность.

Среди асимметрий во взаимно противоречивых подходах девяти ядерных «игроков» к ядерному сдерживанию наибольшую тревогу вызывает ситуация в индийско-пакистанских отношениях. Каждая из стран говорит о «надежном» минимальном сдерживании, обосновывая этим необходимость создания потенциала для гарантированного ответного удара (хотя пересмотр Пакистаном концепции сдерживания «по всему спектру» и угрозы применить ядерное оружие против конвенционального нападения запутывают эту логику). Также обе стороны строят воздушно-наземно-морскую триаду. Теоретически и то и другое должно оказывать стабилизирующее воздействие. Потенциал, гаран-

¹⁰ Kondapalli S. *The View from India // The China—India Nuclear Crossroads* / ed. by L. Saalman. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012. P. 58.

¹¹ Скриант Кондапалли цитирует заявление командующего Сухопутными войсками Индии генерала Дипака Капура (*Ibid.* P. 63).

тирующий ответный удар, ликвидирует крайне нестабильный характер ядерных сил первого поколения, имевших для нанесения ядерного удара лишь ограниченное количество самолетов, а появление триады смягчит проблему Пакистана со стратегической глубиной. Но ситуацию омрачают одна симметрия и две асимметрии. Симметрия заключается в том, что для доставки ядерного оружия к столицам и крупнейшим городам двух стран требуется всего 4–6 минут, так что в этом случае не успеет сработать даже самая передовая система раннего предупреждения.

Асимметрии чреватые еще более зловещими последствиями. В Индии решения по ядерному оружию принимает гражданское руководство вооруженными силами — Политический совет Комитета по безопасности при правительстве, возглавляемый премьер-министром. С Пакистаном дело обстоит не столь ясно. Технически полномочиями по принятию решения обладает Комитет по контролю применения ядерного оружия при Верховном главнокомандовании: предполагается, что члены этого органа могут действовать только на основе консенсуса, но существуют подозрения, что решающее слово в нем принадлежит военным.

Впрочем, наиболее серьезные последствия порождает асимметрия в соотношении сил. Из-за предполагаемого превосходства Индии в обычных вооруженных силах Пакистан с самого начала оставлял за собой право ответить ядерным ударом на нападение с использованием неядерных вооружений. Он отказывается присоединиться к обязательству Индии о неприменении ядерного оружия первой (хотя в 2010 г. Индия, судя по всему, несколько изменила свою позицию, заявив, что оно распространяется только на «неядерные государства»). С 2004 г. индийские Сухопутные войска взяли на вооружение стратегию «холодного старта» — создание в обычных вооруженных силах более компактных боевых частей передового базирования с возможностью быстрого реагирования (хотя особых практических действий за этим не последовало). В ответ Пакистан пригрозил ответить на наступление обычных вооруженных сил применением тактического ядерного оружия и начал в ускоренном порядке разрабатывать для его доставки тактическую баллистическую ракету малой дальности «Наср»¹². Индийские официальные лица подчеркивают, что на любое применение ядерного оружия страна ответит массированным ядерным ударом возмездия. В результате такого изменения подхода Пакистана к

¹² Sankaran J. Pakistan's Battlefield Nuclear Policy: A Risky Solution to an Exaggerated Threat // *International Security*. 2014–2015. Winter. Vol. 39. N 3. P. 118–151.

ядерному сдерживанию и с учетом того, что на индийский удар возмездия он ответит аналогичным ударом, возникает перспектива масштабной ядерной войны с нанесением ударов не только по военным, но и по крупным гражданским объектам.

Опасности, связанные с эволюцией ядерных сил и доктрин Индии и Пакистана, выглядят наиболее актуальными и заметными, но нарастают также риски и сложности во многих аспектах нынешнего многополярного мира и в отношениях между другими его субъектами. Пересечение асимметрий в меняющейся международной обстановке и разломов в сообществе ядерных государств чревато особенно серьезными последствиями в трех взаимосвязанных контекстах — перспектив «кризисной стабильности», планов на случай, если сдерживание не сработает, и понятия «победы в войне».

Кризисная стабильность

Стратегическая стабильность в мире ядерных держав в простейшем значении этого понятия означает, что в условиях военно-политического кризиса стимул к применению ядерного оружия слаб или вовсе отсутствует. Обычно считается, что это обеспечивается наличием у противоборствующих сторон гарантированной способности нанести ответный ядерный удар. Есть и не столь радикальный вариант с заниженными требованиями: когда в момент кризиса у каждой ядерной державы есть возможности, связанные или не связанные с ядерным оружием, чтобы удержать другую сторону от применения ядерного оружия первой. Стабильность в условиях кризиса в таком понимании возможна при двусторонних отношениях, но сохраняется ли эта возможность при более сложной конфигурации сил? Что для этого потребуется? Как она будет выглядеть на практике? В нынешнем международном контексте, с учетом всех происходящих изменений, риск ядерной конфронтации с участием более чем двух стран может показаться чисто гипотетическим, но тот факт, что военное руководство Индии предполагает войну на два фронта против Пакистана и Китая «в условиях применения ядерного оружия», делает этот гипотетический вариант не столь маловероятным. А если нынешняя аморфная международная обстановка изменится в направлении соперничества между крупными державами — прежде всего США и Китаем на фоне ухудшения американо-российских отношений — гипотетический вариант станет абсолютно реальным.

Впрочем, вызовы стабильности в условиях кризиса уже присутствуют в запутанной системе взаимозависимостей, характерной для многополярного ядерного мира. Они вновь проявляются даже в наи-

более устоявшихся отношениях между ядерными державами — российско-американских. Когда в своей ядерной политике США переключили внимание с противостояния с Советским Союзом на укрепление сдерживания в критических ситуациях регионального масштаба, они перешли к комплексному подходу, где ядерное оружие было лишь одним из элементов. В плане реакции на различные этапы эскалации регионального кризиса — будь он связан с Северной Кореей, перспективой превращения Ирана в ядерную державу, Китаем или Россией — Вашингтон делает все больший акцент на обычные силы быстрого реагирования, ударные неядерные средства, ограниченную противоракетную оборону, кибернетическую и космическую оборону и совершенствование «разделения труда» с партнерами по военным альянсам¹³. В этом сочетании ядерный компонент «приспосабливается» к специфике соответствующего региона, но в большинстве случаев включает нестратегическое ядерное оружие, которое там уже развернуто или может быть быстро туда переброшено.

С точки зрения США, подобная эволюция направлена на снижение значения ядерного оружия и усиление стратегической стабильности в отношениях с Россией и Китаем и одновременно дает Соединенным Штатам и их союзникам необходимую гибкость и соответствующие инструменты противодействия любым шагам, которые может замыслить противник — от политического шантажа путем запугивания ядерным оружием до быстрого достижения эффекта или попыток переломить неудачный ход неядерного конфликта за счет ограниченной ядерной эскалации. Из Москвы все это видится совершенно иначе. Россияне, обладающие нужной технической квалификацией, возможно, понимают, что элементы этой программы, в частности ограниченная система ПРО или стратегические вооружения для неядерного быстрого глобального удара, в их нынешнем виде не представляют угрозы для российских ядерных сил сдерживания¹⁴. Но руководство страны, судя по всему, расценивает их как «пакет» мер, призванных нейтрализо-

¹³ Этот вопрос подробно анализируется в монографии: Roberts B. The Case for U.S. Nuclear Weapons in the 21st Century. Stanford: Stanford University Press, 2016.

¹⁴ Владимир Дворкин ссылается на статью в газете «Военно-промышленный курьер», где «представлены детальные расчеты, показывающие невозможность одновременного удара высокоточными крылатыми ракетами даже по одному конкретному позиционному району Ракетных войск стратегического назначения в европейской части страны» (см.: Дворкин В. Как преодолеть собственные противоречия: Путин о СНВ и ПРО. М.: Московский Центр Карнеги, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/11/24/ru-62064/im8c>).

вать ядерные средства России и создать условия для беспрепятственного использования Соединенными Штатами обычных вооруженных сил.

Подобная постановка вопроса еще не означает, что стабильность в условиях кризиса оказалась под угрозой: Россия лишь полагает, что такая угроза может возникнуть, если США будут продолжать в том же духе. Однако уже сейчас она ставит под угрозу стабильность в области гонки вооружений. Если российское руководство всерьез воспринимает действия США как потенциальную угрозу или если заинтересованные группы в силовых структурах и военно-промышленном комплексе попросту стремятся воспользоваться благоприятной возможностью, замышляемые российской стороной программы не могут не спровоцировать контрмер со стороны США.

Так, российская сторона обосновывает разработку тяжелой жидкостной МБР шахтного базирования «Сармат» с РГЧ ИН для замены ракеты SS-18 (РС-20) «Сатана» необходимостью «подстраховки», гарантирующей прорыв любой системы ПРО, которую могут создать Соединенные Штаты. Но оборонное сообщество США, глядя на усилия России по модернизации всей группировки МБР, принятию на вооружение новых атомных ракетных подводных лодок (ПЛАРБ) четвертого поколения, оснащенной новыми маневрирующими ракетами с ядерными боеголовками, и созданию малозаметного бомбардировщика с передовыми КРВБ, будет трактовать это как амбициозную программу, призванную создать угрозу для основы американских ядерных сил сдерживания. Аналогичным образом американская сторона воспримет появление у России новых высокоточных авиационных крылатых ракет большой дальности, особенно их модификации в ядерном оснащении, — Х-102 — как попытку достичь эскалационного доминирования на начальных этапах неядерного конфликта и первых стадиях ограниченной ядерной войны. Прежде Соединенные Штаты отреагировали бы на все это относительно спокойно, расценивая разработку этих новых вооружений как элемент обычного процесса замены устаревших образцов техники современными. Однако воздействие новой американско-российской холодной войны, как я называю последние события, меняет ситуацию, и в Вашингтоне уже усиливаются требования реализации новых программ и переориентации существующих для борьбы с растущей угрозой со стороны России¹⁵.

Между тем угроза кризисной стабильности в контексте российско-американских отношений уже существует: развал советских вооружен-

¹⁵ Legvold R. Return to Cold War. Cambridge: Polity Books, 2016.

ных сил и особенно операции НАТО вроде войны в Косово в 1999 г. вызвали у российской стороны опасения, что отразить натовское наступление с использованием обычных вооружений она сможет только за счет применения ядерного оружия на ранней стадии конфликта. Более 15 лет в Москве господствует мнение, что удержать НАТО от военного вмешательства в конфликт, имеющий важное значение для России, или обеспечить «деэскалацию» боевых действий при прямом вооруженном столкновении НАТО и России можно за счет ограниченного применения ядерного оружия¹⁶. Кроме того, до недавних пор крупные учения российских вооруженных сил включали, как правило, «ядерный этап».

Но опять же, если в глазах Москвы эта концепция носит оборонительный характер, то для США и НАТО в условиях развала американо-российских отношений после украинского кризиса она звучит более угрожающе. Россия, опасаясь, что они, возможно, готовятся нанести молниеносный, вероятный, скрытный удар где-то у своих границ, рассчитывая, что ее высокоточные ракеты большой дальности в неядерном оснащении смогут нейтрализовать аналогичные системы США, и это позволит использовать нестратегическое ядерное оружие, чтобы парализовать ответные действия Запада. Причем если российская сторона решит, что в конфликте вблизи границ России ситуация сложится в ее пользу, и что Вашингтон, зная это, сочтет, что эскалация такого конфликта не стоит риска, угроза только усилится. Дело в том, что в ходе кризиса, если одна из сторон или обе стороны действуют исходя из своих опасений и расчетов, результатом, как давно уже предостерегал Барри Позен, может стать его непреднамеренное перерастание в масштабную ядерную войну¹⁷.

Если в российско-американских ядерных отношениях вновь присутствует нестабильность в условиях кризиса, то в отношениях США и Китая эта проблема может стать куда острее. В данном случае две сферы — геополитическая и ядерная — пересекаются не столь явным, но более зловещим образом. На геополитическом уровне американо-китайские отношения не отличаются той резкой враждебностью, что мы видим в отношениях США и России. Но если они скатятся к однозначному стратегическому соперничеству, последствия будут громадными, причем неопределенность относительно шансов на такое развитие событий постоянно усиливается. А неопределенность на этом уровне при-

¹⁶ Sokov N. N. Why Russia Calls a Limited Nuclear Strike 'De-escalation' // Bulletin of the Atomic Scientists. 2014. 13 Mar. URL: <http://thebulletin.org/why-russia-calls-limited-nuclear-strike-de-escalation>

¹⁷ Posen B. R. Inadvertent Escalation: Conventional War and Nuclear Risks. New York: Cornell University Press, 1991.

вносит в быстро меняющиеся ядерные отношения двух стран смыслы и предзнаменования, которых не было в тот период, когда Китай оставался в тени, а его ядерные силы представляли собой второстепенную величину. Все это отражается на кризисной стабильности как в общем, пусть отдаленном, так и в конкретном и непосредственном смысле.

В первом смысле базовая позиция Китая в ядерной сфере состоит в приверженности минимальному сдерживанию и «компактной, но эффективной» структуре ядерных сил в сочетании со стремлением обладать гарантированной способностью к удару возмездия и представляет собой нечто среднее между некредитоспособной и дестабилизирующей. В целях повышения способности к гарантированному ответному удару Китай существенно расширил свою программу по созданию МБР, но она пока не достигла критической массы. Конечно, от внимания Вашингтона не укрылся тот факт, что 60 китайских ракет, в том числе 10 с РГЧ, могут достичь некоторых районов на территории США. Кроме того, китайская программа по развертыванию грунтово-мобильных комплексов с МБР «Дунфэн-41», оснащенной 10 боезарядами (речь идет о снабженной РГЧ модификации МБР «Дунфэн-31А») и новой баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) «Цзюйлан-2» для атомных ракетных подводных лодок второго поколения типа «Цзинь», позволит существенно увеличить поражающую мощь и гибкость ядерных сил КНР.

Если бы китайское руководство могло быть уверено, что все эти 60 МБР поразят цели на территории США или что такой результат дадут новые системы оружия, которые вскоре появятся в ядерном арсенале КНР, гарантированная способность к ответному удару была бы достигнута и между обеими странами возникла бы стратегическая стабильность на основе ВГУ. Но ни сейчас, ни в близком будущем говорить об этом с уверенностью невозможно. Если только у Китая не имеется сотен неучтенных ракет, спрятанных в разветвленной системе подземных укрытий (а такое мнение тоже существует¹⁸), сравнительно небольшое количество состоящих на вооружении НОАК жидкостных МБР шахтного базирования, 25 грунтово-мобильных комплексов МБР «Дунфэн-31А» и немногочисленные БРПЛ с ограниченной дальностью вряд ли уцелеют при массивном ядерном нападении США.

Более того, вероятность обретения Китаем подлинно гарантированной способности к удару возмездия, возможно, даже снижается. Но и это еще не все: усилия Китая по ее достижению вместе с развитием

¹⁸ Арбатов А. Г., Дворкин В. З. Указ. соч.

американских вооружений, препятствующим этому, создают риск еще большей нестабильности в случае будущего кризиса. Китайское руководство, как уже отмечалось, очевидно, убеждено в том, что США стремятся добиться «абсолютной безопасности» за счет «ядерного превосходства». Лидеры КНР беспокоятся, что действия США, в частности настойчивые попытки создать плотную, интегрированную, многослойную систему ПРО, развитие средств разведки и наблюдения, дальнейшее совершенствование стратегических ударных систем в неядерном оснащении, могут в какой-то момент создать угрозу для китайского потенциала ядерного сдерживания. В то же время Пекин, судя по всему, по-прежнему убежден, что трудности с выявлением всех имеющихся у КНР ракет, а также неопределенность, связанная с непрозрачностью китайских ядерных сил и стратегических концепций, способны послужить сдерживанию Вашингтона и сейчас, и в будущем.

Подобная ставка выглядит рискованной, тем более что ускоренное совершенствование Китаем элементов своего ядерного арсенала нивелируется качественным преобразованием американских стратегических сил сдерживания. Последние 10 лет США продолжали наращивать свои возможности, особенно в плане повышения точности систем оружия, развития средств дальнего обнаружения, способных поставить под угрозу эффективность методов, которыми Россия обеспечивает, а Китай намеревается обеспечить, боевую живучесть ядерных сил возмездия. В его крайней форме этот процесс, по выражению Дэрил Пресс и Кейра Либеры, представляет собой «контрсиловую революцию»¹⁹. Они утверждают, что повышение точности американских средств доставки — с учетом сокращения ядерных сил России и их небольшого размера у Китая — теоретически дает Соединенным Штатам возможность нанести разоружающий первый удар.

Правы они или нет (сами Пресс и Либер признают, что в отношении России в реальной ситуации, то есть в ходе кризиса, когда российские ядерные силы приведены в состояние боевой готовности, такой возможности не будет), это не закрывает вопроса²⁰. Важно то, как Китай (и Россия) воспринимают такое развитие событий, а именно: какие выводы они делают из модификации БРПЛ «Трайдент-II», в результате которой ее круговое вероятное отклонение (КВО) уменьшилось вчетверо, установки на боеголовках W76-1 и головных частях Mk-4A

¹⁹ Lieber K. A., Press D. G. The New Era of Nuclear Weapons, Deterrence, and Conflict // Strategic Studies Quarterly. 2013. Vol. 7. N 1. P. 3–12.

²⁰ Eidem. The End of MAD? The Nuclear Dimension of U. S. Primacy // International Security. 2006. Spring. Vol. 30. N 4. P. 8.

новых детонаторов, обеспечивающих их подрыв на уровне земли, или интереса командования ВВС США к кинетическим ударным орбитальным системам для поражения объектов в космосе, а также планов Соединенных Штатов по замене платформ всех трех элементов ядерной триады вместо продления сроков эксплуатации существующих систем.

В Китае все эти действия США придают особый резонанс угрозе, которую его лидеры усматривают в американской системе ПРО и акценте Соединенных Штатов на неядерных ударных системах большой дальности. КНР почти наверняка примет меры для противодействия любой попытке нейтрализовать свои усилия по созданию внушительного потенциала для гарантированного возмездия. Поскольку Китай, как и Россия, способен, пусть и с отставанием, продублировать новые технологические разработки США практически по всем направлениям, в будущем велика вероятность нестабильности в сфере гонки вооружений. Хуже того, гонка вооружений между Китаем и США, и особенно ее ядерный аспект, будет происходить несинхронно, и в результате на некоторых ее этапах уязвимость или опасения для той или иной стороны будут усиливаться. Наряду с этим в ходе соревнования, охватывающего все новые сферы — космос, оборонительные и наступательные вооружения, снижение «ядерного порога», неравномерность уязвимости и опасений повысят риск нестабильности в условиях кризисов. В конечном счете меры и контрмеры США и Китая крайне усложняют ядерные вызовы для России, причем на двух фронтах, — и «треугольные» эффекты новой ядерной эпохи проявятся в полную силу.

При этом источник нестабильности в условиях кризиса при конфронтации между США и Китаем уже существует. В самом узком смысле она возникает из-за того, что Китай приступил к развертыванию баллистических ракет средней дальности («Дунфэн-21С» и «Дунфэн-21D») в неядерном оснащении. Как отмечают Ханс Кристенсен и Роберт Норрис, «это потенциально опасное сочетание ядерных и неядерных ракет усиливает риск недоразумений, просчетов и ошибочной ядерной эскалации в ходе кризиса»²¹. В общем же смысле в случае войны из-за Тайваня с использованием обычных вооружений США, с учетом их озабоченности угрозой, исходящей от Китая в части «предотвращения доступа/блокирования зоны» (ПД/БЗ), планируют нанести удар, скорее всего упреждающий, по китайским авиабазам, позициям крылатых ракет (включая мобильные пусковые установки), а также

²¹ Kristensen H. M., Norris R. S. Chinese Nuclear Forces, 2015 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2015. Vol. 71. N 4. P. 79.

по обслуживающим их военным радиолокационным станциям (РЛС) и объектам оперативного управления, который китайская сторона вполне может расценить как начальный этап разоружающего первого ядерного удара.

В тумане формирующегося многополярного ядерного мира самым опасным источником нестабильности в условиях кризиса являются индийско-пакистанские отношения в ядерной сфере. Как уже отмечалось, в своей самой непосредственной форме она связана с напряженностью между двумя странами и вполне реальной возможностью ее перерастания в новую войну, увеличением ядерных арсеналов обеих сторон и планами их использования, особенно существующим у Пакистана рискованным намерением применить тактическое ядерное оружие против превосходящих обычных вооруженных сил Индии.

Конкретные сценарии возможного развития событий, изложенные знающими экспертами, четко демонстрируют, что реально представляет собой нестабильность в условиях кризиса. Согласно первому из четырех сценариев индийская сторона после применения одного тактического ядерного боеприпаса пакистанцами выводит войска из Пакистана, считая, что, «сумев добиться опустошения части этой страны с тысячами жертв среди гражданского населения и потеряв при этом лишь небольшую часть полка или бригады», она достаточно наказала Пакистан за организованный им теракт²². Второй сценарий гласит, что, выдержав первый удар, индийцы продолжают наступление, ставя пакистанцев перед выбором — применить большее количество тактических ядерных ракет, чтобы избежать поражения в неядерном конфликте, или осуществить его эскалацию, нанеся стратегический ядерный удар по индийским военным гарнизонам²³. Далее все идет по нарастающей. Если Индия, как она обещает, ответит на любое применение ядерного оружия массированным ядерным ударом возмездия, первый сценарий утрачивает актуальность, а в рамках трех других различается лишь путь и скорость, с которой конфликт перерастает в полномасштабную ядерную войну.

Впрочем, в индийско-пакистанских, а значит и в американо-китайских, отношениях присутствуют и другие, не столь очевидные, угрозы стабильности в условиях кризисов. Теоретически наличие ядерной

²² Sankaran J. Op. cit. P. 147.

²³ Санкаран ссылается на исследование: Montgomery E. B., Edelman E. S. Rethinking Stability in South Asia: India, Pakistan, and the Competition for Escalation Dominance // Journal of Strategic Studies. 2014. 25 Apr. P. 17.

триады должно укреплять стратегическую стабильность, создавая избыточность сил и средств, обеспечивая гибкость их применения и безопасность от нападения. Но когда страны находятся на раннем этапе создания триад, все эти преимущества отпадают. При неравномерном развитии элементов триады, как в случае с Китаем, Индией и Пакистаном, избыточность оказывается небольшой, гибкость ограниченной, а безопасность ее главной составляющей ослабленной. Во всех трех странах этой главной составляющей являются баллистические ракеты наземного базирования (для Индии и Пакистана — еще и самолеты), и, когда их количество невелико и они размещены на стационарных пусковых установках, эти системы становятся уязвимы для первого разоружающего удара противника, обладающего превосходящими ядерными силами²⁴. Риск нестабильности в условиях кризиса растет по экспоненте, если некоторые из этих ракет оснащаются РГЧ (как это делают китайцы и надеются сделать индийцы), что создает у оппонента стимул к превентивному уничтожению этих крайне ценных ракет с большой концентрацией ядерной мощи.

На нынешнем, начальном этапе особенно слабым звеном в цепи сдержек нестабильности в условиях кризисов становится зачаточное развитие морского компонента триады во всех трех странах. Индия и Пакистан выводят ядерное оружие в Индийский океан, и появление этих систем, особенно пакистанских, сопряжено с немалыми рисками. Пакистан, судя по всему, намеревается разместить крылатые ракеты с ядерными боеголовками на борту обычных субмарин, а тактическое ядерное оружие — на надводных кораблях и патрульных самолетах. В военных планах Пакистана открыто делается акцент на преимуществе стратегической неопределенности и платформ двойного назначения в плане сдерживания²⁵. Более того, хотя представители вооруженных сил Пакистана говорят, что их ядерные вооружения морского

²⁴ На сегодняшний день Пакистан располагает 122 системами, пригодными для доставки ядерных боеприпасов (36 самолетов, расположенных на двух авиабазах, и 86 баллистических ракет наземного базирования, в т. ч. 40 грунтово-мобильных пусковых установок для жидкостных ракет средней дальности «Гаури» [«Хатф-5»]); Индия — 106 средствами доставки (48 самолетов, 56 баллистических ракет наземного базирования и 2 ракеты морского базирования); Китай — 311 средствами доставки (243 баллистические ракеты наземного базирования, 48 БРПЛ, 20 самолетов плюс примерно 250 крылатых ракет, некоторые из которых оснащены ядерными боеголовками). Эти данные взяты из опубликованных в 2015 г. докладов Х. Кристенсена и Р. Норриса, подготовленных для издания «Bulletin of the Atomic Scientists».

²⁵ Эти выводы и дальнейший анализ «морских» программ Индии и Пакистана во многом основываются на статье: Rehman I. Murky Waters: Naval

базирования призваны гарантировать способность страны к ответному ядерному удару, на деле они лучше подходят для противодействия операциям с использованием обычных вооружений, в частности для применения тактического ядерного оружия надводных кораблей против морской блокады со стороны Индии, а крылатых ракет с ядерными боеголовками — для атомного шантажа в случае наступления индийских обычных вооруженных сил. В обоих случаях результатом станет немедленная эскалация конфликта.

Программа Индии из-за ограниченной дальности баллистических ракет на ее первых двух ПЛАРБ в настоящее время направлена только против Пакистана. Помимо дестабилизирующей неопределенности, окружающей заявления индийской стороны о размещении баллистических ракет малой дальности на надводных кораблях двойного назначения, другим элементом нестабильности, по мере того как Индия вводит ядерные силы в Аравийское море, а Пакистан принимает соответствующие ответные меры, становится слабость имеющихся у обоих государств систем оперативного управления подлодками с ядерным оружием, находящимися на боевом дежурстве.

В долгосрочной перспективе Индия намеревается принять на вооружение ПЛАРБ, способные поражать цели в Китае, и с вводом в строй БРПЛ F-5 и четырех из пяти запланированных к постройке ПЛАРБ такая возможность у нее появится. После этого и Китай, и Индия будут иметь полностью функционирующие ядерные триады, каждая составляющая которых будет включать элементы, представляющие угрозу для другой стороны. Но если главным объектом для будущих индийских ПЛАРБ является Китай, то для китайских это — США. Чтобы угрожать целям в Китае, Индия ждет, когда будет готова БРПЛ большей дальности и ПЛАРБ, способная их нести.

Пекину, чтобы угрожать целям в США, в свою очередь, необходима ракета, превосходящая по дальности «Цзюйлан-2». Пока же в случае кризиса Пекин может использовать свои морские силы сдерживания единственным способом — отправить часть или все четыре свои ПЛАРБ «Цзинь» из Восточно-Китайского моря в Тихий океан, для чего им придется миновать опасные узкие проливы, где их будут ждать современные американские силы и средства противолодочной обороны (ПЛО).

Если сдерживание не работает

Противоестественный парадокс ядерного сдерживания, как уже давно отмечал Кеннет Боулдинг, заключается в следующем: чтобы оно было результативным, «должна существовать реальная вероятность, что оно не работает», при этом, добавлял он, «все, что имеет реальную вероятность, непременно случится, если подождать достаточно долго»²⁶. Поэтому любая страна, что берет на себя труд создания ядерного оружия, — будь то осознанно и методично или случайно и без стратегического предвидения, — должна понимать: то, что ядерное оружие призвано предотвратить, тем не менее может произойти, и тогда необходимо будет решать, что делать дальше. От того, насколько тщательно страна продумывает такой сценарий заранее и готовится к нему, зависит окончательная форма (или бесформенность) ее ядерной политики. Когда в мире есть девять ядерных держав, асимметрия и тревожные расхождения не только проявляются, но и обретают большую силу, поскольку тенденция этой новой ядерной эпохи заключается в объединении ядерных и неядерных методов ведения войны.

Если ядерное сдерживание не срабатывает, проблемы возникают на двух этапах: когда мир нарушен и впереди неядерная война, чреватая реальным риском применения ядерного оружия, и когда ядерное оружие уже применено. Как именно будет действовать каждая из девяти ядерных держав в эти два момента, неизвестно (возможно даже тем, кому придется принимать соответствующие решения), но имеющиеся данные позволяют предположить, что эти действия будут совершенно разными. Так, существует гигантское различие между Соединенными Штатами, которые вновь тщательно продумывают не только сами гипотетические варианты, но и вытекающую из них последовательность решений, и Северной Кореей, которая, похоже, не заглядывает дальше обещаний стереть США с лица земли.

Отчасти проблема связана с тем, как разные государства определяют провал сдерживания. К примеру, официальные круги Пакистана считают (или в определенный момент считали), что применение ядерного оружия оправдано в четырех случаях: после захвата Индией «значительной части пакистанской территории», уничтожения «значительной части сухопутных войск или ВВС Пакистана», попытки Индии «удушить» Пакистан экономически либо «дестабилизировать» его по-

²⁶ Boulding K. E. *Moving from Stable to Unstable Peace // Breakthrough: Emerging New Thinking: Soviet and American Scholars Issue a Challenge to Build a World Beyond War* / ed. by M. Hellman, A. Gromyko. New York; Moscow: Walker; Novosti, 1988. P. 162.

литически, спровоцировать «масштабные подрывные действия внутри страны»²⁷. Как именно применение ядерного оружия сможет покончить с политической нестабильностью, которую спровоцировала Индия, остается загадкой.

Другим источником неопределенности в случае провала сдерживания служит неспособность государств продумать этот вариант. Характерным примером в связи с этим является индийская концепция массированного возмездия. Возможно, прежде она имела смысл в качестве декларируемого намерения, но сейчас в Индии активно дебатруется неактуальность этой доктрины в ситуации, когда Пакистан планирует применить тактическое ядерное оружие, если индийская армия взломает его конвенциональную оборону²⁸. Поскольку формально эту доктрину в Индии никто не отменял, понять, как ее стратеги могут применить ядерное оружие не столь апокалиптическим способом, остается загадкой. Не менее сложно представить себе, есть ли у пакистанских стратегов план: что делать после того, как Индия ответит на применение тактического ядерного оружия против ее наступающих войск.

Впрочем, даже когда речь идет о ядерных державах-«ветеранах» вроде США и России, расхождение между их вероятными действиями после провала сдерживания может оказаться не только большим, но и опасным. С окончанием «паузы» в размышлениях о ядерном оружии, наступившей после завершения холодной войны, американские специалисты по военному планированию, в соответствии со сложившейся практикой, бьются над проблемой его реального применения в случае войны. По словам Брэда Робертса, близко знакомого с этим процессом, интуиция подсказывает необходимость разработки способов, которыми ядерное оружие и дополняющие его средства (ПРО, высокоточные ударные неядерные вооружения, кибертехнологии) можно искуснее использовать для срыва решений противника на каждой ступени эскалационной лестницы²⁹.

Поскольку американская сторона озабочена угрозой со стороны противников (после украинского кризиса среди них числится и Россия), готовых рискнуть, ставя Америку и ее союзников перед свершившимся фактом, а затем заставив их капитулировать путем применения ядер-

²⁷ Искандер Рахман приводит заявление, сделанное в 2002 г. генерал-лейтенантом Халидом Кидваем, тогдашним директором пакистанского Управления стратегического планирования (Rehman I. Op. cit. P. 16–17).

²⁸ Shashank J. An Evolving Indian Nuclear Doctrine? // Deterrence Instability and Nuclear Weapons in South Asia / ed. by M. Krepon [et. al.]. Washington: Stimson Center, 2015. P. 69–94.

²⁹ См. гл. 3, 6 в: Roberts B. Op. cit.

ного оружия (нестратегического — в случае с Россией, примитивно-го — в случае с Северной Кореей), американские планировщики сосредоточивают внимание на «точках» принятия решений оппонентом, продумывая ограниченное и выборочное применение ядерного оружия таким образом, чтобы убедить его не делать следующий шаг. В этом, как отмечают Робертс и другие, заключается суть теории ограниченной ядерной войны³⁰. Приоритетное значение в ее рамках придается, как выражается Робертс, нестратегическому ядерному оружию передового базирования (размещенному на территории соответствующего региона и доставляемому к цели нестратегическими носителями), которое должно демонстрировать коллективную решимость альянса и «лишать легитимности» ядерный удар возмездия по территории самих США. Предполагается также, что американская сторона правильно поняла расчеты и вероятные «шахматные ходы» другой стороны при переходе ядерного порога. Но велика вероятность того, что это неправильно в отношении России, как и Китая.

Действительно, корректировку российской военной доктрины после войны в Косово 1999 г. за счет пункта о применении достратегического ядерного оружия для «деэскалации» военного конфликта с использованием обычных вооружений, разработку гиперзвуковых систем, способных стать симметричным ответом на американские высокоточные вооружения большой дальности, и амбициозную программу создания воздушно-космической обороны для противодействия американским и натовским дозвуковым крылатым ракетам и гиперзвуковым системам — все это можно истолковать как подготовку Москвы к ограниченной ядерной войне в американском понимании этого термина. Но некоторые эксперты, например Алексей Арбатов, убедительно доказывают, что для менталитета российских военных характерно не стремление влиять на решения противника в «тумане войны», а намерение лишить его возможности выбора, равно как нетипично брать на вооружение изощренные концепции сдерживания в ходе войны или связывать себя принципами выборочности и пропорциональности при разработке и применении ядерного оружия³¹. Напротив, хотя российская сторона, возможно, считает региональную войну более вероятной, чем мировую, это не означает, что российские специалисты по военному плани-

³⁰ Ibid; On Limited Nuclear War in the 21st Century / ed. by J. A. Larsen, K. M. Kartchner. Stanford: Stanford University Press, 2014.

³¹ Arbatov A. Challenges of the New Nuclear Era: A Russian Perspective (рукопись).

рованию оценивают региональный ограниченный ядерный конфликт так же, как их американские коллеги.

За исключением краткого периода в конце 1990-х, когда, как сообщает Арбатов, специальная комиссия из военных и гражданских экспертов по планированию развития стратегических сил рекомендовала предпринять шаги по укреплению стратегической стабильности за счет снижения акцента на контрсиле ядерном ударе, повышения внимания к «живучести» стратегических сил и предпочтения оружию малой мощности, российские военные никогда не рассматривали боевые действия как шахматную партию, и они намерены использовать все наличные средства, дабы избежать поражения³². Соответственно было бы наивно считать, что в случае провала сдерживания Россия будет действовать так, как ожидает американская сторона, то есть использовать достратегическое ядерное оружие для ядерной «сигнализации» или «шантажа», а высокоточное оружие большой дальности — для контроля над эскалацией, а не в целях наиболее эффективного ведения войны³³. В этом случае несовпадение планов США и России при провале сдерживания порождает высокий риск просчетов и непреднамеренной эскалации.

Возможно, то же самое относится и к американо-китайским отношениям, хотя опасность здесь создает не столько несовпадение планов сторон при приближении к ядерному порогу или его пересечении, сколько неопределенность, приводящая их к этому порогу. В китайских источниках обсуждается «теория “контроля над военными действиями”», в том числе над «масштабом, темпами, сферой и интенсивностью конфликта»³⁴. Это, однако, вряд ли означает, что китайские стратеги разработали планы «дозированного» использования ядерного оружия.

³² Ibid.

³³ Хотя в последние 10 лет в российском экспертном сообществе довольно активно обсуждается проблема регионального ядерного сдерживания и применения нестратегического ядерного оружия в случае агрессии с использованием обычных вооружений, результаты этих дискуссий — порой весьма проработанные, — судя по всему, не находят отражения в оперативных доктринах. В ходе военных учений в России ядерный компонент не фигурирует в качестве ключевого фактора уже на раннем этапе и не используется в ограниченной, тактически выверенной форме. Этот вопрос хорошо проанализирован в статье: Adamsky D. If War Comes Tomorrow: Russian Thinking about Regional Nuclear Deterrence // *Journal of Slavic Military Studies*. 2014. Mar. Vol. 27. N 1. P. 163–188.

³⁴ Roberts B. *Op. cit.* Автор ссылается на исследование: Henley L. D. *Evolving Chinese Concepts of War Control and Escalation Management // Assessing the Threat: The Chinese Military and Taiwan's Security / ed. by M. D.*

Хотя китайская сторона говорит о более или менее масштабном ударе возмездия для нанесения противнику неприемлемого ущерба, ее официальной позицией остается отказ от применения ядерного оружия первыми. Нет никаких данных и о том, что Китай планирует — или способен — вести продолжительную ядерную войну с неоднократными обменов ударами.

Неясность и опасности возникают из-за неопределенности относительно того, как стороны будут вести себя на начальном этапе вооруженного конфликта. Если США в ходе неядерного удара поразят китайские ядерные крылатые ракеты, приняв их за ракеты в обычном оснащении (они располагаются на одних и тех же объектах), приверженность Пекина неприменению ядерного оружия первым подвергнется тяжелейшему испытанию. Когда Китай столкнется с необходимостью решения о применении ядерного оружия, риск моментального или быстрого перерастания конфликта в масштабную ядерную войну чрезвычайно повысится.

Впрочем, хотя потенциальные риски, связанные с вероятной несовпадающей, а то и ошибочной, реакцией США, России и Китая в случае ядерной войны, вызывают беспокойство, они бледнеют по сравнению с опасностью, которой чревата неопределенность внутри «треугольника» Пакистан—Индия—Китай. Уже тот факт, что определение «внутри» может касаться всех трех стран, говорит о том, какой безнадежно сложной, хаотичной, а значит и опасной, становится эта проблема. Начнем с того, что планирование реалистического ответа Индии и Пакистана или Индии и Китая на подготовку ядерной атаки либо самому атаку представляет собой непрозрачный и почти наверняка непродуманный процесс. Весьма характерна в связи с этим предполагаемая убежденность индийской стороны, «что ядерное оружие предназначено только для возмездия и не имеет ничего общего с военным планированием Индии», и она усугубляется организационным вакуумом, из-за которого у Индии нет органа, принимающего решения по «контролю над ступенями эскалации или координации применения обычных и ядерных вооружений»³⁵. Поскольку и Индия, и Пакистан сосредотачивают внимание на победе в ограниченной неядерной войне (Индия намерена вести боевые действия ниже установленного Пакистаном ядерного порога, а Пакистан считает возможным применить тактическое

Swaine [et al.]. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2007. P. 85–110.

³⁵ Manoj J. The Credibility of India's Nuclear Deterrent // Deterrence Instability and Nuclear Weapons in South Asia / ed. by M. Krepon [et. al.]. Washington: Stimson Center, 2015. P. 55–56.

ядерное оружие, не спровоцировав при этом ядерного удара возмездия)³⁶, о серьезной проработке вариантов действий после использования ядерного оружия речь не идет. Кроме того, как представить себе решения Индии, если конфликт превратится в войну на два фронта? И как в этом случае разыграют свои карты Пакистан и Китай?

Неопределенности новой ядерной эпохи и порождаемые ими опасности этим не исчерпываются. Незадолго до окончания холодной войны лидеры с обеих сторон осознали, как выразился в 1984 г. Рональд Рейган, что «ядерную войну нельзя выиграть и нельзя вести». Аналогичным образом не должно было быть и неядерной войны между ними, поскольку она почти наверняка закончилась бы ядерной катастрофой. В нынешнюю новую эпоху страх перед тотальной ядерной войной сохраняется, но его перевешивают подходы к национальной безопасности, возрождающие перспективу неядерного вооруженного конфликта и предусматривающие определенную роль для ядерного оружия, причем таким образом, что игроки работают на чреватой риском разной «волне», готовясь к совершенно различным ситуациям.

Все они продолжают учитывать возможность войны с противником или противниками, имеющими ядерное оружие, а потому им необходимо решить, как ставить задачи, а затем оценивать свой успех или поражение. Если какие-то представления о критериях успеха вообще существуют, то речь идет лишь о расплывчатом понятии — закончить боевые действия на приемлемых для себя условиях. Однако некоторые страны заполняют этот вакуум более четко и продуманно, более детально и точно, чем другие.

Так, у США, как утверждает Брэд Робертс, наблюдавший за процессом из рядов администрации Обамы, вырабатывается «концепция победы», пусть и не обнародованная³⁷. Она основана на том, что главную угрозу для Соединенных Штатов представляет какая-либо региональная держава, готовая совершить акт агрессии, несмотря на превосходство Америки по обычным и ядерным вооружениям. В этой ситуации победить необходимо еще до начала военных действий, то есть устранить риск ядерного шантажа и балансирования на грани ядерной войны. Для этого США и их союзники должны располагать силами и средствами (обычными, коллективными, ядерными и кибернетическими), а также решимостью, достаточными для «предотвращения

³⁶ Joek N. Prospects for Limited War and Nuclear Use in South Asia // Deterrence Stability and Escalation Control in South Asia / ed. by M. Krepon, J. Thompson. Washington: Stimson Center, 2013. P. 117.

³⁷ Roberts B. Op. cit.

провокаций, неприкрытых попыток спровоцировать себя, и удержать противника от решения военным путем поставить США перед свершившимся фактом». После начала военных действий победа означает способность убедить «соперника, сталкивающегося с перспективой военно-политической неудачи, выбрать сдержанность, а не эскалацию». На этом уровне ядерное оружие может не применяться или применяться, но ограниченно, точно и пропорционально, в расчете на осознание противником превосходства США на более высоких уровнях эскалации, чтобы убедить его прекратить свои действия. Если это не удастся и возникнет угроза распространения войны за пределы первоначальной зоны боевых действий, победа будет достигнута при условии, что ядерный потенциал и ядерная политика США убедят противника не идти на риск ядерного удара по территории Соединенных Штатов и их союзников. Что должна означать победа, если военный конфликт «застрянет» между отказом противника «выбрать сдержанность, а не эскалацию», и тем моментом, когда у него возникнет соблазн нанести стратегический ядерный удар по территории США, — не проясняется.

Проблема здесь в том, что у России, Китая и даже Северной Кореи есть своя «концепция победы» или хотя бы общее представление о том, что считать победой, а ее предпосылкой является, что в войне с Соединенными Штатами они играют роль жертвы, а не виновника. Поэтому, скажем, в случае с Россией, если у нее и есть задача применить ядерное оружие для «деэскалации» войны, «победа» будет одержана лишь тогда, когда США и/или НАТО пойдут на попятную. Скорее всего, Россия, несмотря на растущий ущерб, будет продолжать эскалацию военных действий, включая и их ядерный аспект, до тех пор, пока это не случится. На подходе к порогу обмена ядерными ударами по территории России и США представление о победе у Москвы, возможно, будет таким же, как и у Вашингтона, а именно, что ей удастся, каким бы ни был уровень эскалации в зоне столкновения или на театре военных действий в целом, удержать Соединенные Штаты от ядерного удара по России. Если предположить, что российские стратеги по-прежнему считают победу в масштабной ядерной войне невозможной, то трудно представить себе, что они сочтут победой в войне с противником, превосходящим Россию по обычным вооруженным силам, если она не прекратилась на начальном этапе и эскалация продолжается.

В случае с Китаем путь к войне с Америкой, скорее всего, будет связан с защитой Соединенными Штатами Тайваня или Японии в военном конфликте Пекина с одной из этих стран. В этой ситуации победой для Китая, несомненно, станет предотвращение вмешательства США в конфликт. Если это не получится, он, надо полагать, сочтет победой удержание конфликта в пределах региона и ниже ядерного порога —

когда воздушные и морские силы США понесут достаточно серьезные потери, чтобы позволить Китаю добиться военными средствами своих политических целей в отношении Тайваня или Японии. Не исключено также, как беспокоятся некоторые круги в Соединенных Штатах, что Китай намерен победить, молниеносным ударом поставив Вашингтон перед свершившимся фактом, не оставляя ему другого выбора, кроме как подвергнуть опасности собственные базы и военно-морские силы в регионе.

Новое значение этим двум неприятным вопросам (что делать, если сдерживание не сработает, и как определять «победу» в конфронтации между ядерными державами) придает сочетание трех факторов. Во-первых, возобновление соперничества США и России и потенциальное стратегическое соперничество США и Китая придает серьезной военной конфронтации между ними не столь абстрактный характер. Во-вторых, развитие и совершенствование обычных и ядерных вооружений во всех трех странах стирает грань между неядерной и ядерной войнами, ослабляет «ядерное табу» и возвращает в оборот концепцию ограниченной ядерной войны. Наконец, в-третьих, тенденции, смешивающие воедино политические соображения, давние конфликты и ядерное оружие, перерастают двусторонние отношения, создавая более сложные конфигурации таким образом, что становится неизмеримо сложнее просчитывать возможное развитие событий, когда в уравнение добавляется ядерное оружие. В совокупности эти факторы угрожают устоявшимся представлениям о методах стабилизации ядерного соревнования, действенности ядерного сдерживания и способах использования ядерного оружия в случае войны.

Тень будущего

Прогнозировать, какими станут будущие очертания международной политической системы, куда могут привести тенденции многополярного ядерного мира или как эти два фактора будут влиять друг на друга, — дело практически безнадежное. Но, несомненно, уже существующих опасностей достаточно, чтобы побудить здравомыслящего человека представить, что может пойти не так, а значит и начать размышлять о методах и шагах, которые позволят не допустить, чтобы ядерный баланс в мире стал более хрупким и опасным, чем прежде.

Начать следует с технологических рубежей, которых сейчас достигают наиболее передовые ядерные арсеналы. Так, много внимания уделяется прогрессу США и России в деле снижения мощности ядерных боеголовок и повышения точности ракет, доставляющих их к цели, что за счет уменьшения побочного ущерба и ослабления риска взаимного

уничтожения намного увеличивает вероятность их реального применения. В этом контексте, но без большого резонанса, Соединенные Штаты планируют модернизировать размещенные в Европе ядерные бомбы свободного падения В-61: нестратегические ядерные вооружения, которые опять стали фигурировать в новой американской концепции «дифференцированного» (расширенного) сдерживания. Утверждается, что модернизация представляет собой лишь замену существующей системы. Примерно 200 оставшихся в Европе В-61 ранее были исключены из оперативных планов из-за нецелесообразности их боевого применения. Однако новая, 12-я, модификация В-61 меньше по размеру, обладает регулируемой мощностью и снабжена новой хвостовой частью с управляемыми стабилизаторами, что благодаря необычайному повышению точности и возможности контролировать побочный ущерб делает ее в высшей степени применимой³⁸. Аналогичным образом новая крылатая ракета большой дальности (LRSO) с ядерной боеголовкой, которой в ВВС США планируется заменить устаревающие крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ), может, по идее, оцениваться как еще один образец «нестратегического ядерного оружия». Если одной из ее задач является преодоление китайской угрозы «предотвращения доступа/блокирования зоны» за счет пробивания бреши в ПВО КНР, чтобы самолеты «стелс» могли выполнить боевые задания, то с таким же успехом она может выполнять эту функцию и в Европе, где, как утверждает командование НАТО, альянс тоже сталкивается с проблемой ПД/БЗ.

Если на одном краю технологического спектра появляются вооружения, теоретически способные с большей точностью уничтожать ядерные ракеты наземного базирования другой стороны и ее информационно-управляющие системы, то на другом краю создаются средства для выявления этих объектов. США, Китай и Россия разрабатывают системы воздушной и космической разведки, которые позволят им в реальном времени обнаруживать мобильные МБР. Все они также создают системы противоракетной обороны, и, хотя пока ни одна из этих систем не в состоянии полностью отразить масштабный удар стратегических ядерных сил, развитие более плотной интегрированной ПРО рано или поздно поставит под вопрос адекватность имеющегося у другой стороны потенциала для гарантированного уничтожения противника ответным ударом. Для стран с ограниченными ядерными силами это уже стало реальностью.

³⁸ Broad W. J., Sanger D. As the U. S. Modernizes Nuclear Weapons, 'Smaller' Leaves Some Uneasy // The New York Times. 2016. 11 Jan.

В области морских вооружений все три государства, а возможно еще и Индия, работают над изменением самой сути противолодочной обороны, а значит, и подрывом живучести морских ядерных сил сдерживания. Среди этих разработок — создание сложных интегрированных систем, состоящих из необитаемых подводных аппаратов и датчиков, электронных барьеров и подводных «планеров», оснащенных набором сенсоров, обеспечивающих ПЛО в куда более обширных районах, чем позволяют нынешние средства.

Одним словом, развитие технологий основными ядерными игроками практически во всех важнейших ядерных сферах заставляет усомниться, действительно ли эти государства примирились с тем, что в основе стратегической стабильности лежит взаимная уязвимость. Возможно, ВГУ стало элементом советско-американских отношений в ядерной сфере просто потому, что это диктовалось ограниченными возможностями тогдашних технологий. Если сейчас ситуация изменилась и ряд ядерных государств работают над преодолением этих ограничений, что станет основой стратегической ядерной стабильности в новой многополярной ядерной эпохе?

Если технологии на этом уровне создают угрозу стратегической стабильности с нескольких направлений, то инновации на другом рубеже крайне увеличивают этот риск. Новым элементом стала кибервойна, сильно влияющая на ситуацию сразу в двух аспектах, каждый из которых усугубляет превратности усложняющейся ядерной среды. Если кибератака на инфраструктуру страны по всему спектру способна нанести, согласно терминологии Пентагона, ущерб V–VI уровней, угрожающий существованию государства, то США могут ответить на такое нападение применением ядерного оружия³⁹. Поскольку лишь немногие государства, в том числе Соединенные Штаты, Россия и Китай, обладают возможностью вести кибервойну на таком уровне, эта ситуация затрагивает ядерное сдерживание только в нескольких случаях. Но, поскольку Россия и Китай, судя по всему, также готовы ответить на кибератаку ядерным ударом, значение этих случаев велико.

Впрочем, кибервойна создает и непосредственную опасность дестабилизации отношений между ядерными державами, угрожая механизмам, с помощью которых государства управляют своим ядерным оружием в период кризиса. Киберпространство можно использовать для обмана систем раннего предупреждения, чтобы они отправили ложное сообщение о ядерном нападении, или систем связи, чтобы те переда-

³⁹ Resilient Military Systems and the Advanced Cyber Threat. Washington: Department of Defense, 2013. URL: <http://www.acq.osd.mil/dsb/reports/ResilientMilitarySystems.CyberThreat.pdf>

ли расчетам ракетных установок фальшивый приказ о пуске. В докладе Научного совета Министерства обороны США, подготовленном в 2013 г., даже утверждалось: «Если Соединенные Штаты будут вовлечены в полномасштабный киберконфликт с равным противником, действия последнего могут включать атаки на системы обслуживания, искажение данных, подрыв системы снабжения, использование предателей-инсайдеров, кинетические и связанные с ними некинетические атаки на всех уровнях — от подводного до космического. Возможны отказы американских артиллерийских систем, ракет и бомб или поражение ими собственных войск. Подвоз продовольствия, воды, боеприпасов и топлива может происходить несвоевременно или не туда, где он необходим. Военное командование может быстро утратить доверие к получаемой информации и способность управлять американскими системами и войсками»⁴⁰. В результате как минимум восемь из девяти ядерных государств вводят в систему обороны и планирования методы борьбы с новой и крайне непредсказуемой киберугрозой.

* * *

Итак, наш мир меняется, а внутри него меняется и мир ядерных держав. Но политическое сообщество, похоже, далеко не полностью осознает всю сложность и потенциальную драматичность этих изменений. В силу привычки и инерции прежних представлений о роли, полезности ядерного оружия и об управлении им руководство государств не видит или как минимум не обращает должного внимания на сложности и опасности, которые ждут нас впереди по мере того, как ядерное соперничество утрачивает простой геометрический характер, ядерные арсеналы нескольких стран увеличиваются до масштабного уровня, а развитие технологий меняет возможные пути к ядерной войне.

Хотя ощущение происходящих перемен постепенно проникает в сознание, барьер, связанный с «застывшим» образом мысли, бросается в глаза. Так, в Соединенных Штатах растущее осознание того, что ядерный вызов стране носит теперь «треугольный», а не одномерный характер, порождает предсказуемую реакцию: США должны иметь достаточно большие ядерные силы, чтобы «разобраться» и с Россией, и с Китаем. КНР же, несомненно, оценит проблему двух своих ядерных соперников аналогичным образом. А Индия это уже делает, думая одновременно о конфликте с Пакистаном и Китаем.

⁴⁰ Resilient Military Systems and the Advanced Cyber Threat. Washington: Department of Defense, 2013. URL: <http://www.acq.osd.mil/dsb/reports/ResilientMilitarySystems.CyberThreat.pdf>

Такие застывшие стереотипы мышления имеют три общие характеристики, мешающие политическим руководителям сосредоточить внимание на не существовавших прежде вызовах новой ядерной эпохи. Во-первых, главный акцент делается на настоящем, воспринимаемом как продолжение прошлого, а не на будущем, чьи сложности и опасности будут, скорее всего, совершенно иными. Во-вторых, при анализе взаимоотношений фигурантов последние оцениваются почти исключительно в бинарном плане: более сложная динамика с участием трех или более субъектов, в том числе негосударственных, остается за скобками. В-третьих, сохраняется «конкурентный» подход: интуиция подталкивает к стремлению соответствовать усилиям оппонента или превзойти их, а не к поиску альтернатив. Когда уже появляются технологии, позволяющие повышать точность и скорость систем оружия, регулировать их мощность и уменьшать заметность, доводы о том, что возможность их применения укрепляет сдерживание, всегда перевешивает признание того факта, что одновременно она ослабляет кризисную стабильность. Старые угрозы преобладают над новыми. Поэтому, хотя все больше людей указывает на то, что из-за возможности искажения работы систем предупреждения и управления в результате кибератак МБР, находящиеся в четырех- пятиминутной готовности к пуску, следует снять с постоянного боевого дежурства, те, кто отвечает за оборону страны, отказываются это сделать, утверждая, что способность запустить ракеты уже в ходе вражеской атаки по-прежнему имеет ключевое значение⁴¹.

В Вашингтоне, Москве и Пекине мало внимания (а в Нью-Дели и Исламабаде еще меньше) уделяется взаимосвязи между тенденциями на уровне международной системы и событиями в мире ядерных вооружений. В расчетах военных планировщиков, оттачивающих ядерные доктрины своих государств, не фигурирует вопрос о том, как интенсивность изменения геостратегических отношений может придать совершенно иной смысл решениям, которые принимают ядерные державы. Точно так же руководство государств не уделяет внимания воздействию необузданной конкуренции в ядерной сфере на соотношение сил между великими державами.

Возьмем в качестве примера легко прогнозируемых изменений ядерного ландшафта меняющийся характер морских ядерных во-

⁴¹ De-Alerting and Stabilizing the World's Nuclear Force Postures. Washington: Global Zero Commission on Nuclear Risk Reduction, 2015. URL: http://www.globalzero.org/files/global_zero_commission_on_nuclear_risk_reduction_report.pdf

оружий. В ближайшие 10 лет ситуация в западной части Тихого и в Индийском океанах обретет совершенно иную динамику: целый ряд ядерных игроков превратят этот регион в центральную зону своих шагов по усилению одного из важнейших компонентов ядерных сил сдерживания. Сегодня морские силы сдерживания Китая находятся еще в зачаточном состоянии, но в ближайшее десятилетие их состав практически удвоится, и, если будут развернуты ПЛАРБ третьего поколения «Цзинь» (проект 096), они станут крупнейшими по величине в Тихом океане. Россия за этот период перенесет акцент с Северного флота на Тихоокеанский, и с принятием на вооружение ПЛАРБ типа «Борей» и БРПЛ «Булава» будет иметь самые современные морские ядерные силы в регионе. Что же касается США, то в ближайшие десятилетия в результате замены ПЛАРБ типа «Огайо» на новые ракетноносцы проекта SSBN-X они будут иметь еще более мощную подводную группировку. В сочетании с усилиями США и России по модернизации сил и средств ПЛО и теми шагами, которые почти наверняка предпримет КНР для укрепления обороны своего «бастиона» — Южно-Китайского моря, ядерный облик Тихого океана изменится до неузнаваемости.

По другую сторону от Китая, в Бенгальском заливе, Индия, принимая на вооружение БРПЛ нового поколения, способные достичь территории КНР с новой базы в Рамбили, будет противостоять китайским подлодкам с ракетами «Цзюйлан-2», которые уже могут наносить удары по Индии с базы на о. Хайнань в Южно-Китайском море. Китай пока не обладает силами и средствами стратегической ПЛО в Индийском океане, но утверждается, что он проводит там разведывательные операции с участием многоцелевых атомных подлодок⁴². Что же касается России, то она регулярно направляет в Индийский океан эсминцы типа «Удалой» и крейсер «Варяг» из состава Тихоокеанского флота.

Все это не говорит о том, что указанные первые шаги уже превратили Тихий и Индийский океаны в волатильные зоны ядерного соперничества. Скорее можно утверждать, что там формируются компоненты куда более сложного морского соперничества, а приобретут ли они конкретную форму, зависит от эволюции общей геостратегической обстановки. Если крупнейшие ядерные державы на этом, раннем, этапе сделают паузу, поразмыслят и адаптируют свое мышление к сложностям и опасностям новой ядерной эпохи, им вполне по силам добиться совершенно иного результата — и не только в данном случае, но и по всему широкому спектру опасностей, которые порождает быстро

⁴² Rehman I. Op. cit.

меняющийся ядерный мир. Если же они этого не сделают и проявят безответственность в процессе изменения баланса сил между США и Китаем, если примирятся с враждебностью, воцарившейся в отношениях между Россией и Западом, если позволят править бал своим кардинально различающимся подходам к ядерному оружию, ядерному сдерживанию и ядерной войне, то историки совершенно по-иному оценят нынешнюю «интерлюдия» — в том случае, конечно, если останется кому ее оценить. Ведь на самом деле ставки, вынуждающие страну предпринимать действия, создающие риск ядерной войны, зависят от того, как их определяет характер международного устройства. Но тормоза, обуздывающие эти риски, являются производным от принимаемых страной решений в ядерной сфере. Положительная взаимосвязь между первым и вторым требует позитивных усилий от тех, кто обладает ядерным оружием, и особенно от двух стран, у которых его больше всего.

Владимир Дворкин

Сокращение наступательных вооружений

Одним из главных проявлений нынешнего кризиса в сфере контроля ядерного оружия является беспрецедентно длительная пауза в почти полувековых переговорах России и США по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ), если вести отсчет от начала переговоров в 1969 г. В качестве основных препятствий для продолжения диалога по этому кардинальному вопросу российское руководство указывает на отсутствие ограничений ядерного оружия других государств, развертывание европейской и глобальной системы ПРО США, развитие стратегических неядерных высокоточных систем оружия для нанесения разоружающего удара, отсутствие соглашений о невыводе оружия в космическое пространство.

В настоящее время действует только Пражский Договор СНВ, вступивший в силу в 2011 г. В соответствии с этим Договором (сроком действия до 2021 г.) Россия и США к 2018 г. обязаны сократить свои СНВ до уровней не более 800 развернутых и неразвернутых носителей, 700 развернутых носителей и 1550 боезарядов на них.

В июне 2013 г. президент США Барак Обама в Берлине предложил России заключить новый договор, сократив стратегические вооружения сторон примерно еще на одну треть¹. В этом случае российские и американские СНВ могли быть ограничены по числу боезарядов до 1000 единиц, а развернутых носителей — до 500 единиц.

В Москве это предложение не нашло поддержки, что обосновывалось ссылкой на дестабилизирующее влияние все тех же отмеченных выше факторов. Однако в конце 2014 г. на дискуссионном форуме «Валдай» в Сочи президент России Владимир Путин заявил: «Мы настаиваем на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов и готовы к самому серьезному предметному разговору по вопро-

¹ Remarks by President Obama at the Brandenburg Gate. Washington: The White House, 2013. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/19/remarks-president-obama-brandenburg-gate-berlin-germany>

сам ядерного разоружения»². Но никаких практических шагов в этом направлении не было сделано. Последовали дальнейшее обострение отношений между Россией и Западом из-за событий в Украине, введение санкций и контрсанкций, широкомасштабные военные учения в приграничных районах России и НАТО, опасных сближений вооруженных сил сторон на море и в воздухе.

Очередное предложение со стороны Вашингтона о дальнейших сокращениях СНВ было сделано в январе 2016 г., стимулом для которого, наряду с прочим, могло стать обращение широко известных в мире политических деятелей и ученых, принятое на совместной конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы и «Инициативы по уменьшению ядерной угрозы» (NTI) в Вашингтоне в начале декабря 2015 г.³ К сожалению, и на это предложение США последовал достаточно резкий ответ из Москвы. В качестве доводов о невозможности вести с США переговоры названа, помимо указанных причин, враждебная санкционная политика США. В сложившихся условиях в Вашингтоне стали рассматривать вариант продления на пять лет действия Пражского Договора СНВ. Возможность продления на такой период, то есть до 2026 г., заложена в тексте этого Договора (ст. XIV, п. 2).

В принципе, если достижение нового договора окажется в обозримой перспективе невозможным, то продление срока действия Пражского Договора имело бы рациональный смысл. Главным соображением в пользу этого является обстоятельство, что отсутствие подобного договора выводит состояние и развитие СНВ сторон за пределы правового поля, которое вот уже в течение нескольких десятилетий позволяет сторонам надежно контролировать выполнение договорных обязательств по состоянию стратегических вооружений, их типу и составу, характеристикам районов базирования, количеству развернутых носителей и боезарядов на них и количеству неразвернутых носителей, а также видеть обозримую перспективу. В этих целях в соответствии с условиями Пражского Договора ежегодно проводится до 18 взаимных инспекций на местах в наземных, морских и авиационных

² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва: Президент России, 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

³ Совместное заявление «Люксембургского форума» и «Инициативы по снижению ядерной угрозы» (NTI) о предотвращении ядерной катастрофы: Предотвращение кризиса контроля над ядерным вооружением и терроризма с катастрофическими последствиями. Москва: Международный Люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы, 2015. URL: <http://luxemburgforum.org/forum/washington-2015/declaration/>

базах ядерных триад сторон, передаются друг другу до 42 уведомлений по изменениям объектов и средств стратегических ядерных сил (СЯС).

Известно, что отсутствие информации о состоянии вооруженных сил противостоящих сторон приводит чаще всего к преувеличению количественных и качественных показателей оппонента и к наращиванию собственных возможностей в качестве гарантии адекватного противодействия. А это — прямой путь к неконтролируемой гонке вооружений. Особенно опасно это по отношению к стратегическим ядерным вооружениями, поскольку ведет к подрыву стратегической стабильности в ее изначальном понимании (как состояния стратегического баланса, включающего стимулы к первому ядерному удару).

Именно этими соображениями может быть обусловлена целесообразность продления Договора СНВ до 2026 г. Однако такое продление можно рассматривать лишь в качестве резервного плана на случай отсутствия нового договора. Если принять это решение преждевременно, то ослабевает фактор истечения срока действия Пражского Договора как стимула к возобновлению переговоров. Поэтому наилучшим вариантом было бы незамедлительное возобновление переговоров с целью заключения до 2021 г. договора между Россией и США о сокращении СНВ до более низких уровней. Однако для этого необходимо достичь компромисса по имеющимся противоречиям, и прежде всего по системам ПРО.

Влияние противоракетной обороны на ракетно-ядерный баланс

Представления о реальных возможностях и роли ПРО в противостоянии двух ядерных сверхдержав претерпевали, начиная с 1960-х гг. и до настоящего времени, значительные изменения под влиянием технологических достижений и неоправдавшихся взглядов на возможности оборонительных систем.

Не вдаваясь в интересную и поучительную историю развития программ ПРО и проведения оценок их возможностей, включая позитивный опыт сотрудничества России и США, необходимо подчеркнуть, что к настоящему времени специалисты и эксперты, способные проводить соответствующие расчеты, располагают достаточно объективными данными в отношении их реального потенциала. Самый общий и краткий вывод заключается в том, что достаточно плотная система ПРО способна перехватить одиночные или групповые (несколько единиц) пуски баллистических ракет с простейшими средствами противодействия, но совершенно неспособна ощутимо снизить потенциал масси-

рованного ядерного удара как основы взаимного стратегического сдерживания России и США.

В качестве одного из многочисленных подтверждений этого обстоятельства можно привести оценки российских и американских экспертов, определяющих способность американской системы ПРО НАТО в Европе перехватывать иранские ракеты⁴. Специалисты, в частности, утверждают, что радары X-диапазона благодаря относительно высокой разрешающей способности (до 15 см) могут обнаруживать на заатмосферном участке траектории не только боезаряды, но и часть ложных целей, однако не гарантируют возможности отличить одни от других. Причем даже относительно несложные меры, которые вполне по плечу иранским конструкторам, способны снизить эффективную площадь отражения боезарядов с 0,03 до 0,01 кв. см, что значительно уменьшит дальность обнаружения боезарядов. При увеличении модулей радара X-диапазона до 80 тыс. единиц дальность обнаружения в лучшем случае составит примерно 1300 км при необходимой минимальной дальности около 2000 км. Всего для перехвата одного боезаряда иранской ракеты потребуется в среднем пять противоракет.

В материалах монографии «Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество?» представлен весь 50-летний опыт разработок и испытаний различных систем ПРО в СССР и США, в том числе по американской программе Стратегической оборонной инициативы (СОИ), объявленной в 1983 г., который убедительно доказал невозможность создания ПРО такой плотности, которая могла бы защитить территорию страны от удара сотен боезарядов⁵. Сегодня нет ни одного специалиста, способного проводить соответствующие расчеты, который не подтвердил бы этого.

Есть признаки того, что в Москве на самом деле существует понимание ограниченных возможностей ПРО. В сентябре 2015 г., вы-

⁴ Ядерный и ракетный потенциал Ирана. Нью-Йорк: East-West Institute, 2009. URL: <https://www.eastwest.ngo/idea/%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B8-%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0>

⁵ Подвиг П. Л. Развитие противоракетной обороны СССР и России в XX в. // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 26–43; Льюис Дж. Противоракетные программы и системы США до 2000 г. // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 44–65.

ступая на форуме «Армия-2015», президент Владимир Путин заявил: «В текущем году состав ядерных сил пополнят более 40 новых межконтинентальных баллистических ракет, которые будут способны преодолевать любые, даже самые технически совершенные системы противоракетной обороны»⁶. Здесь важно отметить, что эти 40 ракет являются новыми только как очередные заводские партии серийных ракет типа «Ярс», «Булава» и других, которые уже находятся в боевом составе российских СЯС. Речь не идет о разрабатываемой ракете типа «Сармат» или «Рубеж», летные испытания которых, по данным, еще не завершены. Кроме того, как хорошо известно специалистам, и другие находящиеся в боевом составе СЯС ракеты — «Синева», «Воевода» и «Тополь-М» — располагают эффективными средствами преодоления такой ПРО, которая несопоставима по количественному составу и качеству с той, которая разворачивается и планируется Соединенными Штатами в Европе, Азии и на глобальном уровне.

Следует полагать, что политическое и военное руководство страны представляет себе процессы формирования высоких требований к стратегическим вооружениям, включая их системы преодоления ПРО. Выполнение этих требований проверяется и подтверждается в ходе государственных испытаний. На сегодняшний день модели перспективной ПРО США, соответствующие прогнозам ее развития, отличаются в сторону значительного понижения потенциала от тех, что были разработаны в соответствии с программой СОИ. Поэтому уже реализованный технологический задел в создании существующих систем преодоления ПРО является вполне убедительным аргументом в пользу исключения таких систем из числа дестабилизирующих факторов в стратегическом балансе России и США.

Тем не менее в политическом разрезе проблема ПРО еще длительное время способна быть препятствием на пути дальнейших сокращений СНВ России и США. Дело не только в текущих конфронтационных отношениях держав, но и в практике односторонних действий США. Несмотря на совместную Декларацию о новых стратегических отношениях и партнерстве России и США от 2002 г., где есть специальный пункт о совместном развитии системы ПРО, Вашингтон пошел по пути односторонних шагов в этой важнейшей военно-технической сфере. Как вспоминал Путин, «...мы предлагали сотрудничество, предлагали совместную работу с американскими партнерами. Все это, по сути, было отвергнуто. Нам предложена не работа, а разговоры на заданную те-

⁶ Speech at Ceremony Opening ARMY-2015 International Military-Technical Forum. Moscow: President of Russia, 2015. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/49712>

му. Все делается в одностороннем порядке, без учета наших озабоченностей. Это вызывает сожаление»⁷.

На будущее для сближения точек зрения сторон было бы целесообразным проводить взаимное изменение их подходов, подразумевающее негласное признание ошибочности прежних позиций. Со стороны Вашингтона это касается невыполнения положений Декларации 2002 г. о создании совместной с Россией системы ПРО и отказ от обсуждения любых географических и технических пределов для таких систем, которые могли бы разграничить оборону от проблемных режимов и систему против России. Со стороны Москвы — это нереалистические требования гарантий ненаправленности американской системы против России вместо предложения критериев ПРО (включая российскую Воздушно-космическую оборону), отвечающих за сохранение стратегической стабильности.

Разоружающий удар крылатыми ракетами

В речи на Валдайском форуме президент Путин заявил: «Уже появилась концепция так называемого первого обезоруживающего удара, в том числе с использованием высокоточных неядерных средств большого радиуса действия, сопоставимых по своему эффекту с ядерным оружием»⁸. И об этом же он сказал, коснувшись перспектив сокращения ядерного оружия, годом ранее: «Мы настаиваем на продолжении переговоров, мы не просто за переговоры, мы настаиваем на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов. <...> Сегодня многие виды высокоточного оружия по своим возможностям уже приблизились к оружию массового поражения, и в случае отказа, полного отказа от ядерного потенциала или критического снижения его объемов, страны, обладающие лидерством в создании и производстве высокоточных систем, получают явное военное преимущество»⁹.

Угроза разоружающего удара высокоточными неядерными стратегическими системами периодически публично декларируется некоторыми российскими правительственными чиновниками и частными

⁷ Цит. по: Россия даст ответ на запуск ПРО в Румынии // Известия. 2016. 13 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/613543#ixzz4LRG9FngY>

⁸ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва: Президент России, 2015. URL: <http://news.kremlin.ru/news/19243>

⁹ Meeting of the Valdai International Discussion Club. Moscow: President of Russia, 2014. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/46860>

экспертами. Что касается существующих систем такого класса — крылатых ракет большой дальности морского и наземного базирования, то профессиональные оценки не подтверждают этой возможности. Например, в статье российских военных ученых, опубликованной в специальном издании «Военно-промышленный курьер»¹⁰, представлены детальные расчеты, показывающие невозможность одновременного удара высокоточными крылатыми ракетами даже по одному конкретному позиционному району межконтинентальных баллистических ракет (МБР) стационарного базирования в Европейской части страны. Эти расчеты сделаны с учетом размеров и геометрии целей, оценки необходимого количества крылатых ракет для надежного поражения одного высокозащищенного объекта — шахтной пусковой установки (ШПУ) или командного пункта — в зависимости от точности их попадания.

Для поражения только одной ШПУ с вероятностью 95 % при круговом вероятном отклонении (КВО) крылатых ракет, равном 5 м, без мер противодействия со стороны защиты этих объектов потребовалось бы 14 крылатых ракет. При КВО, равном 8 м — 35 таких ракет. При этом речь даже не идет о многих других позиционных районах Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), достичь которых крылатые ракеты не могут по дальности их действия. К тому же у США попросту нет требуемого количества таких крылатых ракет для удара по всем целям РВСН. В статье приведен также целый ряд других аргументов, подтверждающих неизбежность катастрофического для агрессора ответного ядерного удара со стороны России в полном соответствии с условиями применения ядерного оружия, зафиксированными в ее Военной доктрине¹¹.

Поражающие способности неядерного оружия при ударе по высокозащищенным точечным объектам несопоставимо меньше ядерного, что обуславливает необходимость использования исключительно большого количества неядерных средств. В действительности же требования к их количеству дополнительно повышаются за счет существующих возможностей по созданию помех высокоточным системам наведения крылатых ракет.

Кроме того, планировать подобный удар одновременно по нескольким сотням целей, расположенных на огромной территории России,

¹⁰ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 2015. 21 окт. URL: (<http://vpk-news.ru/articles/27617>)

¹¹ Военная доктрина Российской Федерации. Москва: Президент России, 2014. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>

чрезвычайно сложно. Подготовка такой операции потребовала бы длительного времени для создания соответствующей ударной морской или авиационной группировки. Эту подготовку невозможно скрыть, и Россия будет иметь время для перевода своих ядерных сил в повышенную боеготовность.

К этим препятствиям для нанесения эффективного удара крылатыми ракетами следует добавить комплекс мер противодействия другой стороны. Такие меры включают в себя защиту стационарных объектов СЯС высокоэффективными зенитно-ракетными комплексами типа «Панцирь-С1» и другими средствами ПВО/ПРО, противодействие космической навигационной системе NAVSTAR средствами радиоэлектронной борьбы (РЭБ), частую смену позиций грунтово-мобильных ракетных комплексов в угрожаемый период и использование ложных целей (макетов), рассредоточение дальней авиации на запасные аэродромы, выход в море стратегических подводных ракетоносцев с защитой их остальными силами флота и многие другие меры.

По этим причинам нет оснований полагать, что есть реальные оперативные планы применения неядерных крылатых ракет для разоружающего удара по российским СЯС, что заведомо чревато огромным риском катастрофического по последствиям ответного ядерного удара.

Это относится также и к оценке возможностей применения в разоружающем ударе перспективных гиперзвуковых средств.

Гиперзвуковые системы как средство разоружающего удара

Разработки и испытания гиперзвуковых крылатых ракет различной дальности проводятся, насколько известно, главным образом в России, США, Китае и Индии. Эти ракеты предназначены для нанесения высокоточных неядерных ударов по различным целям со значительно более коротким подлетным временем, чем могут обеспечить существующие дозвуковые крылатые ракеты. Это, в свою очередь, требует оценки реальных угроз и создания новых оперативно-тактических и технических мер защиты от гиперзвукового оружия, которое может применяться во всех сферах вооруженной борьбы.

СССР и Россия. Первые отечественные конструкторские разработки, а затем и летные испытания гиперзвуковых летательных аппаратов относятся к концу 1970-х — началу 1980-х гг. Судя по открытой информации, они были связаны с проектом «Альбатрос». Началом интенсивной работы в этом и во многих других направлениях стало получение информации об американской программе СОИ. Она предусматривала эшелонированную противоракетную оборону на космических, воздуш-

ных, морских и наземных рубежах от массированной атаки советских баллистических ракет.

В ответ на американскую СОИ Советский Союз принял ряд симметричных и асимметричных мер, таких как проект «Альбатрос». Его задачи и конструктивные особенности до сих пор практически полностью закрыты для публикаций, однако в последнее время в российских СМИ стали появляться его различные интерпретации¹².

Судя по данным, полученным их авторами, разработка этого ракетного комплекса началась по постановлению правительства № 173—45 от 9 февраля 1987 г. в Научно-производственном объединении (НПО) машиностроения под руководством главного конструктора Герберта Ефремова. В теории работа комплекса выглядела следующим образом: межконтинентальная баллистическая ракета типа УР-100Н УТТХ (SS-19 по западной классификации) на активном участке траектории выводит так называемый планирующий крылатый блок (ПКБ) на высоту 80—90 км, а затем совершает пологий разворот к земной поверхности и разгоняет ПКБ по снижающейся траектории, и он летит на гиперзвуковой скорости (5 скоростей звука — 5М, или около 1,7 км/сек) на межконтинентальную дальность. Оснащенный ядерным боезарядом ПКБ должен был совершать глубокие маневры по азимуту для ухода от космических и обхода наземных средств ПРО США.

Первые летные испытания ракетного комплекса «Альбатрос», как сообщается, были проведены в 1991—1992 гг.¹³ В последующих публикациях этому проекту присваивается индекс 4202 и отмечается, что испытания осуществлялись и позже — в 2001 и 2004 гг. Отмечено, что пуски ракет типа УР-100Н (SS-19) с ПКБ проводили из шахтных пусковых установок с открытыми крышами, поскольку размеры ПКБ не позволяли их закрыть.

Есть информация, что ПКБ планировалось разместить и в качестве одного из вариантов боевого оснащения на трехступенчатой твердотопливной ракете — сначала на МБР типа «Универсал», которую совместно разрабатывали НПО «Южное» в Днепропетровске и Московский институт теплотехники, а после того, как эта кооперация

¹² Райгородецкий А. Проект МБР «Альбатрос» (СССР). Москва: Dogs of War, 2011. URL: <http://www.dogswar.ru/oryjeinaia-ekzotika/raketnoe-oryje/4945-proekt-mbr-qalbatros.html> ; Рамм А., Корнеев Д. «Альбатрос» мировой революции. Ч. I // Военно-промышленный курьер. 2015. 23 сент. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/27160> ; Они же. Гиперсмерть на подходе // Военно-промышленный курьер. 2015. 25 марта. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/24407>

¹³ Райгородецкий А. Указ. соч.

распалась, — на МБР «Тополь-М». Предполагают, что ПКБ может быть использован и на новой тяжелой ракете «Сармат».

США. Первые полномасштабные летные испытания межконтинентальных гиперзвуковых аппаратов FHTV-2 (Falcon Hypersonic Technology Vehicle 2), которые разрабатываются компанией Lockheed Martin с 2003 г., и гиперзвуковой крылатой ракеты X-51A — проекта Boeing — прошли в США в 2010 г.¹⁴

Оба испытания аппарата FHTV-2 можно считать успешными лишь частично. При первом аппарат развил скорость в 20М, или в 20 раз превышающую скорость звука (6,6 км/сек), после чего связь с ним прекратилась. При втором испытании FHTV-2 был выведен в верхние слои атмосферы и первый этап планирования к цели проходил успешно, однако спустя девять минут полета связь с аппаратом оборвалась и произошло его самоуничтожение.

Первый полет гиперзвуковой ракеты X-51A в 2010 г. также был успешным лишь частично: из-за выявленной нестабильности ракеты и перебоев связи была отдана команда на самоуничтожение. За время полета ракета достигла скорости 5М. Следующие испытания — в 2011 и 2012 гг. — были аварийными: при втором не запустился двигатель разгонной ступени и не отделился разгонный блок, при третьем на 17-й секунде ракета потеряла управление, распалась на части и упала в Тихий океан.

Только четвертые испытания оказались успешными. Ракета была запущена с борта тяжелого бомбардировщика В-52, достигла высоты 18 200 м, где развила скорость 5,1М. Полет продолжался в течение шести минут, за которые ракета пролетела расстояние в 426 км¹⁵.

Испытания обоих американских гиперзвуковых аппаратов будут продолжаться.

Китай. Китай уже провел четыре испытания своей гиперзвуковой ракеты WU-14, причем всего за полтора года — в 2014–2015 гг.¹⁶ Утверждается, что WU-14 — это планирующий крылатый блок, который запускается баллистической ракетой и может быть оснащен как ядерным, так и обычным боезарядом. В последнем запуске аппарат показал высокую степень маневренности, позволяющую прорывать си-

¹⁴ В США провалились испытания второго гиперзвукового аппарата // Lenta.ru. 2011. 12 авг. URL: <https://lenta.ru/news/2011/08/12/htv2/>

¹⁵ Зазнобина Е. Самая быстрая ракета в мире // Узнай все. 2015. URL: <http://www.uznayvse.ru/interesting-facts/samaya-bystraya-raketa-v-mire.html>

¹⁶ Shukla V. China Successfully Tests Hypersonic Nuclear Missile Wu-14 // Value Walk. 2015. 15 Jun. URL: <http://www.valuewalk.com/2015/06/china-tests-wu-14-amid-us-tensions/>

стему ПРО. Эта информация позволяет предположить с высокой степенью вероятности, что китайский аппарат практически полностью повторяет конструкцию и схему полета российского ПКБ «Альбатрос».

Остановимся на некоторых стратегических темах в связи с публичным интересом к этим проектам и разноречивыми экспертными оценками. По-видимому, маневрирование в широких пределах для преодоления наземной ПРО не было главной задачей ПКБ «Альбатрос». После входа в плотные слои атмосферы скорость полета заметно снижалась и ПКБ мог быть уязвим даже по отношению к американским системам ПВО/ПРО типа «Пэтриот». Скорее всего, предусмотренная траектория полета должна была уменьшить возможность поражения ракеты и ПКБ со стороны космических рубежей ПРО, которые входили в программу СОИ.

Среди проектов ПРО США в космосе наиболее продвинутой была концепция Brilliant Pebbles («Блестящие камешки»): вывод на орбиты многих сотен малых космических аппаратов, предназначенных для кинетического поражения баллистических ракет после их выхода из относительно плотных слоев атмосферы, а также для нейтрализации советских спутников на низких орбитах.

Чтобы ракеты, выводящие ПКБ на пологую траекторию, не попадали под действие Brilliant Pebbles, предполагалось значительно уменьшить высоту их собственной траектории. Кстати, подобная задача была решена при разработках МБР «Тополь-М», а затем и для ракет «Ярс» и «Булава». Их траектории не оптимальны с точки зрения достижения максимальной дальности, к тому же они требуют дополнительных затрат энергии с потерей части забрасываемой массы. Кроме того, часть энергии уходит на то, чтобы повысить защиту корпуса ракет от воздействия лазерного и другого оружия, разработка которого предусматривалась программой СОИ¹⁷.

В настоящее время нет никакой информации о том, как решена проблема защиты ПКБ «Альбатрос» (проекта 4202) от наземной ПРО в связи со снижением скорости полета на конечном участке траектории. Здесь возможны разные варианты. Один из них — такое же решение, как у американских гиперзвуковых ракет. Например, после отделения от ракеты-носителя планирующий блок может продолжать полет с небольшим снижением, чтобы практически до самой цели находиться на

¹⁷ Этого не понимают некоторые эксперты: они критикуют, в частности, БРПЛ «Булава» за небольшое значение забрасываемой массы, сравнивая эту ракету с другими, в которых не предусмотрена защита от космических средств поражения.

высоте 40–60 км, где еще нет большой тепловой нагрузки и скорость полета уменьшается незначительно. Непосредственно перед целью ПКБ начинает пикировать на нее почти вертикально, что позволяет уменьшить возможность его поражения наземными средствами ПРО. Не исключено, что в рамках проекта 4202 рассматриваются и такие способы преодоления ПРО.

В России обеспокоены угрозой, которую в перспективе могут представлять гиперзвуковые ракеты, прежде всего в контексте нанесения неядерного разоружающего удара по объектам СЯС и центральным командным пунктам управления. Как было отмечено выше, развертывание гиперзвукового оружия гипотетически способно повысить эффективность подобного удара по сравнению с применением дозвуковых крылатых ракет. Гиперзвуковые системы межконтинентальной дальности не потребуют для применения большого времени подготовки удара, и такая подготовка была бы менее заметной. Кроме того, продолжительность нанесения удара была бы меньшей.

Однако эффективность поражения защищенных точечных целей неядерными боевыми блоками едва ли будет значительно выше, чем у дозвуковых крылатых ракет, и определенно много ниже, чем у существующих баллистических ракет с ядерными боеголовками. Возможно, против гиперзвуковых систем тоже будут эффективны пассивные и активные средства защиты. Это предполагает необходимость развертывания большого количества гиперзвуковых средств и нанесения повторных ударов, что обуславливает высокую вероятность массированного ответного удара со стороны российских СЯС уже в ходе гипотетического нападения. Создание в США тысяч гиперзвуковых ракет вряд ли возможно из-за их предполагаемой высокой стоимости.

Судя по официальной позиции США, гиперзвуковое оружие будет предназначено прежде всего для нанесения Соединенными Штатами быстрых ударов по отдельным выявленным особо опасным целям, способным к ускоренной смене мест нахождения. Для решения такой задачи нет необходимости массированного развертывания подобного оружия. В этом отношении есть аналогия с европейской и глобальной системами ПРО США, которые способны перехватывать только единичные и групповые запуски баллистических ракет и не представляют угрозы для российского потенциала ядерного сдерживания.

Некоторые российские эксперты предполагают, что гиперзвуковые ракеты, пусть и в ограниченном количестве, способны нанести удары по высшим пунктам управления Московского региона и по выявленным местам нахождения самого высокого руководства. Подобные опасения уже возникали в СССР после начала полетов американских космических кораблей «Спейс Шаттл». Предполагали, в частности, что

такой корабль может неожиданно снизиться над Москвой и нанести ядерный удар по советскому руководству.

Страхи были беспочвенны, по крайней мере по двум причинам. Во-первых, в случае такого удара огромное количество стратегического и нестратегического ядерного оружия на всей территории СССР осталось бы без централизованного управления. Последствия такой ситуации, в том числе для США, были бы непредсказуемы. Во-вторых, советская резервная система управления СЯС обладала высокой выживаемостью — ответный ядерный удар по США состоялся бы в любом случае¹⁸.

По этим же причинам и в будущем США едва ли станут планировать удары гиперзвуковым оружием по российским высшим пунктам управления, тем более что некоторые из этих пунктов обладают высокой степенью защиты даже от ядерных ударов, не говоря уже о воздействии неядерного оружия.

Вместе с тем организация консультаций, например в трехстороннем формате (Россия, США и Китай), на начальном этапе была бы полезна для получения от сторон самой общей информации о целях, задачах и объемах развертывания гиперзвукового оружия межконтинентальной дальности. Это был бы один из шагов в направлении снижения напряженности в отношениях ведущих государств и сохранения стратегической стабильности.

Стабильность стратегического ядерного баланса

Представленный анализ демонстрирует недостаточную эффективность как существующих, так и будущих неядерных ракетных систем большой дальности для нанесения разоружающего удара. Но даже ядерные средства России и США не позволяют рассчитывать на такую возможность. Иными словами, первый ядерный удар не может предотвратить адекватного возмездия и потому лишается главного стимула — в соответствии с базисным принципом стратегической стабильности в ее традиционном понимании. То же самое справедливо и в случае достижения следующего договора по СНВ.

При уровне стратегических вооружений, установленном Пражским Договором СНВ, в боевом составе СЯС США скорее всего будут до 500 боезарядов на МБР «Минитмен-3» и около 1000 боезарядов на БРПЛ «Трайидент-2». Поскольку существует значительная неопределенность относительно участия тяжелых бомбардировщиков (ТБ) в ра-

¹⁸ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. Указ. соч.

зоружающем ядерном ударе (из-за многочасового подлетного времени, неопределенной способности прорыва систем ПВО и других причин), такой удар рассматривается здесь только с применением развернутых американских МБР и БРПЛ. Приведенные ниже оценки выполнены с учетом данных, опубликованных в работе Дина Вилкенинга и других специалистов¹⁹.

Можно предположить, что для разоружающего удара по объектам СЯС России могут быть выделены до 80 % МБР «Минитмен-3» и примерно 50 % БРПЛ «Трайидент-2», то есть около 900 боезарядов. Распределение их по объектам СЯС зависит от боевого состава ядерной триады России. Предположим, что к 2021 г. в боевом составе российских стратегических ядерных сил в соответствии с Пражским Договором будет 700 развернутых носителей и 1550 боезарядов.

Из 900 американских боезарядов, которые могут быть выделены для разоружающего удара, до 100 единиц необходимы для поражения командных пунктов, находящихся в базах подводных ракетоносцев, аэродромов рассредоточения ТБ и оставшихся в стационарных укрытиях мобильных ракетных комплексов. Принято считать, что для поражения с вероятностью 0,9 одной шахтной пусковой установки необходимо планировать не менее двух боезарядов средней мощности на МБР «Минитмен-3» и БРПЛ «Трайидент-2», то есть примерно 320–340 таких боезарядов. Следовательно, из 900 американских боезарядов, используемых в разоружающем ударе, 460–480 боезарядов остаются для поражения мобильных ракетных комплексов на маршрутах боевого патрулирования. Таким образом, в ответном ударе российских СЯС смогли бы участвовать выжившие мобильные и стационарные МБР РВСН и подводные ракетоносцы, заблаговременно ушедшие в море. Подсчет показывает, что общее количество боезарядов в российском ответном ударе составило бы до 700–750 единиц.

Подобный гипотетический сценарий делает полностью бессмысленным планирование американского разоружающего удара с целью избежать адекватного возмездия²⁰.

¹⁹ Wilkening D. Strategic Stability Between the United States and Russia // Challenges in U.S. National Security Policy: A Festschrift Honoring Edward L. (Ted) Warner / ed. by D. Ochmanek, M. Sulmeyer. Washington: RAND, 2014. P. 123–140. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/corporate_pubs/CP700/CP765/RAND_CP765.pdf

²⁰ Речь в данном случае идет именно о разоружающем ударе, предотвращающем возмездие или снижающем его мощь до приемлемого уровня. При этом нацеливание СЯС на стратегические и иные военные объекты другой стороны и

Можно произвести аналогичный расчет и для ситуации, при которой будет заключен следующий договор СНВ и осуществлены взаимные сокращения стратегических ядерных вооружений России и США до уровней порядка 1000 боезарядов на 500 развернутых носителях. В этом случае в составе американских СЯС могли бы быть 300–350 боезарядов на МБР «Минитмен-3» и 650–600 — на БРПЛ «Трайдент-2». Если использовать такое же процентное распределение боезарядов для разоружающего удара, как и в предыдущем случае, то для первого удара по российским СЯС может быть запланировано 540–580 боезарядов. Тогда для ответного удара российские СЯС использовали бы до 450 боезарядов, что опять-таки лишает смысла планирование американского разоружающего удара.

Оценки гипотетического сценария, в котором Россия нанесла бы разоружающий удар по стратегическим силам США, показывают в принципе сходные результаты²¹. Порядка 10 % МБР «Минитмен-3» и 60–70 % американских БРПЛ «Трайдент-2», находящихся в море, могли бы быть применены в ответном ударе (примерно 750 боезарядов при потолках нынешнего Договора СНВ и более 400 в случае заключения следующего договора). Это свидетельствует о невозможности разоружающего удара и по США.

Все приведенные выше расчеты не учитывают возможности сторон по применению ответно-встречного удара, решения по которому принимаются на основе информации от космических и наземных средств систем раннего предупреждения о ракетном ударе, что создает большой риск ядерной войны из-за политического просчета или технического сбоя (ложной тревоги).

Таким образом, сокращение СНВ России и США до 1000 боезарядов и 500 развернутых носителей позволяет сохранять устойчивый стратегический баланс при значительной экономии затрат по сравнению с теми, которые необходимы для поддержания уровней вооружений, определенных Пражским Договором СНВ. Очевидно, что это значительно выгоднее для России, поскольку следующий договор, как и ныне действующий Пражский Договор, приведет, по существу, к сокращению только ядерных сил США, позволяя России сократить затраты на развертывание новых систем и поддержание договорных уровней, включая разработку и модернизацию излишнего разнообразия типов ракетного вооружения.

соответствующие планы контрсилловых ударов с 1960–1970-х гг. присутствуют в оперативном планировании обеих держав.

²¹ Wilkening D. Op. cit.

Контроль нестратегических ядерных вооружений

Договор РСМД от 1987 г., в нарушении которого Россия и США уже более трех лет обвиняют друг друга, формально касается нестратегического ядерного оружия, однако это не уменьшает его стратегического значения и роли. Отметим, что группировка советских стационарных и мобильных ракет средней дальности входила в состав РВСН.

Как известно, Соединенные Штаты обвиняют Россию в разработке и испытании крылатой ракеты наземного базирования с дальностью полета свыше 500 км, что запрещено Договором РСМД. Россия, в свою очередь, выдвигает США обвинение в использовании при испытаниях системы ПРО баллистических ракет-мишеней типа «Гера», которые являются аналогом баллистических ракет средней дальности. Также Москва считает нарушением создание американских ударных беспилотных летательных аппаратов «Предатор» и «Репер», дальностью полета свыше 500 км. Главный пункт российских обвинений — развертывание в Румынии комплекса ПРО с пусковыми установками, аналогичными Мк-41 на кораблях ВМС США, которые способны запускать не только противоракеты типа «Стандард-3М», но и крылатые ракеты «Томагавк», обладающие дальностью полета до 2500 км.

При отсутствии жесткой конфронтации подобные претензии без особых усилий могли бы разрешаться в рамках образованной для этого изначально, но ныне закрытой, Специальной контрольной комиссии, тем более что по существу эти формальные претензии не связаны с реальной безопасностью. Действительно, если США располагают несколькими тысячами крылатых ракет большой дальности воздушного и морского базирования, то нет никакого смысла устанавливать в пусковых установках противоракет наземного базирования в Румынии дополнительно 24 крылатых ракет.

Однако в существующих условиях практических решений спорных вопросов достичь не удастся и сохранение Договора РСМД находится под угрозой. Между тем прекращение действия этого Договора вернуло бы отношения России и Запада в середину 1980-х гг., когда на СССР было направлено 108 «Першингов-2» и несколько сотен крылатых ракет высокой точности в ответ на массированное развертывание советских ракетных комплексов РСД-10 «Пионер». Ракеты США представляли серьезную угрозу центральным командным пунктам в Москве, а в других местах — объектам ядерной инфраструктуры. Это заставило СССР пойти в конечном итоге на нулевой вариант Договора и согласиться на ликвидацию всех ракет средней и меньшей дальности, ликвидировав в три раза больше боезарядов и в два раза больше ракет по сравнению с тем, что ликвидировали США. Нельзя при этом

забывать, что ликвидировались советские ракеты, не достигающие США, и американские — способные наносить удары в глубь территории Советского Союза.

Если Договор РСМД не устоит, в Европе, скорее всего, появятся новые, еще более эффективные, баллистические и крылатые ракеты, которые будут значительно ближе к границам России. Со своей стороны Москва осуществляла бы развертывание дорогостоящих ракетных систем, ставящих под угрозу ядерного удара города и другие объекты Европы. Вот почему выход из Договора РСМД представляется совершенно неприемлемым для России, США и Европы.

Если не считать Договор РСМД, Россия/СССР и США никогда не приступали к переговорам об ограничении тактического ядерного оружия (ТЯО), в том числе из-за чрезвычайной сложности обеспечения контроля за его исполнением. Согласно односторонним президентским инициативам СССР и России 1991—1992 гг., принятым в ответ на шаги Соединенных Штатов и в связи с распадом Организации Варшавского Договора (ОВД) и СССР, был намечен ряд радикальных мер. Предполагалось переместить все ТЯО Сухопутных войск на предзаводские базы предприятий по сборке ядерных боеприпасов и склады централизованного хранения (а впоследствии полностью их ликвидировать), уничтожить 30 % ТЯО флота, а также 50 % боеголовок зенитных ракет ПВО и 50 % средств ВВС. Было также предложено переместить совместно с США все тактическое ядерное оружие ВВС на склады централизованного хранения. Но это не встретило поддержки Вашингтона, поскольку затронуло бы зарубежные базы этого вида оружия ВВС, которые являются символом ядерных гарантий союзникам.

По имеющимся данным, к 2000 г. все тактическое ядерное оружие флота и авиации ВМФ России было перемещено в централизованные хранилища, а 30 % этих средств ликвидировано. Также было ликвидировано 50 % ТЯО ВВС и 50 % боеголовок зенитных ракет ПВО, а также частично были уничтожены ядерные боеголовки артиллерии, тактических ракет и мин Сухопутных войск страны. В настоящее время большинство экспертных оценок сводится к наличию у России примерно 2000 единиц тактического ядерного оружия²².

Согласно односторонней президентской инициативе от 1991 г. США вывели с зарубежных баз на свою территорию и ликвидирова-

²² Kristensen H. M. Russian Nuclear Forces // SIPRI Yearbook 2015: Armaments, Disarmament and International Security / ed. by I. Davis. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 481.

ли все тактические ядерные боезаряды сухопутных войск, сняли все ТЯО с кораблей и многоцелевых подводных лодок, кроме крылатых ракет морского базирования (КРМБ) большой дальности, и уничтожили 50 % их количества. После этого, по неофициальным оценкам, Соединенные Штаты располагали примерно 500 единицами тактического ядерного оружия, включая 400 авиабомб свободного падения (В-61-3 и В-61-4), из которых около 200 размещены на шести складах ВВС США в пяти странах НАТО (Бельгия, Италия, Нидерланды, Турция и ФРГ). Эти бомбы предназначены для доставки истребителями-бомбардировщиками ВВС США типа F-16, а также бельгийскими и британскими авиационными носителями того же типа и германо-итальянскими ударными тактическими самолетами типа «Торнадо».

Согласно ядерной доктрине США от 2010 г. все ядерные КРМБ «Томахок» должны быть ликвидированы, но авиабомбы В-61 проходят программу продления срока службы, улучшения сохранности, предотвращения несанкционированного применения и повышения точности (система типа В-61-12). Они служат материализацией ядерных гарантий союзникам, и их будущее размещение в Европе периодически становится предметом политических споров в Европе и межсоюзнических консультаций. В недалеком будущем Вашингтону придется, по-видимому, принимать решение о перемещении этих бомб из Турции с базы Инджирлик, где ситуация стала непредсказуемой.

В ходе переговоров по Пражскому Договору СНВ американский Сенат настаивал на включении тактического ядерного оружия в рамки сокращений, но это было неприемлемым не только из-за российских возражений, но и по объективным причинам. Ратификационная резолюция Сената по Договору СНВ прямо требует поставить данный вопрос на следующем этапе переговоров. Основание для этого на Западе видят в значительном преимуществе России над США и НАТО по тактическому ядерному оружию, которое при снижении уровней стратегических ядерных сил станет еще больше. Утверждается также, что в военное время это оружие разворачивается в составе сил общего назначения и может быть вовлечено в конфликт, что средства ТЯО якобы менее сохранны от угрозы хищения, имеют меньшие массо-габаритные характеристики и менее эффективные блокирующие устройства и потому представляют собой заманчивый объект захвата для террористов.

Российская позиция уже много лет сводится к требованию вывода американских ядерного оружия из Европы на национальную территорию как условие начала любого диалога по этой теме.

Объективные причины проблем контроля над ТЯО заключаются прежде всего в том, что в отличие от СНВ, контроль над которыми осуществляется подсчетом носителей и числящимися за ними боезаря-

дами, ТЯО использует носители двойного назначения (авиация, сухопутные артиллерийские и ракетные системы, средства надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок, системы ПВО и тактической ПРО). Количество баз, где может быть развернуто ТЯО, в десятки раз превышает количество баз стратегических ядерных сил, инспектирование их представляется неподъемной задачей. В мирное время боезаряды ТЯО по правилам засчета Пражского Договора СНВ можно квалифицировать как неразвернутыми, и они находятся в хранилищах вместе с резервными боезарядами СЯС. Никакого опыта инспектирования хранилищ нет, и никаких решений в этом вопросе не ожидается.

Наконец договорные отношения базируются, как правило, на равенстве сил, что в отношении ядерных средств малой дальности (театра военных действий) неприемлемо для России из-за ее особого геостратегического положения. Эта тема уже получила подробное рассмотрение в прошлых изданиях Московского Центра Карнеги²³.

Представляется, что на обозримую перспективу гипотетически возможен в лучшем случае поэтапный подход к ограничению и сокращению ТЯО России и США. На первом стороны могли бы обменяться данными хотя бы по тем нестратегическим ядерным вооружениям, которые были уничтожены при реализации инициатив начала 1990-х гг., включая принадлежность и количество ядерных боезарядов. На втором этапе — принять новые параллельные политически обязывающие инициативы по дополнительному сокращению ТЯО без верификационных процедур. На третьем этапе могли быть переговоры об ограничении и сокращении ТЯО, которые включали бы в себя полномасштабный механизм верификации.

Первый этап не требует пояснений. На втором этапе Россия и США могли бы обмениваться информацией сначала об общем количестве боезарядов ТЯО, затем о местах их хранения, далее — о количестве боезарядов по их типам, о количестве боезарядов в активном резерве и ожидающих утилизации. Представляется, что первый шаг на этом пути могла бы сделать Россия, объявив, по аналогии с США, об общем количестве боезарядов СЯС и ТЯО (развернутых и в активном резерве)

²³ Пикаев А. А. Нестратегические ядерные вооружения // Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 129–157; Арбатов А. Г. Нестратегическое ядерное оружие // Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 198–211.

и даже пойти дальше, — указав отдельно их количество для СЯС и нестратегических ядерных вооружений.

Важное решение на этом этапе могло бы быть принято российским руководством по отношению к ядерным боезарядам, предназначенным для систем ПВО и ПРО, которых, по приведенным выше экспертным оценкам, насчитывается около 700 единиц. Можно было бы без ущерба для безопасности объявить о переводе ядерных боезарядов систем ПВО и ПРО в категорию очереди на утилизацию.

Также можно подтвердить нахождение всех тактических ядерных средств на объектах централизованного хранения, что легче проконтролировать, поскольку дислокация складов ТЯО на базах вооруженных сил (прежде всего, ВВС и флота) известна и они должны быть пустыми. Размещение нестратегических ядерных средств в централизованных хранилищах обеспечит их максимальную сохранность от захвата террористами²⁴. Возможна договоренность об инспекциях по запросу с коротким временем предупреждения (аналогичных тем, что согласованы по СНВ для баз МБР, БРПЛ и ТБ) на базах ВВС и флота на территории как России, так и США (а также на территориях их зарубежных союзников). Подобная договоренность может оказаться гораздо более трудной проблемой для США, чем для России, и потребовать от них более масштабных мероприятий.

Для обеспечения транспарентности процесса утилизации ядерных зарядов механизмы верификации могут быть разработаны на основе того технологического задела, который был создан совместно российскими и американскими специалистами в середине 1990-х гг. Эта работа была прервана в 1999 г. с началом военной кампании НАТО в Югославии. В будущем ее следует возобновить, используя те возможности, которые предоставляет вступившее в силу в январе 2011 г. российско-американское Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии («Соглашение 123»), если оно получит новую «путевку в жизнь».

Легализация сотрудничества России и США в этой области теоретически способна позволить им преодолеть одно из главных препятствий на пути достижения проверяемых договоренностей о сокращении ТЯО, а именно отсутствие механизма верификации процесса утилизации ядерных боезарядов. Такой механизм верификации может быть разработан совместными усилиями российских и американских национальных атомных лабораторий, что прежде было неосуществимо из-за отсутствия соответствующей юридической базы.

²⁴ Арбатов А. Г. Указ. соч. С. 210.

Теоретически следующий этап мог бы предусматривать полноформатные переговоры об ограничении и сокращении ТЯО. Особенности и детали этого этапа будут в значительной степени зависеть от результатов, достигнутых на первых двух этапах. Можно только констатировать, что для подтверждения договорных уровней боезарядов ТЯО необходимо проводить инспекции мест их хранения, что потребует неизмеримо большего доверия между сторонами по сравнению не только с нынешним положением, но и с самыми благоприятными моментами их отношений после окончания холодной войны.

* * *

Отсутствие в течение длительного периода каких-либо переговоров между Россией и США по дальнейшим сокращениям СНВ по контролю над нестратегическим ядерным оружием неустойчивость Договора РСМД ведет к критическому состоянию стратегическую стабильность и режим контроля над ядерным оружием.

Анализ часто упоминаемых препятствий на пути переговоров между Россией и США по дальнейшим сокращениям СНВ свидетельствует, что системы ПРО и стратегические неядерные вооружения не влияют на стратегический баланс сколько-нибудь существенным образом. А возможности многостороннего ядерного контроля зависят прежде всего от успешных шагов по преодолению застоя в двухсторонних отношениях ядерных сверхдержав.

Незамедлительное начало переговоров о следующем договоре СНВ требуется для поддержания стратегической стабильности, предотвращения или ограничения нового цикла гонки вооружений и сохранения всей системы и режимов контроля ядерного оружия в мире. Сокращение СНВ России и США в следующем договоре до 500 развернутых носителей и 1000 боезарядов на них в полной мере обеспечили бы стабильность двустороннего ядерного баланса практически на том же уровне, как и в условиях Пражского Договора СНВ, позволяя России сократить необходимые затраты, масштаб развертывания и типаж вооружений. Однако при неудаче в достижении нового договора целесообразно продлить Пражский Договор на пять лет и приложить максимум усилий для заключения следующего договора на период после 2026 г.

Алексей Арбатов

Пятисторонние переговоры по ядерному оружию

Выступая в январе 2014 года в Национальном исследовательском ядерном университете — элитном российском учебном заведении, — президент России Владимир Путин заявил: «Моя личная позиция заключается в том, что когда-то человечество должно будет отказаться от ядерного оружия. Но пока до этого еще далеко — имея в виду, что не только Российская Федерация обладает ядерным оружием, но и другие страны, их много, и они от этого средства вооруженной борьбы отказываться не собираются. В этих условиях сделать этот шаг Российской Федерации было бы в высшей степени странно, и это могло бы в сегодняшних условиях, хочу это подчеркнуть, привести к достаточно большим и тяжелым последствиям для нашей страны и нашего народа»¹.

После возвращения в Кремль в 2012 г. Путин уделял первостепенное внимание модернизации российских ядерных сил в целях укрепления потенциала ядерного сдерживания². В то же время российское руководство неоднократно подчеркивало влияние ядерных арсеналов других стран наряду с США и Россией на глобальный стратегический баланс и перспективы российско-американского контроля над ядерными вооружениями. Подключение других ядерных государств к этому процессу является одним из предварительных условий для переговоров о дальнейших сокращениях ядерных вооружений, после того как новый российско-американский Договор о сокращении стратегических и наступательных вооружений (Новый Договор СНВ) истечет в 2021 г. Напомним, что еще с обсуждения первого соглашения об ограни-

¹ Выдержки из стенограммы встречи со студентами Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». М.: Президент России, 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20098>

² Владимир Путин: Россия будет наращивать возможности ВКО // Национальная оборона. 2013. № 7 (Июль). С. 22.

чении наступательных стратегических вооружений, подписанного в 1972 г. (ОСВ-1), Москва пыталась распространить лимиты на силы других ядерных государств, в первую очередь американских ядерных союзников — Великобританию и Францию.

Официальная позиция Соединенных Штатов по этому вопросу более сдержана и не предполагает той же срочности, что позиция России. Поэтому летом 2013 г. президент США Барак Обама предложил России дальнейшее сокращение стратегических вооружений (примерно до 1000 боезарядов) без обязательного вовлечения третьих стран, обладающих ядерным оружием. Тем не менее Вашингтон, конечно же, поддержал бы присоединение этих стран, особенно Китая, к процессу ядерного разоружения, тогда как позиция Москвы по отношению к КНР весьма туманна.

Кроме того, идея двустороннего и многостороннего ядерного разоружения связана с нераспространением ядерного оружия и считается необходимым его условием. В хорошо известной статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) ясно говорится: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению...»³ Поскольку участниками ДНЯО, которые официально признаны государствами, обладающими ядерным оружием, являются только США, Российская Федерация, Великобритания, Франция и Китай («Р5»), это требование, безусловно, относится к ним.

Следовательно, с точки зрения и России, и США как дальнейшее российско-американское ядерное разоружение, так и укрепление режима нераспространения ядерного оружия предполагают, что Великобритания, Франция и Китай являются первыми кандидатами на присоединение к договорно-правовому ограничению ядерных вооружений. В конце концов, эта идея была официально принята на так называемых форумах «Р5».

Однако эта, казалось бы, жизнеспособная концепция оказалась ловушкой. Встречи «Р5» послужили форумом для интересных дискуссий и позитивных общих документов, но ни на шаг не приблизились к основной цели — вовлечения третьих стран, обладающих ядерным оружием, в процесс ограничения ядерных вооружений. Такая цель вряд ли будет достигнута и в будущем, причем не только в связи с неблаго-

³ Договор о нераспространении ядерного оружия // Ядерное оружие после холодной войны // под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 515–516.

приятным политическим климатом, сложившимся в результате украинского кризиса 2014 г. Даже в случае политического урегулирования кризиса и улучшения международного положения, формат «Р5», скорее всего, не сможет решить поставленной ему задачи. Понадобятся совсем другие предпосылки, подходы и форматы. Эти вопросы рассматриваются ниже.

Эволюция пятистороннего процесса

Изначальное предложение о начале подобного процесса была выдвинута тогдашним министром обороны Великобритании Десмондом Брауном в феврале 2008 г. на Конференции по разоружению (КР) в Женеве. Первая встреча состоялась в Лондоне в сентябре 2009 г., вторая — в Париже в июне 2011 г., третья — в Вашингтоне в июне 2012 г., четвертая — в Вашингтоне в апреле 2013 г., пятая — в Пекине в апреле 2014 г. и шестая — в Лондоне в феврале 2015 г.

На протяжении этого периода стороны проводили переговоры и приняли ряд документов, которые постепенно становились все более и более рутинными и похожими друг на друга. Все эти документы подчеркивали намерения сторон создать условия для достижения дальнейшего прогресса по статье VI ДНЯО, обсуждалась стратегическая стабильность и меры по улучшению взаимного доверия и прозрачности. Документы также упоминали важность вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), подчеркивали роль переговоров по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) и о запрете химического, биологического и токсинного оружия, призывали все государства ратифицировать Конвенцию о запрещении химического оружия и Конвенцию о запрещении биологического и токсинного оружия. Много внимания было уделено призывам к Ирану соблюдать резолюции Совета Безопасности ООН и сотрудничать с МАГАТЭ, а также к Северной Корее — согласиться на полную и поддающуюся проверке денуклеаризацию Корейского полуострова.

Многие положения были направлены на укрепление ДНЯО и его режимов, в частности на универсализацию Дополнительного протокола 1997 г. к ядерным гарантиям Договора, укрепление контроля за экспортом, поддержку Группы ядерных поставщиков и Комитета Цангера, предотвращение ядерного терроризма. Для этого, в частности, Группа призывала к обеспечению безопасности всех ядерных материалов в течение четырех лет — в соответствии с обращением президента Обамы о реализации резолюции 1540 Совета Безопасности ООН и Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма.

Также стороны призвали все государства применять рекомендации МАГАТЭ о физической защите ядерных материалов и объектов.

Начиная со встречи 2011 г. в Париже форум «Р5» приложил усилия к тому, чтобы лучше подготовиться к Обзорной конференции ДНЯО–2015. В частности, была подчеркнута важность реализации Плана действий, принятого на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. Группа ядерных поставщиков обсудила прогресс, достигнутый в подписании Протокола к Договору о зоне свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии, одобрила создание безъядерной зоны в Средней Азии и поддержала план о созыве конференции по созданию зоны свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке.

В дополнение к этим документам процесс «Р5» привел к некоторым практическим инициативам. Одной из них стало создание рабочей группы (во главе с Китаем) по составлению глоссария ядерных терминов, которая проделала большую работу в этом направлении в целях завершения первой части глоссария к началу Обзорной конференции ДНЯО–2015. Еще одна рабочая группа была создана для решения проблем ядерных проверок.

Тем не менее, несмотря на пользу дискуссий и документов этих встреч, форумы «Р5» не достигли осязаемого прогресса на пути к своей главной первоначальной цели — к привлечению всех пяти ядерных держав к участию в процессе ядерного разоружения путем вовлечения Великобритании, Франции и Китая в практические переговоры и соглашения. Общая позиция последних состояла и состоит в том, что сначала США и Россия должны сократить свои арсеналы ядерного оружия до уровня, приближающегося к уровню трех других стран, и это является предварительным условием для переговоров об общих сокращениях всех пяти ядерных держав.

Суть открытой или подразумеваемой позиции «большой двойки» заключается в том, что для значительного дальнейшего снижения их вооружений после выполнения Нового Договора СНВ им нужны твердые гарантии того, что другие страны, обладающие ядерным оружием, присоединятся к этому процессу в течение определенного времени и с каким-то предсказуемым уровнем своих ядерных сил. К тому же многосторонние ограничения могут повлечь новые асимметрии в связи с политическими отношениями держав. Например, для России снижение к уровням ядерных сил каждой из трех меньших государств будет означать по крайней мере тройное отставание от совокупных ядерных сил трех держав НАТО. А для США это будет равнозначно паритету с КНР и двойному отставанию от совокупности ядерных сил России и Китая, которые провозглашают друг друга «стратегическими союзниками». К тому же равенство России с каждой из трех меньших стран усугубит

значение ее отставания и от НАТО, и от Китая по обычным вооруженным силам и вооружениям. А для США равенство с КНР поставило бы под дополнительные сомнения их ядерные гарантии безопасности азиатским союзникам — Японии, Южной Корее и Тайваню.

Вопросы к исходной предпосылке

Основным недостатком инициативы «Р5» являлось применение модели многостороннего контроля над различными направлениями ядерной деятельности к ограничению и сокращению непосредственно ядерных вооружений, то есть средств доставки и боеголовок.

Первая модель была относительно успешной. С 1963 г. было подписано несколько договоров о запрещении ядерных испытаний, кульминацией которых стало подписание ДНЯО в 1968 г., ДВЗЯИ — в 1996 г., а также ряда договоров о неразмещении ядерного оружия в разных пространствах (Договор по космосу 1967 г., запрещающий развертывание ОМУ в космосе, Договор от 1971 г., запрещающий ОМУ на дне морей и океанов), а также в различных географических регионах (зонах, свободных от ядерного оружия и оружия массового уничтожения). Кроме того, благодаря этой коллективной модели Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия от 1972 г. и Конвенция по химическому оружию от 1993 г. предполагают полное уничтожение двух других классов оружия массового уничтожения.

Вторая модель была реализована только в рамках восьми советско-американских и российско-американских соглашений по стратегическим вооружениям и ракетам средней дальности, подписанных с 1972 по 2010 г. Эти договоры значительно отличались от названных многосторонних документов, поскольку напрямую затрагивали потенциалы ядерного сдерживания двух держав — основу безопасности их самих и их союзников.

Изначальная проблема форума «Р5» заключалась в том, что его концепция была выведена непосредственно из статьи VI ДНЯО и потому коллективная модель этого Договора была ошибочно применена к задаче ограничения и сокращения ядерных вооружений пяти государств. Между тем эта статья вовсе не обязательно подразумевает проведение пятисторонних переговоров о практическом ограничении и сокращении ядерных вооружений. В ней лишь сказано, что ядерные державы должны участвовать в процессе ядерного разоружения, а конкретный формат, сроки и этапы этого процесса никак не оговариваются.

Очевидно, что каждое из этих государств ставит перед своими ядерными силами и программами конкретные военные и политические за-

дачи и поэтому модель «вступления в клуб» по ядерному разоружению никак не могла быть жизнеспособной. Вполне естественно, что в итоге деятельность «Р5» по умолчанию сосредоточилась на первой парадигме, заключающейся в коллективном контроле над ядерной деятельностью (в основном фокусируясь на ДНЯО, ДВЗЯИ, ДЗПРМ и др.), а не на второй, предусматривающей процесс ограничения и сокращения носителей ядерного оружия и боезарядов.

Одна из задач, которую преследуют все пять обладающих ядерным оружием стран — участниц ДНЯО (а также четыре других — Израиль, Пакистан, Индия, Северная Корея), состоит в сдерживании ядерной агрессии через угрозу разрушительного ответного удара. Для этого оценивается способность ядерного оружия к выживанию и ответному удару после ядерного или обычного разоружающего удара противника, а также к преодолению его систем противоракетной обороны. Однако есть и другие цели, которых различные страны стремятся достичь:

- сдерживание значительно превосходящей агрессии с использованием обычных вооружений;
- сдерживание нападения с использованием других видов оружия массового уничтожения;
- сдерживание ядерной или другой агрессии с использованием оружия массового уничтожения против своих союзников;
- сдерживание агрессии с использованием обычных вооружений против своих союзников;
- сдерживание нескольких потенциальных ядерных агрессоров одновременно.

Кроме того, некоторые ядерные государства используют предоставление гарантий безопасности союзникам, чтобы последние не стремились обрести собственное ядерное оружие. Также ядерный потенциал зачастую рассматривается как атрибут глобального или регионального статуса или в качестве козыря в переговорах по контролю над вооружениями и другим вопросам.

Даже двусторонний контроль над ядерным оружием периодически сталкивается с серьезными трудностями из-за различий в объективном положении и субъективной политике государств, о чем свидетельствует нынешнее состояние российско-американского диалога, который застопорился из-за разногласий по поводу противоракетной обороны, обычных высокоточных систем большой дальности и до-стратегических (оперативно-тактических) ядерных вооружений. Эти проблемы были бы неизмеримо сложнее в контексте многосторонних переговоров по ограничению ядерных вооружений на глобальном или региональном уровнях.

Опыт без малого 50 лет практического ограничения ядерных вооружений и их сокращения (с 1968 г.) показывает, что соглашения возможны только между странами, которые, во-первых, находятся в состоянии взаимного ядерного сдерживания и, во-вторых, обладают приблизительно одинаковыми типами и количеством оружия. Первое условие подразумевает, что в контексте взаимного ядерного сдерживания одно государство может пойти на уступки по сокращению и ограничению своего оружия в обмен на приемлемые уступки другого государства. Если взаимного ядерного сдерживания нет, то любой размен теряет военно-стратегический смысл. Второе условие подразумевает, что уступки будут примерно равны и узаконят равенство на приемлемом уровне как единственно возможный компромисс (на ранней стадии советско-американских переговоров этот принцип был закреплён формулировкой «равенство и одинаковая безопасность»). В противном случае при отсутствии паритета слабая сторона не согласится на то, чтобы ее слабость была закреплена юридически обязывающим соглашением. В свою очередь, сильная сторона вряд ли согласится на равенство и уступит свое превосходство безвозмездно.

Ни одно из названных условий не подходит к контексту ядерного разоружения в рамках «Р5». Соединенные Штаты, Великобритания и Франция не имеют отношений взаимного ядерного сдерживания. Они являются политическими и военными союзниками, и для их взаимных уступок по ограничению своих ядерных вооружений нет никаких оснований. Напротив, США и Великобритания (а в последние годы также Великобритания и Франция) сотрудничают по взаимному укреплению своих потенциалов ядерного сдерживания. Между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Китаем — с другой, не существует отношений взаимного сдерживания. Они преимущественно находятся вне досягаемости ядерных систем друг друга и не нацеливают их друг на друга. Если бы ядерные силы этих стран были предназначены только для поддержания политического престижа, может, и был бы какой-то смысл в договоренности об их примерно равных уровнях. Однако они имеют ядерное оружие прежде всего в целях сдерживания определенных государств (но не друг против друга) и потому для переговоров о компромиссных ограничениях и сокращениях вооружений между ними нет оснований.

Несомненно, британские и французские ядерные силы предназначены для сдерживания России и нацелены на ее территорию и наоборот. Следовательно, между этими европейскими государствами и Россией существуют отношения взаимного сдерживания и они могли бы обсуждать взаимные уступки по ограничению вооружений. Тем не менее российские ядерные силы намного больше ядерных сил Великобритании и Франции, то есть отсутствует второе условие переговоров.

Великобритания и Франция не пойдут на юридическое закрепление своего количественного ядерного отставания от России, а Россия не согласится сократить свой потенциал до их уровня, поскольку намерена поддерживать паритет с США. Три ядерные державы НАТО не уступят давнему требованию России договориться о равенстве с их суммарным уровнем вооружений. Два европейских государства считают свои ядерные силы независимыми национальными потенциалами сдерживания, а суммарное ограничение трех стран НАТО юридически закрепило бы российское превосходство над Британией и Францией. В то же время для США согласие на суммарные потолки правовым образом зафиксировало бы американское отставание от России (на англо-французскую сумму), что противоречит принципу паритета США — Российская Федерация.

Понятно, что принцип равенства (паритета) имеет прежде всего символично-политический смысл, поскольку в ядерных арсеналах держав всегда есть асимметрии как следствие их свободного выбора в национальной военной политике. Однако договорно-правовое закрепление неравенства чаще всего политически неприемлемо для ядерных держав и не получит поддержки внутри этих стран.

У Китая, безусловно, есть отношения ядерного сдерживания с США, но он существенно уступает Соединенным Штатам в количестве и качестве ядерного арсенала. Таким образом, второе условие для практического ограничения ядерных вооружений двумя государствами также отсутствует.

Наконец, весьма туманны стратегические отношения между Китаем и Россией. Формально эти страны не являются военными союзниками. Они расположены в пределах досягаемости всех ядерных средств друг друга, но при этом не имеют отношений взаимного ядерного сдерживания — по крайней мере, официально по военным доктринам. Их силы в значительной степени неравны, превосходство России пока еще очевидно. Кроме того, они ориентированы во многом на разные направления: силы России — преимущественно на США, их союзников в Европе и отчасти на Дальнем Востоке, а также, возможно, на Пакистан. А ядерное оружие Китая — на США, их союзников на Тихом океане и на Индию. Поэтому трудно себе представить переговоры о взаимном ограничении вооружений между Москвой и Пекином.

По всем этим причинам маловероятно, что Великобритания, Франция и Китай могут быть вообще вовлечены в контроль над ядерными вооружениями на коллективной основе. Они не могут просто «запрыгнуть» на подножку российско-американских стратегических переговоров, которые в течение многих десятилетий строились на прочной основе взаимного сдерживания и стратегической стабильно-

сти (возможности гарантированного взаимного уничтожения ответным ударом), а также приблизительного, хотя и асимметричного паритета и опирались на очень сложные правила засчета, режимы верификации и меры транспарентности. Третьи страны просто не впишутся в этот беспрецедентный режим (тем более что даже он в настоящее время разваливается из-за политической напряженности и новых военно-технических разработок).

Вероятно, при наилучших политических обстоятельствах многостороннее ядерное разоружение может быть практически реализовано в нескольких, в первую очередь двусторонних, форумах: Великобритания и Франция, с одной стороны, и Россия — с другой; Соединенные Штаты и Китай (или США, Россия и Китай). Принимая во внимание сложное взаимодействие стратегических и политических отношений между государствами, обладающими ядерным оружием, координация переговоров между различными сторонами может стать высшим достижением дипломатии Москвы и Вашингтона на ближайшие десятилетия.

Глава 2. ДРУГИЕ СТРАНЫ ЯДЕРНОЙ ПЯТЕРКИ

Джеймс Эктон

Ядерная политика Франции и Великобритании

Если сосредоточить внимание на Франции и Великобритании, то не стоит удивляться, что в дискуссиях по ядерному оружию эти два государства часто упоминаются вместе¹. Их арсеналы похожи по объему и структуре. Однако это материальное сходство не должно затушевывать серьезных различий в отношении двух стран к ядерному оружию и особенно ядерному разоружению.

В британском обществе наличие у страны ядерного оружия всегда вызывало определенный дискомфорт. В период холодной войны этот дискомфорт зачастую преобразовывался в народное движение за одностороннее разоружение. Хотя подобная цель никогда не принималась правительством, она пользовалась поддержкой Лейбористской партии в 1980-х гг., когда та долгое время находилась в оппозиции, и, кстати, была одной из причин, по которым партия оставалась в оппозиции. После окончания холодной войны дискуссии об одностороннем разоружении в Великобритании в основном прекратились (хотя многостороннее разоружение в целом продолжали поддерживать все политические партии). В последнее время, однако, они вновь оживились из-за двух важных внутривнутриполитических событий. Во-первых, на политической арене Шотландии, где базируются британские ПЛАРБ, господствующие позиции сегодня занимает Шотландская национальная партия, выступающая за независимость и против ядерного оружия. В 2014 г. партия добилась проведения референдума о независимости и ее политическая платформа в ходе подготовки к голосованию предусматривала

¹ Данный текст представляет собой дополненный вариант моей части следующей статьи: Арбатов А., Эктон Дж., Дворкин В. Перспективы сотрудничества с Великобританией и Францией в сфере контроля над ядерными вооружениями. М.: Московский Центр Карнеги, 2014. URL: http://carnegieendowment.org/files/CMC_Article_Arbatov_Acton_Rus1.pdf

вывод всего британского ядерного оружия из независимой Шотландии. Хотя в тот раз шотландские избиратели проголосовали против независимости, на всеобщих выборах в следующем году Национальная партия получила 56 из 59 причитающихся Шотландии мест в парламенте Великобритании.

Во-вторых, в 2015 г. лидером крупнейшей оппозиционной партии Британии — Лейбористской — был избран Джереми Корбин. К немалой досаде многих членов его собственной партии, он решительно выступает за одностороннее разоружение (и даже занимает пост вице-президента в организации «Кампания за ядерное разоружение»). Корбин вряд ли победит на следующих парламентских выборах и станет премьер-министром (по данным социологических опросов, его рейтинг поддержки не высок), а шотландцы, скорее всего, не проголосуют за независимость на новом референдуме, но обе эти возможности нельзя полностью сбрасывать со счетов. Одновременно в Британии идет серьезная дискуссия о том, нужны ли вообще стране ядерные силы и если да, то какими должны быть их состав и структура.

Во Франции, напротив, по вопросу о целесообразности ядерного сдерживания всегда существовало более широкое и глубокое единство мнений. Сегодня в стране не только не раздаются призывы к одностороннему разоружению, но практически не дебатированы даже промежуточные шаги в этом направлении, например возможность отказа от ядерных ракет воздушного базирования (которые Франция имеет на вооружении в дополнение к баллистическим ракетам на подводных лодках). Французское правительство не отвергает в открытую идеи безъядерного мира и даже время от времени осторожно высказывается в ее поддержку, но, как правило, официальные лица почти не скрывают скепсиса относительно этой цели.

Различие в позиции Британии и Франции обусловлено в основном историческими причинами. Великобритания почти тысячу лет не становилась объектом внешнего вторжения и оккупации. Франция, напротив, пережила это неоднократно, в том числе в годы Второй мировой войны, на памяти ныне живущих поколений.

В то же время для обеих стран характерно отсутствие серьезного анализа проблемы многостороннего ядерного разоружения на правительственном уровне. В ответ на вопросы об их роли в таком процессе британские и французские чиновники, как правило, приводят внушительный перечень прошлых «заслуг» (в том числе ратификацию обеими странами Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний) и от лица своих правительств выражают поддержку переговорам по соглашению о прекращении производства расщепляющихся материалов, которое в любом случае не станет для них обременитель-

ным, поскольку оба государства не проявляют интереса к дальнейшему производству таких материалов. Однако ни у Великобритании, ни у Франции нет четкой позиции относительно того, на какой стадии процесса разоружения они будут готовы договариваться об ограничении или сокращении своих арсеналов на юридически обязывающей основе или о том, какими должны быть цели подобной договоренности.

Более того, ограниченный анализ, который проводится в Лондоне и Париже, побуждает эти две столицы занять позиции, весьма отличные от позиций Москвы и Вашингтона. Россия в настоящее время считает, что следующий раунд переговоров о контроле над стратегическими вооружениями должен быть многосторонним. Высокопоставленные американские чиновники заявляют, что процесс следует перевести в многостороннее русло после следующего двустороннего соглашения. В то же время не совсем понятно, что имела в виду в 2007 г. тогдашний министр иностранных дел Великобритании Маргарет Беккет, заявив: «Когда целесообразно будет включить в любой переговорный процесс тот 1 % общемирового ядерного арсенала, что принадлежит Великобритании, мы с готовностью на это пойдем»². Но речь почти наверняка не идет об участии Лондона в следующем договоре по контролю над вооружениями или о соглашении, которое будет заключено после него. Тем временем некоторые французские чиновники заявляют в неофициальной обстановке, что их страна не должна играть никакой роли в любых соглашениях по ограничению или сокращению ядерных вооружений, если оно не предусматривает их полной ликвидации (что они в любом случае считают невозможным). В настоящее время, по понятным причинам, шансы на прогресс в деле контроля над вооружениями невелики. Однако, если из политического тупика удастся найти выход, одним из способов продвижения вперед могла бы стать реализация предложения, сделанного 21 марта 2008 г. тогдашним президентом Франции Николя Саркози относительно разработки многосторонних мер по обеспечению транспарентности³. Франция и Великобритания в принципе могли бы участвовать в многостороннем обмене данными о ядерных силах вместе с США, Россией и, в идеале, с Китаем.

² Beckett M. A World Free of Nuclear Weapons? Washington: Carnegie Endowment for International Peace 2007. URL: www.carnegieendowment.org/events/?fa=eventDetail&id=1004

³ Presentation of SSBM 'Le Terrible' (speech, Cherbourg, March 21, 2008). London: French Embassy, 2008. URL: <http://web.archive.org/web/20110206193013/http://www.ambafrance-uk.org/President-Sarkozy-s-speech-at,10430.html>

И Лондон, и Париж уже раскрыли — на импровизированной основе — немало информации на этот счет. В рамках официального соглашения о транспарентности они могли бы взять на себя обязательство делать это регулярно — совместно с другими государствами-участниками. Обмен информацией мог бы осуществляться публично, или, что вероятнее, конфиденциально. Для начала Франция и Великобритания могли бы предоставлять сведения, не имеющие особо чувствительного характера, например об общем количестве средств доставки и боеголовок (значительную часть этой информации они уже обнародовали)⁴. Со временем они раскрывали бы более детальные данные — о количестве развернутых и неразвернутых систем, их типах и местах базирования. В конечном счете речь может пойти даже об информации относительно количества боеголовок на каждой ракете (которой Россия и США обмениваются в ходе инспекций по новому Договору СНВ).

Процесс обмена данными, выработанный для российско-американских отношений, стал бы полезным первым шагом. Однако адаптация этого механизма для Франции и Великобритании потребует серьезного обсуждения. В частности, возникает вопрос: должен ли он включать французские ракеты воздушного базирования, которые Париж квалифицирует как стратегические, но по российским и американским меркам они такими не считаются из-за недостаточной дальности? Более того, если режим транспарентности будет расширен по сравнению с предыдущими договорами, охватывая, скажем, неразвернутые боеголовки, потребуется выработка новых определений.

Учреждение такого режима транспарентности могло бы отчасти снять озабоченность России относительно ядерных арсеналов Великобритании и Франции и тем самым способствовать дальнейшим российско-американским шагам в области контроля над вооружениями. Однако в настоящее время Париж и Лондон, судя по всему, без энтузиазма относятся к повышению транспарентности. В частности, британские и французские чиновники не без основания указывают, что их страны обеспечивают куда больший уровень прозрачности в этом вопросе, чем Китай, и не видят особого смысла в подобном механизме, если он не будет включать Пекин.

На деле же, однако, ни в Британии, ни во Франции эта идея серьезно не обдумывалась. Поэтому, в случае «разморозки» российско-американского двустороннего трека, правительствам США и России сле-

⁴ Подробнее о такой договоренности см.: Acton J. M.. *Low Numbers? A Practical Path to Deep Nuclear Reductions*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. URL: http://carnegieendowment.org/files/low_numbers.pdf

дует официально предложить этим странам заключить многостороннее соглашение о транспарентности и убедить Лондон и Париж хотя бы подумать над ним. При этом Вашингтону и Москве стоило бы подчеркнуть определенные потенциальные выгоды такого предложения для Франции и Великобритании, в частности связанные с принципом взаимности, и возможность, что США и Россия не станут немедленно настаивать на переводе официального процесса контроля над вооружениями в многостороннее русло.

Тун Чжао

Китайская стратегия и военные программы

Первое испытание ядерного оружия Китай провел в 1964 г. С тех пор его ядерный арсенал оставался крайне ограниченным, а ядерная доктрина отличалась сдержанностью. Подобная умеренность в реализации ядерной программы стала возможна в силу сочетания бережливости и эффективности, изначально отличавшего китайскую стратегию ядерного сдерживания.

В отличие от России и США, развязавших полномасштабную гонку ядерных вооружений, Китай со своей умеренной ядерной программой и ограниченным развертыванием стратегических вооружений немало поспособствовал обеспечению стратегической стабильности в регионе. Однако развитие современных технологий и изменения в сфере безопасности заставили Китай серьезно задуматься о возможностях стратегии гарантированного ответного удара. К тому же с недавних пор китайский подход к ядерной проблематике подвергается определенному западному влиянию. Какие возможности при таких осложняющих обстоятельствах имеются в распоряжении китайских властей, чтобы обеспечить эффективное ядерное сдерживание и параллельно произвести модернизацию национальных ядерных сил, не нарушая без нужды сложившийся в регионе баланс сил?

Настоящая статья, начав с актуальной ситуации в китайских ядерных силах и ее возможного влияния на стратегическую стабильность в регионе, в итоге предложит варианты политических решений, которые позволят Китаю одновременно обеспечить свою стратегическую безопасность и продолжить играть заметную роль в поддержании стабильной обстановки в регионе.

Ядерный ответный удар: как и когда?

Китайское руководство изначально свело роль национальных ядерных сил страны к обеспечению ядерного возмездия; иными словами, они были призваны прежде всего предотвращать ядерные удары противника. При любом ином сценарии они окажутся бесполезны.

В «Белых книгах» по вопросам военной стратегии Китая неоднократно утверждалось, что основная задача стратегических ядерных сил КНР — «препятствовать применению ядерного оружия против Китая и осуществлять возмездие»¹. По всей вероятности, руководство страны исходит из того, что в целях ядерного сдерживания имеющиеся в стране ядерные боеголовки в мирное время необязательно держать в режиме полной боеготовности² — достаточно повысить уровень боеготовности в случае возникновения серьезной угрозы безопасности³. Даже если Китай подвергнется ядерной атаке, немедленного возмездия не последует; страна готова выжидать несколько дней или даже недель, прежде чем нанести ответный ядерный удар⁴. Принцип отсроченного контрудара дает командованию и руководству страны достаточно времени, чтобы удостовериться в нанесении ядерного удара и согласовать план адекватных ответных мер.

Эта концепция радикально отличается от американской и российской практики постоянного поддержания определенной части стратегических ядерных сил в полной боевой готовности. Со времен холодной войны США и СССР/РФ делали ставку прежде всего на системы раннего предупреждения. Как правило, это спутники и наземные радары, позволяющие отследить атакующие ракеты противника, прежде чем ядерный удар достигнет цели. Чтобы такой удар не настиг страну в самый неожиданный момент, обе державы постоянно держат свои ядерные арсеналы наготове, чтобы нанести удар немедленно после получения сигнала о нападении. Такой принцип именуется ответно-встречным ударом (ОВУ).

¹ The Diversified Employment of China's Armed Forces [中国武装力量的多样化运用]. Beijing State Council Information Office of the People's Republic of China [中华人民共和国国务院新闻办公室]. 2013. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-04/16/c_115403491.htm

² Godwin P. H. Potential Chinese Responses to Us Ballistic Missile Defense // Stimson/CNA NMD — China Project. Washington: Stimson Center. 2002. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/93682/Report43.pdf> ; Kristensen H. M., Norris R. S., McKinzie M. G. Chinese Nuclear Forces and U.S. Nuclear War Planning..Washington: Federation of American Scientists & The Natural Resources Defense Council, 2006. URL: <https://archive.org/details/237965-executive-summary-chinese-nuclear-forces-and-u-s>

³ China's National Defense in 2008 [2008年中国的国防]. Beijing [[北京]: Information Office of the State Council Of the People's Republic of China [中华人民共和国国务院新闻办公室], 2009.

⁴ Bin Li. China and Nuclear Transparency // Transparency in Nuclear Warheads and Materials: The Political and Technical Dimensions / ed. by N. Zarimpas. Oxford: Oxford University Press. P, 2003.

С недавних пор отдельные китайские эксперты под влиянием этой стратегии начали задумываться, когда и как их стране следовало бы наносить ядерный контрудар. А поскольку у КНР появились ресурсы, которые можно вложить в модернизацию вооруженных сил, некоторые китайские специалисты пришли к выводу, что стране следует обзавестись собственными системами раннего предупреждения. Они отталкиваются от концепций, принятых в США и России, указывая, что «на системах раннего предупреждения строится вся стратегия мировых военных держав», а следовательно, и Китаю следует ускорить их разработку⁵. Эта линия, предположительно, легла и в основу новой государственной политики.

«Белая книга» по вопросам военной стратегии, выпущенная в 2015 г., впервые содержит требование «улучшить стратегическое раннее предупреждение» и усовершенствовать систему ядерных сил⁶. В военных кругах раздаются призывы обеспечить национальным вооруженным силам возможность нанесения удара по предупреждению⁷. В выпуске «Науки военной стратегии» за 2013 г. утверждается, что «в случае, если сложится соответствующая ситуация и мы будем уверены, что противник инициировал ядерный удар по нашей территории, мы должны будем оперативно нанести ответно-встречный удар, прежде чем вражеские ракеты детонируют на нашей территории, принеся нам серьезный урон»⁸. Поскольку при таких условиях Китай совершит контрудар уже после того, как будет произведен пуск ракет противника, изменение доктрины не приведет к отказу от исторически принятого Китаем принципа неприменения ядерного оружия первым.

Однако даже если КНР оставит в силе принцип неприменения ядерного оружия первым, переход от отсроченного контрудара к принципам ОВУ приведет к существенному пересмотру всей национальной ядерной стратегии. Даже если Китай решит приводить свои стратегические ядерные силы в полную боеготовность для нанесения ответно-встречного удара только в кризисной ситуации, у руководителей страны будет

⁵ Bingjie Xu [徐炳杰]. Overview of Contemporary Strategic Early Warning System Construction in the World [世界当代战略预警体系建设发展述论] // Military Historical Research [军事历史研究]. 2010. N 3.

⁶ China's Military Strategy. Beijing: State Council Information Office of the People's Republic of China, 2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/26/content_20820628.htm

⁷ Kulacki G. The Chinese Military Updates China's Nuclear Strategy. Boston: Union of Concerned Scientists. 2015.

⁸ Xiaosong Shou [寿晓松]. The Science of Military Strategy [战略学]. Beijing: Military Science Press [军事科学出版社], 2013.

очень мало времени на принятие решения о ядерном контрударе, а это влечет за собой существенные риски. Прежняя доктрина давала китайским лидерам возможность дожидаться достоверной информации, подтверждающей, что против Китая действительно произведена ядерная атака, и лишь затем отдавать приказ об ответном ударе. Имевшийся у них временной запас можно было использовать, чтобы получить данные об атакующем государстве, масштабе удара и прочих его обстоятельствах, и уже исходя из этой информации решать, следует ли нанести контрудар, и если да, то какой и против кого.

При доктрине ОВУ у руководства КНР останется всего несколько минут, чтобы санкционировать ядерное возмездие: придется приступить к действиям, пока ракеты противника не достигли цели. Столь короткого промежутка времени может не хватить даже на то, чтобы проверить техническую надежность системы и удостовериться, что сигнал не был ложным, не говоря уж о том, чтобы решить, насколько масштабным должен быть удар, и задать для него цели. Доктрина ОВУ до определенной степени лишает руководителей государства свободы маневра при выборе масштаба и тактики атаки, не дает проанализировать обстановку. Фактически контрудар превращается в рефлекторную, автоматическую реакцию. А значит, существенно возрастает шанс случайно начать ядерную войну из-за ложного сигнала или технического сбоя.

Более того, в своей программе модернизации ядерных вооружений Китай изначально исходил из того, что национальные ядерные силы выдержат первую атаку, не понеся «чрезмерного урона», и смогут произвести ответный удар. Постепенно существенная часть наземных стратегических ядерных сил Китая перебазирована на мобильные комплексы. Вдобавок КНР получила в свое распоряжение атомные подводные лодки-ракетоносцы: отныне страна может с большей уверенностью утверждать, что способна на «гарантированное возмездие», даже став жертвой атаки. Так что переход от доктрины отложенного контрудара к доктрине ОВУ не укрепит режим ядерного сдерживания сколько-нибудь существенным образом.

Существует и множество других факторов, побуждающих Китай к разработке системы радиолокационных станций дальнего обнаружения, которые могли бы, среди прочего, инициировать экстренную эвакуацию ядерного арсенала и перехват атакующих ракет. Однако огромная угроза безопасности, по сравнению с которой меркнут достигнутые преимущества, требуют от Китая большой осторожности при внедрении доктрины ОВУ даже в том случае, если в будущем в его распоряжении появятся системы дальнего обнаружения.

Подводные ракетноносцы

Поскольку ядерный арсенал исключительно наземного базирования казался недостаточно надежным и убедительным инструментом сдерживания, Китай приложил серьезные усилия для создания стратегического подводного флота. Программа развития ядерного потенциала морского базирования в КНР изначально строилась по образцу прочих крупных ядерных держав. Китай объявил о разработке собственной атомной подлодки в 1958 г.⁹, спустя всего четыре года после ввода в строй первой американской субмарины и через год после спуска на воду первой советской.

Во времена холодной войны стратегическому подводному флоту и баллистическим ракетам подводного базирования (БРПЛ) уделялось меньше внимания, чем наращиванию наземного арсенала. Но с началом бурного роста китайской экономики на стратегический подводный флот и БРПЛ стали выделять больше ресурсов, что позволило достичь существенного прогресса. По данным Ханса М. Кристенсена и Роберта С. Норриса, КНР располагает четырьмя атомными подводными лодками — носителями баллистических ракет (ПЛАРБ) типа 094. Это уже второе поколение китайских атомных подлодок. Каждая субмарина оснащена 12 ракетами «Цзюйлан-2»¹⁰. Этим видам вооружения предстоит оказать серьезное влияние на ядерную стратегию Китая в целом. Однако они влекут за собой и целый ряд новых вызовов.

Первая проблема заключается в том, что у США и Китая отсутствует взаимопонимание по поводу того, каким образом модернизированный стратегический подводный флот КНР встраивается в контекст двусторонней стратегической стабильности. Согласно Обзору ядерной политики США и Обзору по противоракетной обороне, выпущенным администрацией Обамы в 2010 г., Соединенные Штаты взяли на себя обязательство поддерживать стратегическую стабильность в отношениях с Китаем. Теоретически это означает, что США не станут намеренно подрывать китайский потенциал ядерного возмездия.

В ходе консультаций между США и КНР сохранение взаимной уязвимости было принято за отправную точку для обсуждения дальнейших вопросов стратегической безопасности, в частности систем противоракетной обороны и гиперзвукового оружия. Однако на подводную

⁹ Lianxin Yang [杨连新] Four Stages of China's Nuclear Submarine Development [中国核潜艇创业发展的 «四个阶段»]. China Nuclear Industry [中国核工业]. 2013. N 11.

¹⁰ Kristensen H. M., Norris R. S. Chinese Nuclear Forces, 2015 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2015. N 4. P. 71.

сферу общие договоренности, по всей видимости, не распространяются. Американский военно-морской флот со времен холодной войны осуществлял слежение за вражескими подлодками-ракетоносцами и держал их под прицелом. Расширение китайского атомного подводного флота для США представляется серьезной угрозой.

Соответственно принимаются меры, призванные обеспечить возможности для противодействия. США и их союзники развернули значительные силы ультрасовременной противолодочной авиации и атомных торпедных субмарин на военных базах, расположенных в непосредственной близости от Китая. Ведутся научные разработки, которые позволят использовать самые передовые технологии, в частности автономные необитаемые подводные аппараты, — для обнаружения и отслеживания китайских подлодок¹¹. Постоянное слежение за китайскими атомными субмаринами требуется для того, чтобы США при случае имели возможность немедленно их потопить. В Китае, вне сомнения, подобные действия воспринимаются как серьезная угроза.

Операции китайских ядерных подлодок дополнительно осложняются технологическими и географическими факторами. В настоящее время китайские ПЛАРБ недостаточно бесшумны, поэтому им сложно оставаться незамеченными в открытом море, а значит, в ближайшее время радиус их действия будет ограничен китайскими прибрежными водами: оживленное судоходное движение и малая глубина помогают заглушить звуки, издаваемые субмаринами. Для реализации такой стратегии развертывания Китаю может пригодиться советский опыт создания так называемых морских бастионов в определенных районах своих прибрежных вод. Правда, они требуют существенной концентрации противолодочной техники и военно-морских сил общего назначения, способных расчистить акваторию и создать атомным подлодкам безопасные условия для несения вахты. На осуществление такой операции потребуются немалые ресурсы: во времена холодной войны изрядная часть советских вооруженных сил была занята исключительно защитой атомных подлодок. Но и это не есть главная трудность.

Поскольку китайские атомные ракетоносцы подвергаются преследованиям со стороны США, существенно возрастает риск возникновения конфликта с применением неядерного вооружения.

¹¹ Savitz S. [et al.]. U. S. Navy Employment Options for Unmanned Surface Vehicles (USVs). Santa Monica RAND, 2013. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR384/RAND_RR384.pdf; Blagden D. What Darpa's Naval Drone Could Mean for the Balance of Power // War on the Rocks. 2015. 9 Jul. URL: <http://warontherocks.com/2015/07/what-darpas-naval-drone-could-mean-for-the-balance-of-power/>

И это самая серьезная проблема, стоящая перед подводными ядерными силами КНР. В силу географических обстоятельств Китаю приходится держать большую часть своих стратегических подводных сил в Южно-Китайском море, на пространстве которого может быть создан и бастион. Однако именно в этом море обеспечить зону безопасности для атомных субмарин особенно сложно, ведь здесь проходят магистральные судоходные пути и курсируют нескольких национальных ВМФ.

США, издавна приверженные принципам свободы мореплавания, вряд ли смирятся с попыткой КНР оградить определенный район Южно-Китайского моря от проникновения иностранных военных кораблей. По ходу расширения операций китайских атомных подлодок в Южно-Китайском море уже имело место несколько чреватых конфликтами случаев, когда американские противолодочные средства вступали в опасное сближение с китайскими вооруженными силами¹². И хотя развертывание китайских стратегических подводных сил призвано исключительно усилить потенциал ядерного сдерживания КНР, а их военное применение не предусматривается, оно может способствовать нарастанию военной напряженности и создать угрозу неядерных конфликтов. Эта проблема неизбежно приведет к обострению, если сторонам не удастся достичь взаимопонимания относительно порядка действий китайских стратегических подводных сил и реакции на них США.

Для снижения рисков важно, чтобы политическое руководство США признало, что их стратегические интересы не требуют проведения наступательных противолодочных операций, направленных на китайские ПЛАРБ. Субmarine являются всего лишь составной частью общих сил ядерного сдерживания КНР и не создают новой непосредственной угрозы для безопасности США и их союзников. Со своей стороны Китай мог бы постараться минимизировать «провоцирующее» влияние своих атомных подлодок. В частности, имело бы смысл привлекать к боевому патрулированию лишь минимальную часть стратегического флота. КНР, в отличие от США, может свести патрулирование к минимуму, достаточному для поддержания боеспособности экипажей и отработки технологий. Решению проблемы могло бы помочь внутреннее обсуждение вопроса о том, следует ли постоянно держать стратегический подводный флот на боевом дежурстве. Поскольку в мирное время существованию КНР ничто не угрожает, атомные под-

¹² Liu T. What Was the Us P-8 Spy Plane Doing Off China's Hainan Island? // China Daily Mail. 2014. 29 Aug. URL: <http://chinadailymail.com/2014/08/29/what-was-the-us-p-8-spy-plane-doing-off-chinas-hainan-island/>

водные ракетноносцы можно выводить в море только в кризисной ситуации. А при менее интенсивном боевом патрулировании сократится и риск опасных столкновений.

В Китае привыкли поддерживать низкий уровень боеготовности ядерных средств, что рассматривалось как позитивный вклад в обеспечение стратегической безопасности. Однако после появления атомных подводных ракетноносцев возникли опасения, что страна больше не сможет постоянно ограничиваться низким уровнем боеготовности в мирное время. Дело в том, что у прочих крупных ядерных держав ядерные ракеты на стратегических подлодках всегда готовы к немедленному запуску. Китай, в принципе, не обязан следовать их примеру.

Более того, китайские атомные субмарины в мирное время вовсе не обязательно должны выходить на боевое патрулирование, имея на борту БРПЛ и их боеголовки. Ведь противник не может определить, полностью ли подлодка укомплектована ракетами и пристыкованы ли к ним боеголовки. Соответственно, патрулирование в любом случае будет иметь сдерживающий эффект. Если вспомнить, сколько по-настоящему неприятных ситуаций было связано с атомными подлодками и к каким серьезным последствиям они приводили¹³, остается только сделать вывод, что развертывание ПЛАРБ, не укомплектованных ракетами или несущих ракеты с отстыкованными боеголовками, могло бы существенно снизить угрозу безопасности и способствовать поддержанию стабильности.

До появления атомных подводных ракетноносцев Китай располагал лишь несколькими десятками межконтинентальных ракет наземного базирования, способных нанести удар по континентальной части США¹⁴. С внедрением ПЛАРБ количество китайских ядерных боеголовок, способных достичь США, может существенно возрасти, что неминуемо вызывает обеспокоенность в Соединенных Штатах. Растущий стратегический подводный флот КНР и вытекающее из этого увеличение ядерного арсенала заставляет предполагать, что страна стремится к существенному наращиванию своего ядерного потенциала¹⁵. Чтобы рассеять все подозрения, Китаю следовало бы избрать стратегию развития, которая позволит поддержать умеренный ядерный потенциал, сохранить разумную численность стратегических морских сил и в то же

¹³ Broken Arrows: Nuclear Weapons Accidents. Brea: Atomic Archive, 2005. URL: http://www.atomicarchive.com/Almanac/Brokenarrows_static.shtml

¹⁴ Norris R. S., Kristensen Y. M. «Chinese Nuclear Forces, 2008 // The Bulletin of the Atomic Scientists, 2008. N 3. P. 64.

¹⁵ Malenic M., Hardy J. Chinese Strategic Capabilities Expanding, a US Government Report Warns. // IHS Jane's Defence Weekly. 2014. 20 Nov.

время обеспечить существенный морской компонент ядерного сдерживания.

Этих целей можно добиться, если сосредоточить усилия на создании надежной инфраструктуры подводного кораблестроения и обучении достаточного количества резервных экипажей. Любые существенные перемены в области глобальной стратегической безопасности займут как минимум несколько лет, а пока Китай может довольствоваться относительно небольшим стратегическим подводным флотом, готовым к быстрому наращиванию при возникновении серьезной угрозы. Таким образом, драгоценные ресурсы ВМФ не будут расходоваться напрасно, а стратегический подводный флот и уровень ядерного устрашения будут поддерживаться на необходимом уровне.

Взаимодействие ядерных и обычных вооружений

В течение десятилетий Китай строго разделял ядерные и обычные вооружения. КНР категорически не приемлет использование ядерных вооружений в ходе обычных военных действий и при любых условиях придерживается доктрины неприменения ядерного оружия первым¹⁶. Безоговорочное обязательство не применять ядерное оружие первым является уникальной особенностью китайской ядерной доктрины. Результаты исследований показывают, что руководство КНР не считает угрозу первой или упреждающей ядерной атаки сколько-нибудь убедительным или морально оправданным аргументом. В их глазах национальному ядерному арсеналу отведена одна-единственная роль: он должен предотвращать нанесение ядерного удара по самому Китаю.

Однако водораздел между ядерными и обычными вооружениями постепенно размывается, что предполагает переосмысление ядерной стратегии КНР. Новейшие военные технологии делают ядерное оружие уязвимым для неядерных ударов. По крайней мере, такие прогнозы многие китайские эксперты связывают с разработкой гиперзвукового оружия. Некоторые виды гиперзвукового оружия, созданные в США в рамках программы «Быстрый глобальный удар», способны лететь

¹⁶ Statement of the Government of the People's Republic of China [中华人民共和国政府声明] // The People's Daily. 1964. 16 Oct.; URL:

со скоростью более 5 махов и поражать цели с исключительной точностью.

КНР опасается, что США могут нанести удар по китайским ядерным арсеналам, центральному командованию и системам управления, даже не переступая ядерный порог. Из-за этого отдельные китайские аналитики начали подвергать сомнению целесообразность доктрины безоговорочного неприменения ядерного оружия первыми¹⁷. Впрочем, таких меньшинство, и их мнение, по всей видимости, никак не сказалось на государственной политике. Тем не менее Китай все с большей ясностью осознает угрозу, которую обычные вооружения могут представлять для потенциала ядерного сдерживания страны, и начинает задумываться о том, как следует действовать в новой реальности, лишившей соотношение между обычными и ядерными вооружениями прежней однозначности.

Гиперзвуковые ракеты, в отличие от обычных, не рассматриваются Новым договором СНВ как баллистические ракеты стратегического назначения, идет ли речь о ракетно-планирующих системах или гиперзвуковых крылатых ракетах. Это совершенно новый класс стратегических наступательных вооружений, и никакие международные ограничения, связанные с контролем над вооружениями, на него не распространяются. Отдельные китайские эксперты склонны полагать, что производство гиперзвуковых средств достаточно низкозатратно, чтобы их выпускали в значительных количествах¹⁸. Американцы в ответ уверяют, что подобные вооружения могут быть произведены лишь в крайне незначительных количествах для «нишевого» (избирательного) использования, но их аргументы не кажутся Китаю достаточно убедительными¹⁹.

Китай издавна полагал, что не может позволить себе существенное военно-технологическое отставание от прочих ведущих держав. Идея проста: чтобы не получить неприятных технологических сюрпризов со стороны, Китай должен вести разработки в аналогичных направлениях и овладевать новейшими технологиями. Решится ли КНР на применение этой технологии, — уже другой вопрос, который может быть

¹⁷ Yunzhu Yao. China Will Not Change Its Nuclear Policy.. Hong Kong: China—US Focus. 2013. URL: <http://www.chinausfocus.com/peace-security/china-will-not-change-its-no-first-use-policy/>

¹⁸ Feng Gao (高峰). Hypersonic Weapons Open New Warfare Situations [高超音速武器开启战争新态势] // Science 24 hours [科学 24 小时]. 2015. N 5.

¹⁹ Bunn M. E., Manzo V. A. Conventional Prompt Global Strike: Strategic Asset or Unusable Liability? // Strategic Forum. 2011. Feb. URL: <http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-263.pdf>

рассмотрен позже. Прежде всего, следует иметь принципиальную возможность внедрить последние новшества, если в них возникнет необходимость. Именно поэтому Китаю понадобились исследования нейтронного оружия и систем противоракетной обороны²⁰.

Та же логика стоит и за сегодняшними разработками КНР в сфере гиперзвуковых технологий. И хотя многие специалисты в Китае опасаются, что такой подход может привести к гиперзвуковому соперничеству или даже к полномасштабной гонке вооружений, все крупнейшие державы, включая Китай, стремительно продвигаются вперед в разработках гиперзвуковых технологий.

Первая проблема, встающая перед Китаем в связи с гиперзвуковым соперничеством, заключается в стратегических принципах использования новой технологии. Гиперзвуковые ракеты способны преодолевать системы противоракетной обороны гораздо лучше обычных баллистических ракет, что чревато сильным соблазном использовать гиперзвуковые средства для доставки ядерных боеголовок. Ряд китайских экспертов предлагают исходить из того, что и Россия, и другие державы уже ведут разработки гиперзвукового оружия с ядерными боеголовками²¹, а значит, располагая такими ракетами с «высокой способностью прорыва и высокой маневренностью», Китай сможет более успешно «противостоять угрозам перехвата системы ПРО со стороны противника»²².

К однозначному мнению относительно того, следует ли оснащать потенциальное гиперзвуковое оружие ядерными боеголовками, Китай пока не пришел, поскольку все еще не до конца разобрался в возможностях этой технологии. Какое бы решение ни было принято в будущем, важно, чтобы использование гиперзвуковых технологий не подрывало безопасность самого Китая и не дестабилизировало ядерный баланс между Китаем и прочими ядерными державами. И США, и Россия придерживаются доктрины ОВУ: они готовы броситься в ядерную контратаку в момент, когда их системы раннего предупреждения зафиксируют начавшееся нанесение удара.

²⁰ Ray J. Red China's «Capitalist Bomb»: Inside the Chinese Neutron Bomb Program // China Strategic Perspectives. 2015. Jan. P. 8.

²¹ Zhongping Song [宋忠平]. US Hypersonic Weapons Testing Will Lead to a New Military Imbalance [[美高超音速武器试验将引发新军力失衡].] 2014. 6 Sept.; Xuesong Zhang [张雪松]. Why Are Hypersonic Flight Technologies Difficult? [高超音速飞行技术难在哪里?]. 2014. 25 Jan.

²² Huaiyu Tang [汤怀宇], Jie Liu [刘婕]. Media Reports and China's Hypersonic Weapon [从媒体报道看我国高超音速武器] // Ordnance Knowledge [兵器知识]. 2014. N 5.

Гиперзвуковые ракеты, в отличие от обычных, летят не по баллистической траектории. И если в арсенале Китая будут гиперзвуковые ракеты как с ядерными, так и с обычными боеголовками, Соединенным Штатам будет не просто разобраться, с каким именно ударом им предстоит столкнуться — ядерным или неядерным. Может так получиться, что США по ошибке нанесут ядерный удар возмездия, хотя Китай использовал для нападения гиперзвуковые носители с обычными боеголовками. В таком случае Китай станет жертвой непреднамеренной ядерной войны. Более того, несколько лет назад США отказались от плана переоснастить часть своих ядерных ракет подводного базирования в ракеты с обычными боеголовками по программе создания неядерного варианта ракеты «Трайидент». И руководствовались они именно стремлением избежать недоразумений, поскольку потенциальный враг должен четко понимать, с каким ударом ему предстоит иметь дело²³. Вероятно, отсюда можно извлечь полезный урок и для Китая.

Второй способ сгладить возможные негативные последствия внедрения гиперзвукового оружия состоит в том, чтобы добиться от стран ядерного клуба четких, недвусмысленных обязательств не атаковать ядерные силы неядерным оружием. В ближайшее время гиперзвуковое оружие будет обладать лишь ограниченным потенциалом нанесения поражающего удара по ядерным силам²⁴.

Однако Китай всерьез обеспокоен возможностью разработки стратегии нанесения первого неядерного удара со стороны США. И когда американские представители в ходе неформальных переговоров интересуются, какова будет реакция Китая, если на его ядерные силы будет совершена неядерная атака, это беспокойство только усиливается. Американская делегация, задавая свой вопрос, имела целью выяснить, насколько Китай тверд в своей доктрине ненанесения первого удара. Но представители КНР ошибочно интерпретировали его как завуалированную угрозу китайским силам ядерного сдерживания, которую несут в себе новейшие неядерные вооружения²⁵. Острое ощущение угрозы неядерного нападения вряд ли поможет стабилизировать баланс

²³ Woolf A. F. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. 2016. 24 Feb. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf>

²⁴ Tong Zhao. Conventional Counterforce Strike: An Option for Damage Limitation in Conflicts with Nuclear-Armed Adversaries // Science & Global Security. 2011. N 3. P. 19.

²⁵ Lewis J. China and No First Use // Arms Control Wonk. 2011. 14 Jan. URL: <http://www.armscontrolwonk.com/archive/203446/china-and-no-first-use-3/>

между крупнейшими ядерными державами, и этот вопрос настоятельно требует решения.

В качестве первого шага можно было бы предложить, чтобы все ядерные державы, включая Китай, согласованно пришли к запрету на использование неядерного гиперзвукового оружия против чужих ядерных сил. Насколько исполнение данных обещаний будет поддаваться контролю, уже другой вопрос. Но даже четкие политические обязательства не прибегать к неядерным ударам против ядерных сил помогут снять чрезмерную напряженность. А учитывая, что Индия с Пакистаном сумели 20 с лишним лет назад договориться о ненападении ударов по объектам атомной энергетики друг друга, у прочих крупных ядерных держав нет особых причин не последовать их примеру.

Ограниченная роль ядерного оружия

Китай сознательно ограничил свой ядерный арсенал еще в 1964 г. Одна из издержек такого решения состоит в том, что КНР не готова раскрывать число и географию своих ядерных вооружений. В стране опасаются, что упрощение доступа к такой информации негативно скажется на живучести имеющегося ядерного арсенала и, следовательно, нанесет ущерб китайской системе ядерного сдерживания²⁶. В то же время из-за сравнительно низкой ядерной транспарентности Китай подвергается критике со стороны международного сообщества, которое видит в отсутствии точных данных о китайских ядерных силах препятствие для достижения ядерной стабильности и укрепления доверия.

Вместе с тем Китай всегда очень четко давал понять, при каких условиях он готов прибегнуть к ядерному оружию. Доктрина неприменения ядерного оружия первым позволила Пекину свести к минимуму роль ядерных вооружений в своей программе национальной безопасности. Таким образом, Китай задал беспрецедентно высокий уровень гарантий: ни одно другое государство, располагающее ядерным оружием, не имеет столь четкой доктрины, предписывающей использование стратегического арсенала исключительно в ответ на ядерную атаку противника.

Сделанный Китаем выбор, сводящий к минимуму роль ядерных вооружений в системе национальной безопасности, имеет огромное значение, которое в дальнейшем будет только возрастать. В 2008 г., в начале президентства Барака Обамы, Белый Дом пообещал в свою очередь сократить роль ядерных вооружений, но выполнение этих обеща-

²⁶ Bin Li. *Op. cit.*

ний чем дальше, тем больше осложняется. Консерваторы исторически сомневались в целесообразности сокращения роли ядерных вооружений, и сейчас, когда военное превосходство США в области обычных вооружений постепенно подрывается, все большую популярность приобретает идея отдать ядерным вооружениям приоритет, вместо того чтобы сокращать их²⁷.

Если эта тенденция продолжится после 2016 г., неминуемо возрастает значение Китая как противовеса американскому стремлению к более интенсивному политическому использованию ядерного арсенала. Кроме того, именно Китай старается добиться международного консенсуса относительно сокращения, а не повышения роли ядерных вооружений.

Позиция КНР относительно значения и использования ядерного оружия обусловлена прежде всего осознанием его гуманитарных последствий, которые слишком разрушительны, чтобы применение таких средств в военных действиях оказалось хоть сколько-нибудь оправдано²⁸. Гуманитарные соображения играют существенную роль в формировании ядерной стратегии Китая: именно ими продиктовано его стремление ограничить свой стратегический арсенал и придерживаться крайне умеренной ядерной доктрины²⁹.

Подобная позиция перекликается с набравшим в последние годы силу международным движением, призывающим в полной мере осознать гуманитарные последствия использования ядерного оружия. Самым эффективным способом добиться ядерного разоружения, полагают в Китае, является запрет на использование ядерного оружия³⁰.

Многие государства, не обладающие таким оружием, согласны с КНР в отношении его запрета. Иными словами, Китаю имеет смысл проявлять больше инициативы в борьбе за ограничение и сокращение

²⁷ Colby E. Nuclear Strategy and Posture for 2030 // Center for a New American Security. 2015. 28 Oct. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-nuclear-strategy-and-posture-for-2030>

²⁸ Zedong Mao [毛泽东]. Selected Works of Mao Zedong on Foreign Relations [毛泽东外交文选]. Beijing: Central Documentation Press [中央文献出版社]. 1994.

²⁹ Yi Liu [刘毅], Zhenjiang [刘镇江]. Mao Zedong's Nuclear Ethical Thought and Its Epochal Value [论毛泽东核伦理思想及其时代价值] // Journal of University of South China (Social Science Edition) [南华大学学报(社会科学版)]. 2009. N 5. P. 10.

³⁰ China's Arms Control and Disarmament [中国的军备控制与裁军]. Beijing: State Council Information Office of the People's Republic of China [中华人民共和国国务院新闻办公室], 1995.

ядерного оружия во всем мире. Он может оказывать более серьезную поддержку усилиям международного сообщества, стремящегося добиться запрета на использование ядерных вооружений. Таким образом, КНР может сыграть ведущую роль и внести существенный вклад в дело контроля над ядерными вооружениями и обеспечения международной безопасности.

Глава 3. ЯДЕРНЫЕ АУТСАЙДЕРЫ

Петр Топычканов

Индия и Пакистан

30 января 2015 г. Индия провела последние успешные испытания ракеты «Агни-5»¹. Она представляет собой трехступенчатую твердотопливную ракету длиной 17 м, диаметром 2 м и стартовой массой 50 т, из которых 1,5 т — это вес боеголовки. Ранее, в мае 2013 г., стало известно, что для «Агни-5» разрабатывается разделяющаяся головная часть индивидуального наведения (РГЧ ИН). Дальность полета ракеты превышает 5 тыс. км.

Эти испытания свидетельствуют о том, что Южная Азия — это регион, где динамично развиваются ракетно-ядерные программы за счет совершенствования существующих технологий и освоения новых. Принятие на вооружение систем, основанных на таких технологиях, может серьезно изменить баланс сил между Индией и Пакистаном.

Программы и доктрина Индии

Основные направления развития ракетно-ядерных сил были описаны в интервью, которое дал еще в 2013 г. газете «Хинду» Авинаш Чандер, бывший глава индийской Организации оборонных исследований и разработок (Defence Research and Development Organisation, DRDO). Представляется уместным привести несколько выдержек из этого интервью:

«Проект “Агни-5” развивается. Обе ракеты “Агни-4” и “Агни-5” будут приняты на вооружение в течение следующих пары лет. Мы готовимся к испытаниям с участием заказчика ракет “Агни-4”, даль-

¹ Pallava Bagla. Agni 5, India's Longest Range Ballistic Missile, Successfully Test-Fired // NDTV. 2015. 31 Jan. URL: <http://www.ndtv.com/india-news/agni-5-indias-longest-range-ballistic-missile-successfully-test-fired-735955>

ность которой составляет 4 тыс. км, и “Агни-5”, дальность которой – 5 тыс. км»;

«Затем мы возьмемся за ракету большой дальности класса “земля–воздух” (LSRAM), ее испытания начнутся в Израиле очень скоро»;

«Программа ракеты “Астра” класса “воздух–воздух” также успешно развивается. К концу года мы проведем пуск “Астра” с Су-30»;

«Мы также работаем над футуристическими, новыми ракетами класса “земля–воздух” и дальностью в 250–300 км»;

«Целью является достижение конкурентоспособности на глобальном уровне в отношении точности, поражающего действия и дальности»;

«“Прахар” пройдет через испытания с участием заказчика скоро, уже в этом году. “Прахар” – хорошая система (класса “земля–земля”) с дальностью 140 км. У нее будет точность 2 м, а это очень существенное улучшение ракеты. Мы также повысили дальность ракет “Пинака” с настоящих 40 до 60 км, назвав новую систему “Пинака-2”. С дальностью до 140 км “Прахар” будет покрывать третий эшелон, являющийся очень важным»².

Данное интервью позволяет увидеть, что развитие ракетных систем Индии осуществляется в трех направлениях.

Во-первых, эта страна стремится освоить технологии ракет межконтинентальной дальности («Агни-5»).

Во-вторых, она предпринимает серьезные усилия в области оперативно-тактических ракет, которые призваны образовать трехуровневую оборону («Прахар», «Пинака-1», «Пинака-2»).

В-третьих, Индия работает над несколькими проектами ракет, способных поражать цели в воздухе (классы «земля–воздух» и «воздух–воздух»). Эти проекты включают также разработку ракет-перехватчиков для противоракетной обороны Индии.

Первое направление развития ракетных систем имеет отношение к сдерживанию китайских угроз, а второе и третье – китайских и пакистанских. Среди ракетных систем, упомянутых Авинашем Чандером, отсутствует упоминание о крылатой ракете «Нирбхай», первые летные испытания которой были проведены 12 марта 2013 г.³ Молчание главы DRDO может объясняться неудачным пуском ракеты, которая на

² Vinay Kumar. Developing a More Indian Defence // The Hindu. 2013. 22 Aug. URL: <http://www.thehindu.com/opinion/interview/developing-a-more-indian-defence/article5045673.ece>

³ Flash! India's Nirbhay Cruise Missile Tested // Livelist. 2013. 12 Mar. URL: <http://www.livelistdefence.com/2013/03/flash-indias-nirbhay-cruise-missile.html>

17 мин. полета отклонилась от маршрута. 17 октября 2014 г. прошли вторые летные испытания ракеты, которые были признаны условно успешными. 16 октября 2015 г. испытания «Нирбхай» снова завершились неудачей.

Вероятно, у индийских властей нет представления о том, когда может быть принята на вооружение ракета «Нирбхай», которая разрабатывалась Индией в течение семи лет. Отсутствие ясности о «Нирбхэе» компенсируется успехом российско-индийского проекта сверхзвуковой крылатой ракеты «БраМос», которая, как ожидается, будет размещаться на наземных, воздушных и морских носителях (в неядерном оснащении).

Авинаш Чандер не упомянул также ракеты морского базирования серии «К». 27 января 2013 г. Индия произвела испытательный пуск ракеты К-15 (Проект В-05 DRDO) с подводной платформы. Это был первый тест, который широко освещался в средствах массовой информации. Предшествовавшие 10 испытаний проводились в режиме строжайшей секретности. Дальность К-15 составляет более 700 км, а полезная нагрузка — от 500 кг до 1 т. В ноябре 2015 г. был произведен испытательный пуск этой ракеты с атомной подводной лодки «Арихант», морские испытания которой начались в 2012 г. (она была построена при помощи России)⁴.

7 марта 2016 г. был осуществлен первый испытательный пуск с подводной платформы ракеты К-4. Ее дальность может достигать 3500 км, а полезная нагрузка — до 2 т⁵. Ведутся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по проекту ракеты К-5, дальность которой должна превысить 5000 км⁶.

Разработка новых ракет заставляет поднять следующие вопросы: во-первых, в какой пропорции эти системы будут оснащаться ядерными и обычными боеголовками и, во-вторых, обладает ли Индия надежными технологиями для создания боезарядов для этих ракет?

⁴ Hemant Kumar Rout. Maiden Test of Undersea K-4 Missile From Arihant Submarine // The New Indian Express. 2016. 9 Apr. URL: <http://www.newindianexpress.com/nation/EXPRESS-EXCLUSIVE-Maiden-Test-of-Undersea-K-4-Missile-From-Arihant-Submarine/2016/04/09/article3370608.ece>

⁵ Idem. K-4 Missile Test A Roaring Success // The New Indian Express. 2016. 16 Mar. URL: <http://www.newindianexpress.com/states/odisha/K-4-Missile-Test-A-Roaring-Success/2016/03/16/article3329130.ece>

⁶ Idem. India Activates 'Secret' Undersea Missile // The Sunday Standard. 2013. 11 Aug. URL: <http://newindianexpress.com/theSundayStandard/India-activates-secret-undersea-missile/2013/08/11/article1728237.ece>

Если оценки Международной комиссии по расщепляющимся материалам верны, Индия может иметь ядерные материалы для производства 80–100 боезарядов.

По приблизительным подсчетам автора, ракетный арсенал Индии состоит из 150 ракет малой дальности «Притхви-1», 70 ракет малой дальности «Притхви-2», 80 ракет малой дальности «Притхви-3», небольшого количества ракет малой дальности «Агни-1», 100 ракет средней дальности «Агни-2» — всего более 400 ракет, из которых одна четверть оснащается ядерными боеголовками. Одновременное принятие на вооружение нескольких ракетных систем заставит Индию нарастить запасы плутония и урана оружейного качества даже в том случае, если она захочет сохранить современную пропорцию ракет в обычном и ядерном оснащении.

Ядерные испытания 11 и 13 мая 1998 г. позволяют получить некое представление о тех технологиях, которыми обладает Индия. 11 мая эта страна провела три испытания: «Шакти-1» (термоядерное взрывное устройство мощностью 43 кт), «Шакти-2» (ядерное взрывное устройство мощностью 15 Кт) и «Шакти-3» (ядерное взрывное устройство мощностью 0,2 Кт). 13 мая были проведены два испытания ядерных взрывных устройств мощностью менее 1 Кт.

Согласно пакистанским оценкам, 11 мая Индия успешно испытала только одно взрывное устройство мощностью 12–15 Кт, что означает неудачу теста термоядерного взрывного устройства (индийские источники говорят по меньшей мере о неудовлетворительных результатах термоядерного испытания⁷). Все испытания ядерных взрывных устройств мощностью менее 1 Кт не фиксировались пакистанскими техническими средствами разведки⁸.

Это может означать либо проведение Индией подкритических экспериментов, а не ядерных испытаний, либо недостаточную эффективность технических средств Пакистана. В 1998 г. это государство могло не обладать такими возможностями, которые были у России или США. Как написал в 2010 г. генерал-майор (в отставке) В. С. Белоус, возможность фиксировать ядерные испытания мощностью 1 Кт была у ведущих стран еще в начале 1990-х гг., но только благодаря прогрес-

⁷ 'India Needs Two More Nuclear Tests' // Rediff News. 2009. 21 Sept. URL: <http://news.rediff.com/report/2009/sep/21/india-needs-2-more-nuke-tests1.htm>

⁸ Khan F. H. *Eating Grass: the Making of the Pakistani Bomb*. Stanford: Stanford University Press, 2012. P. 270.

су последних лет удалось снизить этот порог до уровня 0,1 Кт и ниже⁹. Проводила ли Индия в 1998 г. подкритические испытания или ядерные тесты, которые Пакистан не смог отследить, очевидно, что в любом случае разработка оперативно-тактических ракет заставит Индию предусмотреть новые ядерные испытания боезарядов мощностью менее 1 Кт.

Силы и концепции Пакистана

Пакистанский ракетный арсенал включает в себя следующие системы: ракеты малой дальности «Хатф-1», «Хатф-2» («Абдали»), «Хатф-3» («Газнави») и «Хатф-4» («Шахин-1»), ракеты средней дальности «Хатф-5» («Гаури»), «Хатф-6» («Шахин-2»). Всего у Пакистана может быть на вооружении 360 ракет, треть из которых может оснащаться ядерными боеголовками. В отличие от Индии военное планирование которой предполагает нанесение ядерных ударов по Китаю и Пакистану, Исламабад рассматривает возможность использования ракетно-ядерных средств только против Индии.

Ответом Пакистана на возможности Индии, растущие в области как сил общего назначения, так и ракетно-ядерных сил, стала разработка трех систем: «Хатф-7» («Бабур»), «Хатф-8» («Раад») и «Хатф-9» («Наср»). Все три системы, по-видимому, находятся на разных этапах испытаний.

Последние летные испытания «Хатф-7» были проведены 17 сентября 2012 г. Это крылатая ракета наземного базирования дальностью 700 км может оснащаться как обычной, так и ядерной боеголовкой. Использование на последних тестах автоматической Системы поддержки стратегического управления и контроля (Strategic Command and Control Support System) указывает на то, что эта ракета рассматривается пакистанскими военными как инструмент ядерного сдерживания Индии.

При создании «Хатф-7» использовался ряд современных технологий, включая системы корреляционного наведения по рельефу местности (Terrain Contour Matching), цифровой корреляции изображения рельефа местности (Digital Scene Matching and Area Correlation)¹⁰, не

⁹ Белоус В. С. Ядерные испытания — возобновление неизбежно? // Агентство ПРоАтом. 2010. 19 нояб. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2659>

¹⁰ Press Release No PR204/2012-ISPR // Inter Services Public Relations. 2012. 17 Sept. URL: http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=2150&search=1

говоря о технологии крылатой ракеты, полученной с использованием непреднамеренной помощи со стороны США, которые потеряли на территории Пакистана 20 августа 1998 г. несколько неразорвавшихся крылатых ракет морского базирования «Томагавк», когда наносили удары по лагерям террористов в Афганистане. Пакистанские и, возможно, китайские инженеры провели анализ полученных технологий, на основе которых обе страны смогли добиться прогресса в области крылатых ракет. Один из пакистанских инженеров сказал в этой связи: «Технологии могут падать с неба. Бог был добр к Пакистану»¹¹.

При создании крылатой ракеты воздушного базирования «Хатф-8» были использованы технологии, примененные и в «Хатф-7». Последние успешные летные испытания этой ракеты были осуществлены 19 января 2016 г.¹² Согласно официальным данным, эта ракета, выполненная с применением технологии «Стелс», способна лететь на низких высотах с огибанием рельефа местности. Она обладает высокой маневренностью и может доставлять ядерные или обычные боезаряды с высокой точностью¹³. Ее дальность, по разным оценкам, составляет 350–450 км¹⁴.

Очевидны намерения Пакистана использовать технологию крылатых ракет «Хатф-7» и «Хатф-8» при создании морской составляющей ядерных сил. Стратегическое военно-морское командование формально было основано в мае 2012 г., однако в его распоряжении пока нет ядерного оружия. Помимо перспективных крылатых ракет на морских платформах, как сказал 22 апреля 2016 г. на семинаре в Московском Центре Карнеги пакистанский эксперт Зафар Икбал Чима, Стратегическое военно-морское командование может также модифицировать баллистические ракеты средней дальности в ядерном оснащении для размещения их на кораблях¹⁵. Если это соот-

¹¹ Цит. по: Khan F. H. Op. cit. P. 294.

¹² Pakistan Conducts Successful Flight Test of Cruise Missile Ra'ad // The Nation. 2016. 19 Jan. URL: <http://nation.com.pk/national/19-Jan-2016/pakistan-conducts-successful-flight-test-of-cruise-missile-ra-ad>

¹³ N-Capable Raad Missile Test-Fired // The Nation. 2011. 30 Apr. URL: <http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/politics/30-Apr-2011/Ncapable-Raad-missile-testfired>

¹⁴ Javeria Nasir. Pakistan Successfully Test Fired Hatf-VIII Ra'ad missile // Aaj News. 2012. 31 May. URL: <http://www.aaj.tv/2012/05/pakistan-successfully-test-fired-hatf-viii-ra-ad-missile/>; Khan F. H. Op. cit. P. 396.

¹⁵ Зафар Икбал Чима // Sound Cloud. 2016. 25 Apr. URL: <https://soundcloud.com/carnegie-endowment/rhahueegxio>

ветствует действительности, то речь может идти о ракете «Хатф-3» («Гхаури») ¹⁶.

Первые летные испытания оперативно-тактической ракеты «Хатф-9» («Наср») были проведены 19 апреля 2011 г. ¹⁷, последние — 4 ноября 2013 г. ¹⁸ Согласно официальным источникам, «Хатф-9» — это ракета с дальностью стрельбы 60 км, которая оснащается ядерной боеголовкой. Эффективность и живучесть этой системы обеспечивается за счет возможности вести стрельбу со сменой огневой позиции, способности ракеты маневрировать в полете и поражать цели с повышенной точностью. На последних испытаниях было объявлено о ее способности преодолевать все существующие системы «тактической противоракетной обороны» ¹⁹.

Возможные стратегические коллизии

Непосредственно для стратегической стабильности в Южной Азии появление и развитие ракет средней и, в перспективе, межконтинентальной дальности не представляет такой опасности, как принятие на вооружение оперативно-тактических ракет и крылатых ракет наземного, воздушного и морского базирования. Опасность связана с тем, что в отличие от ракет средней и межконтинентальной дальности оперативно-тактические и крылатые ракеты должны производиться в большем количестве и разворачиваться на конфликтно-опасных направлениях (у межгосударственной границы или спорных территорий в случае Индии и Пакистана), а в условиях кризиса поддерживаться в более высокой оперативной готовности. Это повышает риски применения такого оружия или утери контроля над ним.

В отсутствие возможности определить, какой боеголовкой оснащена запущенная противной стороной ракета, руководители подвергшегося атаке государства могут чувствовать давление в пользу решения о ядерном возмездии. Во избежание подобных ситуаций Индия и

¹⁶ McLaughlin J. Pakistan Missile Update — February 2016 // Wisconsin Project on Nuclear Arms Control. URL: <http://www.wisconsinproject.org/countries/pakistan/PakistanMissileUpdate-2016.html>

¹⁷ Press Release No PR94/2011-ISPR // Inter Services Public Relations. 2011. 19 Apr. URL: http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=1721&search=1

¹⁸ Ahmed Rayyan. Pakistan tests fire Hatf-9 Nasr missile successfully // The News Tribe. 2013. 5 Nov. URL: <http://www.thenewstribes.com/2013/11/05/pakistan-tests-fire-hatf-9-nasr-missile-successfully/>

¹⁹ Press Release No PR94/2011-ISPR...

Пакистан могут рассматривать возможность соглашения о мерах доверия применительно к каждому типу ракет, стоящих на вооружении в обеих странах.

Оба государства могли бы обеспечить частичную транспарентность ядерных сил, касающуюся их структуры и размещения, например подписать проверяемое соглашение о неразмещении ядерного оружия в приграничной зоне.

Те же самые цели могут быть достигнуты взаимным снижением боевой готовности ракет меньшей дальности (посредством закрепления существующей практики раздельного хранения носителей и ядерных боезарядов) и уведомлениями об изменении такого статуса во время учений. Это повлияло бы на возможность обеих стран односторонне изменять уровень готовности ракет средней и, в будущем, межконтинентальной дальности, которые они могут нацеливать как друг на друга, так и за пределы Южной Азии.

Виктор Есин

Северная Корея

В апреле 2012 г. в Конституцию КНДР были внесены поправки, которые придали этой стране ядерный статус¹. Проведя 6 января 2016 г. четвертое по счету ядерное испытание и спустя месяц запустив на околоземную орбиту второй по счету космический аппарат, северокорейские власти продемонстрировали явные намерения и дальше наращивать ядерные амбиции КНДР вкупе с созданием баллистических ракет большой дальности, способных нести ядерные боезаряды.

В этой главе представляются оценки возможности КНДР по созданию и производству ядерных боеприпасов и средств их доставки. Также высказаны соображения в отношении возможного выхода из тупика, возникшего еще в 2009 г. на шестисторонних переговорах по денуклеаризации Корейского полуострова².

Потенциал КНДР по созданию и производству ядерных боеприпасов

В настоящее время ядерная промышленность КНДР обладает ограниченными мощностями по наработке оружейных ядерных материалов и производству из них ядерных боеприпасов.

¹ Это событие было «подкреплено» последовавшими ядерными испытаниями — 12 февраля 2013 г., 6 января и 9 сентября 2016 г. Предыдущие испытания ядерного взрывного устройства в КНДР были проведены 9 октября 2006 г. и 25 мая 2009 г. (подробно см.: Корейский ядерный кризис: перспективы дэ-эскалации / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 27).

² Шестисторонние переговоры начались в августе 2003 г. по инициативе КНР и проходили в Пекине. Их участниками стали КНР, США, Россия, Япония, Республика Корея и КНДР. Они были прерваны в 2009 г. по инициативе КНДР (подробно см.: Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность / пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 419–420).

В стране имеется единственный атомный центр в Йонбене, расположенный в 86 км к северу от Пхеньяна. В состав его производственного комплекса входят следующие действующие объекты:

- газографитовый реактор, электрической мощностью 5 МВт (тепловая мощность — 25 МВт), являющийся наработчиком оружейного плутония³;
- завод ядерного топлива, сырье для которого поставляют две уранообогатительные фабрики, суммарной производительностью до 150 т уранового концентрата в год⁴;
- радиохимический завод для выделения плутония из облученного ядерного топлива (ОЯТ)⁵;
- завод по изотопному обогащению урана, который, согласно имеющимся оценкам⁶, способен производить ежегодно до 26 кг урана оружейного качества⁷.

³ Реактор был запущен в эксплуатацию в 1986 г. В конце 1994 г. его эксплуатация была приостановлена после заключения Рамочного соглашения между КНДР и США. Повторно в эксплуатацию реактор был введен в феврале 2003 г. и остановлен в 2007 г. с последующим проведением демонтажа части оборудования. В третий раз работа реактора была возобновлена в сентябре 2013 г. после проведения восстановительных работ, начатых в марте того же года. В настоящее время реактор работает не на полную мощность и с частыми остановками. По оценке, в год на нем может быть наработано от 3 до 4 кг оружейного плутония (расчетная мощность — от 6 до 8 кг оружейного плутония в год) (подробно см.: Корейский ядерный кризис: перспективы дезэскалации... С. 20, 28–31; Yongbyon: Monitoring Activities during Shutdown of 5 MW Reactor // Institute for Science and International Security. 2014. 5 Dec. URL: http://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/Yongbyon_December5_2014_Final.pdf

⁴ Уранообогатительные фабрики расположены в районах Пакчхон и Пхенсан (в 70 км севернее и 95 км юго-восточнее Пхеньяна соответственно). В этих же районах ведется добыча урановой руды. Запасы урана в КНДР оцениваются в 15–20 тыс. т (см.: Корейский ядерный кризис: перспективы дезэскалации... С. 20).

⁵ Завод способен за год переработать до 110 т ОЯТ (см: Hecker S. S. North Korea Yongbyon Nuclear // Center for International Security and Cooperation. 2010. 20 Nov. URL: http://cisac.fsi.stanford.edu/publications/north_koreas_yongbyon_nuclear_complex_a_report_by_siegfried_s_hecker

⁶ Nuclear Proliferation Case Studies. Safeguards Information Paper // World Nuclear Association. 2014. Nov. URL: <http://www.world-nuclear.org/info/Safety-and-Security/Non-Proliferation/Appendices/Nuclear-Proliferation-Case-Studies/>

⁷ В 2013–2014 гг. на этом заводе примерно в два раза была увеличена производственная площадь и начат монтаж дополнительного количества центрифужных установок. Предполагается, что с вводом их в эксплуатацию производ-

Здесь же ведется строительство АЭС с экспериментальным легководным реактором (ELWR) северокорейской разработки. Оценочно, его электрическая мощность составит от 25 до 30 МВт (тепловая мощность — свыше 100 МВт)⁸. Потенциально он будет способен нарабатывать в год до 20 кг оружейного плутония⁹. Но в 2013 г. строительство этого реактора было заморожено, и сейчас нет ясности со сроками ввода его в эксплуатацию¹⁰.

Помимо производственного комплекса, в Йонбенском атомном центре имеется и научно-исследовательская зона, в которой функционирует исследовательский легководный реактор ИРТ-2000 (электрическая мощность — 2 МВт, тепловая мощность — 8 МВт)¹¹, а также работает ряд исследовательских лабораторий, оснащенных бетатроном, кобальтовой гамма-установкой и другим научно-техническим оборудованием, поставленным в 1960—1980 годы Советским Союзом.

Накопленные к концу 2014 г. у КНДР запасы оружейного плутония составляли не менее 30 кг¹². В отношении северокорейских запасов высокообогащенного урана (ВОУ) надежных экспертных оценок не

ственные мощности завода возрастут до 60 кг урана оружейного качества в год (Ibid.).

⁸ По оценке ряда зарубежных неправительственных экспертов электрическая мощность этого реактора может составить 100 МВт (тепловая мощность — более 300 МВт). Однако такая оценка вызывает большие сомнения, поскольку северокорейские специалисты не имеют опыта создания ядерных реакторов такой мощности.

⁹ Albright D., Walrond C. North Korea's Estimated Stocks of Plutonium and Weapon-Grade Uranium // Institute for Science and International Security. 2012. 16 Aug. URL: http://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/dprk_fissile_material_production_16Aug2012.pdf

¹⁰ Согласно сообщению А. В. Хлопкова, директора российского Центра энергетики и безопасности, на российско-американской конференции «Безопасность и ядерные вызовы на Корейском полуострове: поиск решения», прошедшей в г. Монтерее (штат Калифорния, США) 9 апреля 2016 г.

¹¹ Реактор ИРТ-2000 построен при содействии СССР и введен в эксплуатацию в 1966 г. Несколько раз подвергался модернизации. Он не способен нарабатывать оружейный плутоний в значимых количествах (см.: Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации... С. 28).

¹² По оценке специалистов российского Института стратегической стабильности госкорпорации «Росатом», из всего ОЯТ, извлеченного в разные годы из северокорейского пятимегаваттного газографитного реактора, было выделено в общей сложности 40—42 кг оружейного плутония. При этом для изготовления ЯВУ, подорванных в 2006, 2009 и 2013 гг., израсходовано чуть более 10 кг оружейного плутония (Там же. С. 32).

имеется, поскольку нет ясности в том, когда и в каких объемах вводились в эксплуатацию мощности по обогащению урана¹³. Есть предположение зарубежных экспертов, что к концу 2012 г. в этой стране могло быть наработано от 20 до 320 кг ВОУ оружейного качества¹⁴. Верхняя граница этой оценки, однако, представляется значительно завышенной. Вероятнее всего, с учетом того, что определенные обогатительные мощности задействуются для наработки низкообогащенного урана (НОУ), необходимого для производства ядерного топлива для строящегося реактора ELWR, к концу 2014 г. КНДР могла располагать запасами ВОУ оружейного качества в количестве не более 200 кг¹⁵.

Указанных выше запасов оружейных ядерных материалов, как считается, хватило для того, чтобы изготовить 10–16 ядерных боезарядов имплозивного типа упрощенной конструкции (6–8 плутониевых и 4–8 из оружейного урана)¹⁶. В настоящее время эти боезаряды используются для снаряжения авиабомб, которые могут доставляться к целям фронтовыми бомбардировщиками «Хун-5» китайского производства¹⁷ либо приспособленными для этого военно-транспортными самолетами¹⁸.

¹³ Американцы не без основания уже в 2002 г. подозревали, что КНДР занимается обогащением урана. Поэтому нельзя исключать, что у КНДР имеется как минимум еще одно обогатительное производство, где проводилась отработка технологии, связанной с центрифужным обогащением урана (иначе невозможно объяснить появление в Йонбенском атомном центре относительно современного завода по обогащению урана). Об этом, в частности, свидетельствует отчет, подготовленный в 2011 г. группой экспертов по КНДР Совета Безопасности ООН (см.: Ежегодник СИПРИ 2013: вооружения, разоружение и международная безопасность / пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 377–378).

¹⁴ Albright D., Walrond C. *Op. cit.*

¹⁵ Помимо автора данной статьи, аналогичной оценки в отношении запасов у КНДР ВОУ оружейного качества придерживаются и сотрудники Американско-корейского института Университета Джона Хопкинса (Wit J. S., Ahn S. Y. *North Korea's Nuclear Futures: Technology and Strategy* // 38 North. 2015. Feb. URL: http://38north.org/wp-content/uploads/2015/02/NKNF_NK-Nuclear-Futures-Wit-0215.pdf

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ Бомбардировщик является аналогом фронтового бомбардировщика Ил-28 советского производства, который был сертифицирован как носитель ядерной авиабомбы массой до 3000 кг, размещаемой на внутренней подвеске в бомболюке (см.: *Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации...* С. 32).

¹⁸ Эти самолеты могут использоваться для ядерного бомбометания в случае, если масса ядерной авиабомбы превышает 3000 кг.

Достоверных данных о количестве произведенных в КНДР в 2015 г. оружейных ядерных материалов нет. Можно предполагать, что было наработано от 30 до 60 кг ВОУ оружейного качества. Что касается оружейного плутония, то его производство, по-видимому, могло составить порядка 6 кг (с учетом переработки ОЯТ, выгруженного из Йонбенского газорафитового ректора в конце 2014 г.).

Ныне в КНДР ведутся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в интересах снижения массогабаритных характеристик ядерных боеприпасов, конечной целью которых является создание такого компактного боеприпаса, которым можно было бы оснастить головную часть (ГЧ) баллистической ракеты. Одно из направлений таких работ, ставшее известным экспертному сообществу, связано с разработкой импульсного нейтронного источника для ядерного боезаряда, что позволит существенно увеличить мощность его взрыва¹⁹. Тем самым появится возможность уменьшить массогабаритные параметры ядерного боеприпаса при сохранении требуемой мощности его взрыва.

По всей видимости, именно эту цель преследовали северокаорейские специалисты, которые, как уже упоминалось, осуществили 6 января 2016 г. ядерное испытание. И хотя в официальном заявлении правительства КНДР было сказано, что произведено испытание «первой водородной бомбы чухчейской Кореи»²⁰, это вряд ли соответствовало действительности. Исполнительный секретарь Подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) Лассина Зербо на основе данных, полученных со станций наблюдения Международной системы мониторинга ядерных взрывов, заявил: «Предварительный анализ показал, что данное событие (четверное ядерное испытание КНДР — *Авт.*) аналогично имевшему место в 2013 г. (третье ядерное испытание КНДР — *Авт.*) не только с точки зрения места — район проведения испытаний был тот же, что и в трех предыдущих случаях, но и с точки зрения магнитуды. Она была аналогичной или даже меньшей, чем в прошлый раз»²¹. С этим заявлением Лассины Зербо коррелируется и высказывание министра иностранных дел России Сергея Лаврова, который 26 января 2016 г. в ходе пресс-конференции для представителей средств массо-

¹⁹ Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации... С. 33.

²⁰ Цит. по: Цитата номера // Ядерный Контроль. 2016. Янв. № 1(474). URL: http://www.pircenter.org/mailouts/view-letter/id/1/letter_id/1055

²¹ Следующими присоединиться к ДВЗЯИ могли бы Израиль и Иран // ПИР-Центр. 2016. Янв. URL: <http://pircenter.org/articles/2002-sleduyuschimi-prisoedinyaya-k-dvzyai-mogli-by-izrail-i-iran>

вой информации сообщил: «Мы не уверены, что это было испытание именно водородной бомбы»²².

Здесь следует отметить следующее весьма важное обстоятельство. Исторический опыт создания и совершенствования атомного оружия свидетельствует, что прорывов в этой сфере вооружений просто так не бывает: им неоткуда взяться, если не создана соответствующая научно-производственная база. Несмотря на оценки некоторых компетентных экспертов²³, у КНДР появляется возможность создания термоядерного оружия, но нет базы для создания ядерных боеприпасов малого энерговыделения, которые могут генерировать гамма-лучи и «огненные шары» («fireballs») так называемого супер-ЭМИ оружия, об угрозе появления которого у КНДР летом 2014 г. заявил бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси²⁴. Представляется очевидным, что не только сегодня, но и в обозримой перспективе Пхеньяну просто неоткуда взять требующиеся ресурсы для создания водородной бомбы или же супер-ЭМИ оружия²⁵.

Поэтому, исходя из реалистичной оценки возможностей ядерного оружейного комплекса КНДР, следует ожидать, что на обозримую перспективу усилия северокаорейских специалистов будут направлены главным образом на увеличение производства ядерных боеприпасов существующего типа с одновременной их миниатюризацией²⁶.

²² Лавров: «Мы не уверены, что КНДР испытывала водородную бомбу» // ИА REGNUM. 2016. 26 янв. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2064338.html>

²³ Лихолетов А. Мистификации по обе стороны Тихого океана // Независимое военное обозрение. 2013. 25 окт. № 39. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2013-10-25/1_kndr.html

²⁴ 25 июля 2014 г. южнокорейское информационное агентство «Ренхап» сообщило о том, что бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси в переданном в один из комитетов Палаты представителей Конгресса США заявлении утверждал, что Северная Корея вскоре сравнится с возможностями России и Китая по обретению супер-ЭМИ оружия с ядерной накаткой (Лихолетов А. Шоу должно продолжаться // Независимое военное обозрение. 2014. 19 сент. № 33. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-09-19/1_show.html).

²⁵ Здесь следует учитывать, что КНДР уже находится под санкциями международного сообщества, введенными в соответствии с четырьмя резолюциями Совета Безопасности ООН, принятыми в 2006–2013 гг., а в ближайшее время эти санкции после принятия 2 марта 2016 г. новой резолюции СБ ООН 2270 будут ужесточены.

²⁶ В опубликованной Министерством обороны Республики Корея «Белой книге» за 2014 г. утверждается, что «возможности Северной Кореи по уменьшению габаритов ядерных боеприпасов достигли, как представляется, значительного уровня» (В Сеуле считают, что Северная Корея научилась делать не-

Уменьшение массы ядерного боеприпаса до 1000 кг позволит разместить его в ГЧ уже имеющихся у КНДР баллистических ракет типа «Нодон». Но перед этим обязательно потребуется провести натурное испытание такого боеприпаса. Так что очередное ядерное испытание на северокорейском полигоне Кильчу будет проведено, скорее всего, в ближайшее время²⁷.

Американо-корейский институт Университета Джона Хопкинса совместно с Университетом национальной обороны США в рамках проводимого ими исследования «Ядерное будущее Северной Кореи» подготовил прогноз развития северокорейской ядерной программы до 2020 г., презентация которого состоялась в феврале 2015 г. в Вашингтоне. В этом прогнозе утверждается, что к 2020 г. ядерный арсенал КНДР может возрасти до 50–100 боеприпасов²⁸. Однако, по нашим оценкам, более реалистично достижимым представляется арсенал в 50–60 ядерных боеприпасов.

Ракетный потенциал КНДР

Согласно примерным оценкам, к концу 2015 г. вооруженные силы КНДР могли иметь в своем составе следующие оперативно развернутые ракетные силы:

- один отдельный ракетный полк и три отдельных ракетных дивизиона, вооруженных тактической ракетой (ТР) «Луна-М» (всего 21 мобильная пусковая установка на колесном шасси);
- четыре отдельных ракетных дивизиона, вооруженных оперативно-тактической ракетой (ОТР) KN-02 (всего 16 мобильных пусковых установок на колесном шасси);
- один отдельный ракетный полк, вооруженный ОТР типа «Скад» (28 мобильных пусковых установок на колесном шасси);

большие ядерные боеголовки // ТВ-Новости. 2015. 6 янв. URL: <https://russian.rt.com/article/67884>

²⁷ Об этом, в частности, свидетельствует сделанное 7 февраля 2016 г. южнокорейским информационным агентством «Ренхап» заявление, в котором со ссылкой на Национальную разведывательную службу Республики Корея утверждается, что КНДР запланировала пятое по счету ядерное испытание (КНДР может провести пятое по счету ядерное испытание // Rambler News Service. 2016. 7 февр. URL: <https://rns.online/military/KNDR-mozhet-provesti-pyatoe-po-schetu-yadernoe-ispitanie-2016-02-07/>

²⁸ Бархатова Н. В США прогнозируют появление у КНДР 100 ядерных боеголовки к 2020 году // Коммерсант. 2015. 25 февр. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/%202674889>

- три отдельных ракетных дивизиона, вооруженных баллистической ракетой средней дальности (БРСД) «Нодон-1» (всего 9 мобильных пусковых установок на колесном шасси).

Одноступенчатая твердотопливная ТР «Луна-М» (северокорейское название — «Хвасон-3») со стартовой массой 2,3 т оснащается неотделяемой ГЧ массой 450 кг и имеет дальность стрельбы до 65 км²⁹. Первые образцы этой неуправляемой ракеты с технологией ее производства были приобретены КНДР у Советского Союза в конце 1960-х гг.³⁰

Одноступенчатая твердотопливная ОТР КН-02 («Хвасон-11») со стартовой массой 2 т оснащается неотделяемой ГЧ массой около 480 кг и имеет дальность стрельбы до 120–140 км. Принята на вооружение в 2007–2008 гг. Ее прототипом послужила ОТР «Точка» советского производства, образцы которой были переданы КНДР Сирией в середине 1990-х гг.³¹ В августе–сентябре 2014 г. проведена серия испытательных пусков усовершенствованной модификации ракеты КН-02 (она упоминается в СМИ как ракета малой дальности КН-10)³². Прогнозируемая максимальная дальность стрельбы этой ракеты — до 200 км.

Одноступенчатая жидкостная ОТР «Скад-В» («Хвасон-5») со стартовой массой 6,4 т оснащается неотделяемой ГЧ массой 1000 кг и имеет дальность стрельбы до 300 км³³. Принята на вооружение в 1987 г. Прототип этой ракеты советского производства (известна как 8К14) был приобретен КНДР у Египта в 1980 г. В конце 1980-х гг. в КНДР с помощью китайских специалистов был создан усовершенствованный образец ракеты «Скад-В», получивший наименование «Скад-С» («Хвасон-6»). За счет удлинения топливных баков и уменьшения массы ГЧ до 700 кг дальность стрельбы этой ракеты возросла до 550 км³⁴.

Одноступенчатая жидкостная БРСД «Нодон-1» («Хвасон-7») со стартовой массой 16 т оснащается отделяемой ГЧ массой 1000 кг и имеет дальность стрельбы до 1000 км³⁵. Принята на вооружение в конце 1990-х гг. Она была разработана путем масштабирования ОТР типа

²⁹ Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации... С. 34.

³⁰ Там же. С. 33.

³¹ Там же.

³² Иностранная военная хроника// Зарубежное военное обозрение. 2014. № 11. С. 95.

³³ Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации... С. 34.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

«Скад»³⁶. В 2010 г. на военном параде в Пхеньяне был продемонстрирован модернизированный образец этой ракеты, получивший название «Нодон-1М» («Хвасон-9»)³⁷. По сравнению с базовым образцом ракета «Нодон-1М» имеет укороченные топливные баки (на 1,5 м) и оснащается облегченной ГЧ (масса 500 кг). Предполагаемая максимальная дальность стрельбы этой ракеты может составить 1300–1500 км³⁸.

Все ракеты, ныне состоящие на вооружении северокорейских ракетных подразделений, оснащены головными частями в обычном снаряжении двух типов: осколочно-фугасные и кассетные. Потенциально, как уже отмечалось, БРСД «Нодон-1» может стать носителем ядерной ГЧ.

На упомянутом выше параде 2010 г. была также показана одноступенчатая баллистическая ракета нового образца, получившая наименование «Мусудан» («Хвасон-10»)³⁹. Она транспортировалась на колесной пусковой установке. Ее диаметр составлял 1,5 м, а длина – 12 м. По своему внешнему виду эта ракета напоминала советскую жидкостную ракету морского базирования Р-27 (совпадают диаметры корпусов и формы ГЧ, но длина северокорейской ракеты на 1,5 м больше)⁴⁰. Согласно последним публикациям в зарубежных СМИ, максимальная дальность стрельбы у ракеты «Мусудан» может составлять 3200–4000 км при массе ГЧ до 650 кг⁴¹.

Недавно появилась неподтвержденная официальными источниками информация о том, что в апреле 2016 г. якобы было проведено два испытательных пуска БРСД «Мусудан», которые завершились неудачей. Ранее прошла неофициальная информация о формировании в вооруженных силах КНДР двух отдельных ракетных дивизионов (в общей сложности – 8 мобильных пусковых установок), у которых на воору-

³⁶ Двигательная установка БРСД «Нодон-1» представляет собой связку из четырех однокамерных жидкостных двигателей ОТР «Скад-С», закрепленных на жесткой раме (Лихолетов А. Шоу должно продолжаться...).

³⁷ В США этой ракете дано наименование «Нодон-2010» (см.: Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации... С. 35).

³⁸ Летных испытаний БРСД «Нодон-1М» зафиксировано не было.

³⁹ В США о наличии этой ракеты у КНДР заявляют с 2002 г. (Там же).

⁴⁰ Лихолетов А. Шоу должно продолжаться...

⁴¹ Gallagher S. North Korea Test-Launches «Polaris-1» Ballistic Missile from Submarine // *Ars Technica*. 2015. 11 May. URL: <http://arstechnica.com/tech-policy/2015/05/north-korea-test-launches-polaris-1-ballistic-missile-from-submarine/>

жении должна находиться БРСД «Мусудан», и что эти дивизионы возвращены вблизи восточного побережья КНДР⁴².

В апреле 2012 г. на очередном военном параде в Пхеньяне была представлена новая северокорейская ракетная разработка — баллистическая ракета KN-08 («Хвасон-13»)⁴³. Она транспортировалась на восьмиосной колесной пусковой установке и по внешним признакам представляла собой трехступенчатую твердотопливную ракету диаметром 2 м и длиной около 19 м. Утверждается, что эта ракета обладает межконтинентальной дальностью стрельбы, но подтвердить это не представляется возможным, поскольку ее испытательных пусков не проводилось.

Имеют место весомые подозрения, базирующиеся на оценках ряда отечественных специалистов и таких зарубежных экспертов, как Майкл Эллеман из Международного института стратегических исследований — Ближний Восток (Бахрейн) и Маркус Шиллер и Роберт Шмукер из немецкой фирмы Schmucker Technologie, что на параде 2012 г. был показан макет ракеты KN-08, до воплощения которого в реальный образец потребуются значительное время⁴⁴. По неподтвержденной информации, в мае и октябре 2014 г. в КНДР были проведены огневые испытания твердотопливных двигателей ракеты KN-08.

Помимо создания баллистических ракет «Мусудан» и KN-08, в КНДР реализуется еще один проект по созданию двухступенчатой жидкостной баллистической ракеты «Тэпходон-2». Отработка технологии создания этой ракеты была осуществлена в ходе запусков космических ракет-носителей «Ынха-2» (апрель 2009 г.) и «Ынха-3» (апрель и декабрь 2012 г., февраль 2016 г.)⁴⁵. В первой ступени этих ракет-носителей использовались четыре двигательные установки БРСД «Нодон-1», соединенных общей рамой, а во второй ступени — жидкостной ракетный двигатель ОТР «Скад-С». С учетом успешных запусков ракет-носителя «Ынха-3» в декабре 2012 г. и феврале 2016 г., которые за-

⁴² Oliemans J., Mitzer S. First North Korean SLBM Presents Wholly Novel Threat // NK News. 2015. 11 May. URL: <https://www.nknews.org/2015/05/first-north-korean-slbm-presents-wholly-novel-threat/>

⁴³ Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации... С. 39.

⁴⁴ Там же. С. 36, 39; Лихолетов А. Мистификации по обе стороны Тихого океана...

⁴⁵ Подробно см.: Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации... С. 36–38; Эксперт: КНДР под прикрытием космической программы создает ядерный носитель // Rambler News Service. 2016. 7 февр. URL: <https://rns.online/military/Ekspert-KNDR-pod-prikritiem-kosmicheskoi-programmi-sozdaet-yadernii-nositel-2016-02-07/>

вершились выводом на низкую околоземную орбиту спутников съемки земной поверхности «Кванменсон-3» и «Кванменсон-4»⁴⁶, можно предположить, что северокорейцам удастся к концу текущего десятилетия создать баллистическую ракету «Тэпходон-2». Оценочно она будет представлять собой ракету со стартовой массой около 65 т, длиной до 32 м и наибольшим диаметром корпуса 2,4 м, а ее максимальная дальность стрельбы может составить от 3500 до 6000 км — в зависимости от массы ГЧ⁴⁷. Для данной ракеты может быть создана ядерная ГЧ.

В целях обеспечения предстоящих испытаний разрабатываемых баллистических ракет с начала 2014 г. на северокорейском полигоне Сохэ (его другое употребляемое название — Тончандон), находящегося на западном побережье КНДР в провинции Пхённан-Пукто, ведутся работы по модернизации и расширению его инфраструктуры⁴⁸. Работы первой очереди были завершены в 2015 г. Это позволило возобновить запуск с полигона космических ракет-носителей «Ынха-3». Работы второй очереди могут быть выполнены в 2016 г., после чего следует ожидать, что с этого полигона возобновятся испытательные пуски баллистических ракет средней и большей дальности.

Принципиально новым направлением наращивания ракетного потенциала КНДР стала разработка подводной лодки с баллистическими ракетами (БРПЛ) на борту.

Сообщения о ведущихся в этом направлении работах появились в зарубежных СМИ в конце лета 2014 г. В частности, в августе интернет-издание «Вашингтон фри бикэн», специализирующееся на политической и военной тематике, сообщило, что американским спецслужбам удалось получить данные о строящейся северокорейской субмарине для запуска БРПЛ и что КНДР уже обладает такими ракетами⁴⁹. Позднее, в конце октября, на интернет-сайте Американско-корейского института Университета Джона Хопкинса появилась информация, что сделанные с коммерческих спутников снимки позволили обнаружить «новый испытательный стенд на Южной верфи в Синпхо, который,

⁴⁶ Эти спутники массой до 100 кг были выведены на солнцесинхронную орбиту высотой около 500 км, но они не смогли стабилизировать свою ориентацию относительно поверхности Земли, что не позволило им сделать снимки земной поверхности и передать их на приемные станции на территории КНДР.

⁴⁷ Wit J. S., Ahn S.Y. Op. cit.

⁴⁸ КНДР расширяет полигон для пуска ракет // Интерфакс. 2014. 30 янв. URL: <http://www.interfax.ru/world/354793>

⁴⁹ Цит. по: КНДР создаст подлодку, оснащенную баллистическими ракетами // Военно-промышленный курьер. 2014. 27 авг. URL: <http://vpk-news.ru/news/21608>

вероятно, предназначен для отработки запуска баллистических ракет с подводных лодок...»⁵⁰ В марте 2015 г. источники в дипломатических и военных кругах Республики Корея сообщили, что в КНДР спущена на воду дизельная подводная лодка класса «Синпхо», способная осуществлять пуски баллистических ракет⁵¹.

Утром 9 мая 2015 г. новостные ленты информагентств буквально «взорвало» сообщение Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК) о том, что в КНДР состоялся испытательный запуск с подводной лодки мощной корейской стратегической баллистической ракеты⁵². Эта новость сопровождалась показом телесъемки выхода из-под воды баллистической ракеты.

Спустя несколько дней в американских и южнокорейских СМИ появились комментарии относительно запуска этой северокорейской ракеты со ссылками на разведывательные службы США и Республики Корея. В них утверждается, что запуск ракеты был проведен с погруженной баржи⁵³, а не с подводной лодки класса «Синпхо», и что она пролетела короткую дистанцию — около 150 м⁵⁴.

Эта информация представляется правдоподобной, поскольку согласно мировой практике отработка запуска из-под воды любой БРПЛ начинается с проведения так называемого броскового испытания с задействованием погруженного в воду испытательного стенда. Следует также заметить, что этот испытательный запуск БРПЛ не был инсценировкой, как об этом поспешили заявить некоторые зарубежные специалисты⁵⁵. Проведение бросковых испытаний является нормальной практикой отработки и проверки работоспособности как конструкции

⁵⁰ Bermudez Jr., J. S. North Korea: Test Stand for Vertical Launch of Sea-Based Ballistic Missiles Spotted // 38 North. 2014. 28 Oct. URL: <http://38north.org/2014/10/jbermudez102814/>

⁵¹ КНДР заявила о проведении подводного запуска баллистической ракеты // РИА Новости Украина. 2015. 9 мая. URL: http://rian.com.ua/world_news/20150509/367289996.html

⁵² Есин В. И. Таинственный агрессор: северокорейская ядерная проблема не имеет решения по принципу «все и сразу» // Военно-промышленный курьер. 2015. 15 июл. № 26. URL: <http://vpk-news.ru/articles/26092>

⁵³ По-видимому, эта баржа представляла собой тот испытательный стенд, который был обнаружен в октябре 2014 г. на Южной верфи в Синпхо.

⁵⁴ Lewis J. DPRK SLBM Test // Arms Control Wonk. 2015. 13 May. URL: <http://www.armscontrolwonk.com/archive/207631/dprk-slbm-test/>; Oliemans J., Mitzer S. Op. cit.

⁵⁵ См., например: Американская разведка: КНДР инсценировала запуск баллистической ракеты из-под воды // Центральный Военно-Морской Портал. 2015. 13 мая. URL: <http://flot.com/2015/194222/>

ракеты, так и пусковой шахты на ранней стадии проведения летно-конструкторских испытаний.

Что касается типа испытанной БРПЛ, то большинство из заслуживающих доверия неофициальных источников считают, что был испытан прототип жидкостной БРСД «Мусудан», адаптированный для запуска из-под воды⁵⁶. Северокорейцы этой БРПЛ дали название «Вуккеуксеонг-1», южнокорейцы — «Polaris-1», а в Пентагоне она получила обозначение KN-11.

Проведенное испытание БРПЛ показало, что КНДР приступила к созданию ракетных подводных лодок, опередив существовавшие до 9 мая 2015 г. экспертные оценки их возможностей в этой сфере вооружений. Южнокорейские правительственные чиновники полагают, что уже через пять лет КНДР будет обладать ограниченным потенциалом ракетных подводных сил⁵⁷. Нельзя исключать, что к концу этого периода часть развернутых БРПЛ может быть оснащена ядерной ГЧ.

Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящее время северокорейские специалисты испытывают серьезные затруднения в отработке создаваемой БРПЛ: проведенный в ноябре 2015 г. испытательный пуск этой ракеты завершился неудачей (ракета взорвалась в полете после выхода из-под воды). А опубликованные 8 января 2016 г. северокорейским государственным телеканалом кадры якобы успешного испытания создаваемой БРПЛ, которое, как сообщалось, было проведено в декабре 2015 г., оказались подделкой. В реальности испытание было неудачным: ракета была запущена, загорелась, а затем произошла катастрофическая потеря мощности ее двигательной установки и она упала в море⁵⁸.

Заключение

У определенной части международного сообщества есть надежды, что нынешние северокорейские власти под давлением тех санкций, которые введены Советом Безопасности ООН и в одностороннем порядке правительствами ряда государств, враждебно относящихся к

⁵⁶ Gallagher S. Op. cit.; Lewis J. Op. cit.; Oliemans J., Mitzer S. Op. cit.

⁵⁷ Gallagher S. Op. cit.

⁵⁸ Panda A. How Far Along Are North Korea's Submarine-Launched Ballistic Missiles? // The Diplomat. 2016. 11 Jan. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/how-far-along-are-north-koreas-submarine-launched-ballistic-missiles/>

КНДР⁵⁹, откажутся от реализации национальных ядерных и ракетных программ. Эти надежды представляются иллюзорными. КНДР обладает огромным опытом выживания в суровых условиях⁶⁰.

Определяющим же является то, что Пхеньян рассматривает обладание ракетно-ядерным потенциалом как главную гарантию обеспечения национальной безопасности и сохранения существующего политического режима. По информации, которая в сентябре 2014 г. была опубликована в центральной северокорейской партийной газете «Нодон синмун», «КНДР будет по-прежнему наращивать свой ядерный потенциал в целях самообороны в соответствии с законным правом обеспечить защиту государства и нации»⁶¹. И произошедшие в январе и феврале 2016 г. события, о которых упоминалось выше, свидетельствуют о том, что взятый северокорейскими властями курс на наращивание ракетно-ядерных возможностей КНДР не претерпел изменения.

Как справедливо отмечает Джоэл Уит, один из ведущих сотрудников Американско-корейского института Университета Джона Хопкинса, «сегодня Ким Чен Ын (нынешний северокорейский лидер. — *Авт.*) все активнее навязывает международному сообществу выбор: принять тот факт, что у Северной Кореи есть ядерное оружие либо столкнуться с периодической нестабильностью и напряженностью на Корейском полуострове»⁶². Этот северокорейский вызов, конечно же, неприятен для международного сообщества, но из этого посыла приходится исходить при поиске выхода из возникшего на Корейском полуострове ядерного тупика. Поэтому, как представляется, возобновление в прежнем аспекте приостановленных в апреле 2009 г. шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова уже практически утратило смысл. Теперь, очевидно, потребуются новые подходы, адекватные сложившимся реалиям.

Международному сообществу следует принять как данность, что КНДР так же, как ранее Индия, Пакистан и Израиль, не откажется добровольно от своего ракетно-ядерного потенциала. Поэтому международные дипломатические усилия должны быть направлены на то, чтобы через нормализацию отношений с КНДР, прежде всего в формате КНДР-США, остановить рост ракетно-ядерного потенциала этой страны и стабилизировать ситуацию на Корейском полуострове, чтобы

⁵⁹ К числу таких государств относятся прежде всего США и их союзники по НАТО, а также Япония и Республика Корея.

⁶⁰ См., например: Рамм А. Демонстрация удалась // Военно-промышленный курьер. 2016. 10 февр. № 5. URL: <http://vpk-news.ru/articles/29105>

⁶¹ Цит. по: Есин В. И. Указ. соч.

⁶² Бархатова Н. Указ. соч.

исключить развязывание здесь новой войны, которая с большой вероятностью может привести к применению ядерного и других видов оружия массового поражения.

При этом не следует рассчитывать, что северокорейские власти согласятся на приостановку наращивания или же на ограничение ракетно-ядерного потенциала своей страны только лишь за отмену введенных против них санкций. Потребуется предоставить КНДР и определенные преференции (их характер и объем — предмет будущих договоренностей). И эту своеобразную плату не следует расценивать как одностороннюю уступку Пхеньяну. Как представляется, преференции, которые потребуется предоставить КНДР, окажутся ничтожными по сравнению со значимостью для международной безопасности стабильности на Корейском полуострове, которая будет обеспечена в результате состоявшейся «сделки». Другой вопрос, удастся ли склонить Ким Чен Ына и его окружение к этой «сделке». Уверенности в этом нет, но попробовать с самыми серьезными намерениями обязательно стоит. Другого выхода из возникшего тупика на шестисторонних переговорах не просматривается.

Если это удастся осуществить, то возникнут благоприятные условия для решения в перспективе и главной задачи шестисторонних переговоров — полной денуклеаризации Корейского полуострова. Ныне определяющим является срочность решения ближайшей задачи — остановить рост ракетно-ядерного потенциала КНДР и надежно стабилизировать ситуацию на Корейском полуострове.

Виктор Есин

Израиль

В своих заявлениях израильские официальные лица никогда не подтверждают, но и не отрицают наличия у Израиля ядерного оружия. Информация о его ядерных вооружениях и планах их возможного применения остается закрытой и изолированной от остальных событий внутри страны.

В то же время подавляющее большинство экспертов международного сообщества уверены, что у Израиля есть ядерное оружие. Имевшиеся у кого-либо сомнения были окончательно развеяны 5 октября 1986 г., когда в газете *The Sunday Times* было опубликовано интервью бывшего сотрудника израильского атомного научно-исследовательского центра в Димоне Мордехая Вануну, в котором он рассказал о программе создания ядерного оружия в Израиле, сопроводив свое интервью фотографиями, сделанными им на территории центра¹.

В данной статье представлены оценки ядерной программы Израиля, его ядерных вооружений и ядерной стратегии².

Тайный ядерный потенциал

Старт ядерной программе Израиля дан в 1952 г., когда была создана Комиссия по атомной энергетике, которую возглавил Эрнст Дэвид

¹ From the Archive: The Secrets of Israel's Nuclear Arsenal Revealed // *The Sunday Times*. 2008. 21 Sept. URL: http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/article237419.ece; Vanunu's Photos Of Dimona – 1985 // *The U.S. Campaign to Free Mordechai Vanunu*. 2009. 1 Oct. URL: <http://www.vanunu.com/uscampaign/photos.html>

² См. также: Esin V. I. *Israel's Nuclear Policy // Nuclear Non-Proliferation in the Middle East Context* / ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin, S. Oznobishchev. Moscow: IMEMORAN, 2013. P. 9–26. URL: http://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2013/13017_en.pdf; Есин В. Оружие последней надежды // *Военно-промышленный курьер*. 2013. 23 окт. № 41(509). URL: <http://vpk-news.ru/articles/17884>

Бергманн, специалист в области органической химии (он считается «отцом» израильской ядерной программы). В становлении и развитии этой программы большую роль сыграло научно-техническое сотрудничество Израиля с дружественными ему странами, в первую очередь и в наибольших масштабах — с Францией и США.

Особенно тесно в разработке ядерного оружия израильтяне сотрудничали с Францией. В 1950–1960-х гг. специалисты Израиля участвовали в программе создания французской ядерной бомбы, и израильской стороне были переданы данные, полученные в ходе проведения Францией в 1960–1964-х гг. ядерных испытаний в пустыне Сахара³. Помимо этого, Франция помогла Израилю создать производственную базу для наработки оружейного плутония. Согласно секретному франко-израильскому соглашению, подписанному в 1956 г., французы построили в Димоне (пустыня Негев, 120 км юго-восточнее Тель-Авива) тяжеловодный реактор IRR-2 на природном уране, первоначальной электрической мощностью 26 МВт. Этот реактор был введен в эксплуатацию в 1963-м и модернизирован в 1970-е гг.: по оценке, его электрическая мощность увеличилась до 75–150 МВт. Как следствие, наработка плутония оружейного качества могла возрасти с 7–8 до 20–40 кг в год⁴.

После пуска реактора IRR-2 Израиль сделал важный шаг в реализации своей военной ядерной программы. Вокруг этого реактора образовался атомный научно-исследовательский центр Негев (Negev Nuclear Research Center — NNRC), где осуществляются основные работы по производству разделяющихся материалов для ядерных боеприпасов. В этом атомном центре, объекты которого расположены большей частью под землей, помимо реактора IRR-2, имеются промышленная радиохимическая установка по выделению плутония из облученного в реакторе топлива⁵, предприятие по очистке и переработке урановой руды, опытный каскад газовых центрифуг по разделению изотопов урана, заводские установки по производству металлических урана и плу-

³ Наумкин В., Евстафьев Г., Новиков Е. Ближний и Средний Восток // Ядерное оружие после «холодной войны» / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 447.

⁴ Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения // Служба внешней разведки Российской Федерации. 2012. 11 июля. URL: <http://www.svr.gov.ru/material/2-13-6.htm>

⁵ Это промышленная радиохимическая установка (другое ее название — завод Mochosh-2) была создана с участием французской компании Saint-Gobain Nucleaire. Ее годовая производительность оценивается в 15–40 кг оружейного плутония (Там же).

тония, а также топлива (твэлов) для ядерных реакторов, комплекс по производству тяжелой воды (трития), лития-6 и дейтерида лития⁶, ряд научно-исследовательских лабораторий, в том числе по лазерному⁷ и магнитному способу разделения изотопов урана.

Существуют различные экспертные оценки количества произведенного в Израиле оружейного плутония. Из них наибольшего доверия заслуживают данные Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), согласно которым по состоянию на 2014 г. в Израиле могло быть произведено 730–990 кг оружейного плутония. Причем, по сведениям СИПРИ, производство оружейного плутония в стране до сих пор продолжается, что косвенно свидетельствует о намерении Тель-Авива наращивать ядерный потенциал⁸.

Что касается использования урана, еще в 1972 г. Израиль перестал нуждаться в зарубежных поставках уранового сырья. Промышленность по производству фосфатных удобрений могла ежегодно производить в качестве сопутствующего продукта от 40 до 50 т оксида урана, что вдвое превышало годовую потребность реактора IRR-2⁹. К началу 1990-х гг. производство оксида урана в Израиле было доведено до 100 т в год¹⁰. Тем не менее зарубежные исследователи, например из СИПРИ, не приводят данных о стремлении Израиля наладить промышленное производство высокообогащенного урана (ВОУ)¹¹. Если это так, то отсутствует и производство ядерных боеприпасов на его основе. Потребное количество ВОУ, необходимое для изготовления топлива для легководного реактора IRR-1 (о нем будет сказано ниже), набирается в

⁶ Имея в своем распоряжении эти материалы, израильские специалисты вполне способны разработать ядерные боеприпасы с «начинкой», в которых для повышения эффективности взрыва используется реакция ядерного синтеза. Тем самым появляется возможность минимизировать массу ядерного боеприпаса при сохранении его прежней мощности, что особенно ценно при разработке ядерных боеголовок для ракет (позволяет увеличить их дальность стрельбы за счет снижения массы головной части).

⁷ Метод лазерного обогащения урана был запатентован Израилем в 1974 г. (Там же).

⁸ Kile S. N., Kristensen H. M. *Israeli Nuclear Forces // SIPRI Yearbook 2015. Armaments, Disarmament and International Security / ed. by I. Davis. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 507.*

⁹ Наумкин В., Евстафьев Г., Новиков Е. Указ. соч. С. 449.

¹⁰ Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения...

¹¹ Кайл Ш.Н., Шелл Ф., Кристенсен Х. М. *Ядерные силы Израиля // Ежегодник СИПРИ 2012: вооружения, разоружение и международная безопасность / пер с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 375–376.*

NNRC, где, как уже упоминалось, имеются соответствующие опытные и лабораторные установки. Надо также иметь в виду, что для обеспечения работы реактора IRR-1 в 1960—1966 гг. США поставили Израилю 50 кг ВОУ.

Начало американо-израильскому сотрудничеству в ядерной области было положено в 1955 г. США согласились возвести в Нахал-Сореке (20 км южнее Тель-Авива) исследовательский легководный реактор IRR-1 бассейного типа, электрической мощностью 5 МВт¹². Его физический пуск был осуществлен в июне 1960 г., а также началась подготовка израильских специалистов в национальных лабораториях в Ок-Ридже и Аргоне (за 1955—1960-е гг. в этих лабораториях прошли обучение 56 израильских ядерщиков).

Реактор IRR-1 вследствие малой мощности вряд ли мог использоваться в качестве наработчика оружейного плутония, но именно на этом реакторе израильские специалисты получили опыт обращения с ВОУ. Вокруг реактора IRR-1 позднее был выстроен комплекс зданий, в которых разместились лаборатории и вырос научно-исследовательский центр, где проводятся различные исследования в области ядерной науки и техники, в том числе военной направленности. В частности, как предполагается, именно в этом центре осуществляются исследования и конструкторские разработки ядерных боеприпасов¹³. Завод по сборке ядерных боеприпасов находится в другом месте — в Иодефате (130 км северо-восточнее Тель-Авива).

В области военного использования ядерной энергии Израиль сотрудничал и с другими странами, например в 1970-е гг. с ЮАР и Тайванем. В частности, в 1977 г. журнал «Newsweek», ссылаясь на мнение экспертов из американского разведывательного сообщества, представил мнение, что атомная бомба ЮАР являлась израильским ядерным устройством¹⁴. 22 сентября 1979 г. точно в 01.00 по Гринвичу датчики на борту американского спутника VELA 6911 зафиксировали две световые вспышки в Индийском океане в районе островов Принс-Эдуард, принадлежащих ЮАР, что явилось вероятным свидетельством

¹² Реактор IRR-1, в отличие от реактора IRR-2, поставлен под гарантии МАГАТЭ. Израиль соответствующее Соглашение о гарантиях подписал с МАГАТЭ в 1975 г. (см.: Ядерное нераспространение: краткая энциклопедия / гл. ред. А. В. Хлопков. М.: РОССПЭН; ПИР-Центр, 2009. С. 45).

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: Magubane B. Israel and South Africa: the Nature of the Unholy Alliance // United Nations Information System on the Question of Palestine. 1980. 14—18 Jul. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsi/0/4305EF25EF45128485256DC20068F875>

ядерных испытаний. Список подозреваемых в их проведении государств быстро сузился до ЮАР и Израиля¹⁵.

Судя по всему, политическое решение о создании ядерного оружия было принято руководством Израиля в 1955 г., а соответствующая программа стала форсированно развиваться после Суэцкого кризиса осенью 1956-1957 гг.¹⁶ Вероятно, к этому шагу Тель-Авив подтолкнула угроза применения ядерного оружия против Израиля, которая прозвучала в выступлении Председателя Совета министров СССР Николая Булганина¹⁷. По оценке Института стратегической стабильности (ИСС) Росатома, первые израильские ядерные боеприпасы могли быть изготовлены в 1967–1968 гг.¹⁸, а американский исследовательский центр Global Security утверждает, что уже во время так называемой шестидневной войны 1967 г. Израиль обладал двумя атомными бомбами¹⁹. С тех пор производство ядерных боеприпасов в Израиле непрерывно наращивалось, а их номенклатура расширялась: к ранее производимым атомным авиабомбам мощностью 20 Кт добавились ракетные ядерные боеголовки той же мощности.

Экспертные оценки ядерного арсенала Израиля разнятся в широком диапазоне. Так, в СИПРИ полагают, что израильтяне обладают примерно 80 собранными ядерными боеприпасами — 50 боеголовками для ракет и 30 бомбами для авиации²⁰. В ИСС Росатома считают, что суммарно в ядерном арсенале этой страны имеется от 130 до 200 боеприпасов²¹. Есть и оценки, согласно которым к концу 1990-х гг. у Израиля было 400 боеприпасов, включая авиабомбы, боеголовки для баллистических ракет, снаряды крупнокалиберных артиллерийских систем и мины²².

Как представляется, в условиях существующей неопределенности в отношении ядерного арсенала Израиля наиболее аргументированной оценкой является та, которая исходит из расчета накопленных в стране

¹⁵ Шульман А. Есть ли у Израиля ядерное оружие? // JewniverseYiddish Shtetl. 2007. 30 окт. URL: <http://www.jewniverse.ru/biher/AShulman/37.htm>

¹⁶ Ядерное нераспространение: краткая энциклопедия... С. 44.

¹⁷ Млечин Л. МИД: Министры иностранных дел: Романтики и циники. М.: Центрполиграф, 2001. С. 342.

¹⁸ Ядерное оружие и национальная безопасность / под ред. В.Н. Михайлова. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2008. С. 111.

¹⁹ Nuclear Weapons Stockpile // Global Security. 2004. 4 Sept. URL: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/israel/nuke-stockpile.htm>

²⁰ Kile S. N., Kristensen H. M. Op. cit. P. 507.

²¹ Ядерное оружие и национальная безопасность... С. 111.

²² Шульман А. Указ. соч.

запасов оружейного плутония. Общеизвестно, что для изготовления одного ядерного заряда достаточно 5 кг оружейного плутония²³. Исходя из этой предпосылки, легко подсчитать, что при использовании всех имеющихся у Израиля на 2011 г. запасов оружейного плутония (690–950 кг) могло быть произведено 138–190 ядерных боеприпасов.

При этом вряд ли для производства ядерных боеприпасов были израсходованы все запасы оружейного плутония. Можно предполагать, по аналогии с практикой других де-юре непризнанных ядерных государств, что до четверти своих запасов оружейного плутония Тель-Авив оставил в резерве для непредвиденных нужд. Исходя из этого, к началу 2012 г. в ядерном арсенале Израиля могло насчитываться от 100 до 140 боеприпасов. Вполне резонно, что их номенклатура соответствует составу израильских ядерных носителей (о них речь будет идти ниже). С большой долей уверенности можно утверждать, что у Израиля нет ядерных артиллерийских снарядов и ядерных мин, информация о наличии таких боеприпасов никогда не подтверждалась.

Таким образом, можно сделать вывод: в Израиле создана полноценная исследовательско-производственная база атомной промышленности, которая позволяет не только поддерживать, но и наращивать ядерный потенциал. При этом нельзя исключать интерес Тель-Авива к разработке термоядерного оружия, но на этом пути непреодолимым препятствием была бы потребность в проведении натуральных ядерных испытаний. В сентябре 1996 г. Израиль подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), но пока не ратифицировал его. Маловероятно, что Тель-Авив решится на проведение натуральных ядерных испытаний без крайней нужды.

Системы оружия и силы

Экспертный анализ структуры израильских вооруженных сил показывает, что страна располагает ядерной триадой, опирающейся на носители двойного предназначения, которыми являются тактические самолеты, мобильные ракетные комплексы и дизель-электрические подводные лодки с крылатыми ракетами²⁴.

Из имеющихся на вооружении ВВС Израиля самолетов в качестве носителей атомных бомб могут быть использованы тактические истребители F-4, F-15 и F-16 американского производства, а также штур-

²³ Ядерное нераспространение: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. Т. I. С. 45.

²⁴ Ядерное оружие и национальная безопасность... С. 111.

мовики А-4, поставленные США, которые ныне содержатся в режиме хранения²⁵.

Тактический истребитель F-4, имеющий боевой радиус действия 1120 км (без дозаправки в воздухе), максимальную скорость полета — 2585 км в час на высоте 12 000 м (а практический потолок — 21 000 м), способен нести одну атомную бомбу²⁶.

Тактический истребитель F-15 (F-15I в версии, доработанной в Израиле), имеющий боевой радиус действия 1650 км (без дозаправки в воздухе), максимальную скорость полета — 2650 км в час на высоте 11 000 м (практический потолок — 18 000 м), способен нести одну атомную бомбу.

Тактический истребитель F-16 (F-16I в версии, доработанной в Израиле), имеет боевой радиус действия 1500 км (без дозаправки в воздухе), максимальную скорость полета — 2100 км в час на высоте 11 000 м (практический потолок — 18 000 м), и способен нести одну атомную бомбу.

Штурмовик А-4, обладающий дальностью полета 1200 км (без дозаправки в воздухе), максимальной скоростью полета — 1000 км в час на высоте 5700 м, практический потолок — 10 500 метров, способен нести одну атомную бомбу.

Из общего парка тактических истребителей F-4, F-15 и F-16, которым располагают ВВС Израиля, для выполнения ядерных задач сертифицировано в общей сложности от 40 до 50 самолетов. Количество сертифицированных под ядерные задачи штурмовиков А-4 не превышает 8—10 единиц²⁷.

В начале 2012 г. появилась информация, что израильские тактические истребители версий F-15I и F-16I способны иметь на вооружении ядерные крылатые ракеты Poreu класса «воздух—земля»²⁸. Если эта информация достоверна, то боевые возможности авиационного компонента ядерной триады Израиля существенно возросли, поскольку дальность пуска ракет Poreu может превышать 1000 км.

²⁵ Там же. 112.

²⁶ Шульман А. Указ. соч.

²⁷ Согласно оценкам Х. Кристенсена и Р. Норриса, в Военно-воздушных силах Израиля два эскадрона с истребителями F-16, имеющие в своем составе средства доставки ядерного оружия и два эскадрона F-15, полностью сертифицированы под ядерные задачи (Kristensen H.M., Norris R.S. Israeli Nuclear Weapons, 2014 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2014. Vol. 70(6). P. 106).

²⁸ Мозговой А. Война в Заливе-3 // Национальная оборона. 2012. Февр. №2 (71). С. 18.

Помимо самолетов, на вооружении ВВС Израиля в составе мобильных ракетных комплексов находятся твердотопливные баллистические ракеты Jericho I и Jericho II, которые могут оснащаться головными частями как в обычном, так и в ядерном снаряжении.

Одноступенчатая баллистическая ракета меньшей дальности (БРМД) Jericho I принята на вооружение в 1972 г. В ее разработке принимала активное участие французская ракетостроительная фирма «Marcel Dassault». Эта ракета имеет стартовую массу 6,7 т и обладает дальностью стрельбы до 500 км при массе головной части около 1000 кг²⁹. Точность стрельбы (круговое вероятное отклонение) — около 500 м.

Двухступенчатая баллистическая ракета средней дальности (БРСД) Jericho II принята на вооружение в 2002 г. Она имеет стартовую массу около 14 т и обладает дальностью стрельбы 1500–1800 км при массе головной части 750–1000 кг. Точность стрельбы (круговое вероятное отклонение) — 800 м.

По оценке, всего у ВВС Израиля имеется до 150 БРМД Jericho I и от 50 до 90 БРСД Jericho II. Количество мобильных пусковых установок для этих ракет может составлять 30–40 единиц (18–24 — для ракет Jericho I и 12–16 — для ракет Jericho II)³⁰. В условиях мирного времени эти пусковые установки не развернуты, они размещены в специально оборудованных подземных сооружениях на ракетной базе «Кфар-Захария» (38 км южнее Тель-Авива).

Что касается перспективных разработок баллистических ракет повышенной дальности, то в Израиле ведется опытно-конструкторская работа по созданию трехступенчатой твердотопливной ракеты Jericho III. Ее первое летное испытание проведено в 2008 г., а второе — в ноябре 2011-го. Дальность стрельбы этой ракеты может превышать 4000 км при массе головной части 1000–1300 кг. Принятие на вооружение ракеты Jericho III ожидалось в 2015–2016 гг.

В качестве потенциального средства доставки большой дальности может рассматриваться и космическая ракета-носитель Shavit. Эта трехступенчатая твердотопливная ракета создана с использованием американских технологий. С ее помощью израильтяне вывели на низкие околоземные орбиты пять космических аппаратов массой около 150 кг каждый (в сентябре 1988-го, апреле 1990-го, апреле 1995-го, мае 2002-го и июне 2007 г.). Три запуска космических аппаратов, про-

²⁹ Ядерное оружие и национальная безопасность... С. 111–112.

³⁰ Шульман А. Указ. соч.

веденных в сентябре 1994-го, январе 1998-го и сентябре 2004 г., были неудачными.

Как полагают специалисты Национальной лаборатории имени Лоуренса (Ливермор, США), ракета-носитель Shavit может быть сравнительно легко модифицирована в боевую ракету, способную доставить полезную нагрузку массой 500 кг на расстояние 7800 км³¹. Однако рассматривать эту ракету-носитель в качестве эффективного средства доставки ядерного боеприпаса вряд ли возможно: она размещается на громоздком наземном пусковом устройстве и имеет весьма значительное время подготовки к старту. Вместе с тем конструктивные и технологические решения, достигнутые при создании ракеты-носителя Shavit, вполне могут быть использованы при разработке боевых ракет с дальностью стрельбы 5000 км и более.

Испытательные и учебно-боевые пуски боевых баллистических ракет и запуск космических аппаратов на околоземные орбиты Израиль осуществляет с ракетного испытательного полигона Палмахим, расположенного в 22 км юго-западнее Тель-Авива. Помимо этого, для проведения испытательных и учебно-боевых пусков боевых баллистических ракет используется буксируемая морская платформа, которая размещается в акватории Средиземного моря.

Морской компонент ядерной триады страны состоит из дизель-электрических подводных лодок класса Dolphin германского производства с крылатыми ракетами, которые могут оснащаться головными частями как в обычном, так и в ядерном снаряжении. В боевом составе ВМС Израиля три подводные лодки класса Dolphin, которые были доставлены из ФРГ в 1998–1999 гг. и дооборудованы с установкой ракетного вооружения (на каждой лодке — 10 пусковых контейнеров для запуска крылатых ракет из-под воды)³². Достоверные данные о типе крылатых ракет, которыми вооружены эти лодки, отсутствуют. По одним источникам, это модернизированные израильтянами американские крылатые ракеты Sub-Harpoon, с дальностью пуска до 600 км³³, по другим — ракеты собственной израильской разработки Porey-Turbo, созданные

³¹ Наумкин В., Евстафьев Г., Новиков Е. Указ. соч. С. 453.

³² Подводные лодки класса Dolphin поставлялись из ФРГ без ракетного вооружения. Израильтяне разработали специальные контейнеры для запуска крылатых ракет из-под воды и оснастили ими эти лодки (см.: Ядерное оружие и национальная безопасность... С. 112).

³³ Arbatov A. The Modern Arsenals of Nuclear States // Nuclear Reset: Arms Reduction and Nonproliferation / ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin, N. Bubnova. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2012. P. 63.

на базе крылатой ракеты Poreu класса «воздух–земля». Дальность пуска ракеты Poreu-Turbo может достигать 1500 км³⁴. В 2012–2013 гг. ФРГ поставила Израилю еще две подводные лодки класса Dolphin, которые после их дооснащения ракетным вооружением были приняты в боевой состав ВМС Израиля в 2014 и 2016 гг.

В настоящее время в ФРГ на верфи Howaldtswerke–DeutscheWerft AG (близ г. Киль) ведется строительство шестой подводной лодки класса Dolphin для Израиля. Причем правительство ФРГ в 2011 г. одобрило субсидию в объеме 135 млн евро – одну треть от полной цены – на закупку Тель-Авивом этой лодки. Ее передача Израилю возможна в 2019 г.³⁵

Таким образом, ныне Израиль обладает широким набором нестратегических средств доставки ядерного оружия и солидным по региональным меркам ядерным арсеналом. В наращивании ядерного потенциала акцент сделан на развитии морского компонента ядерных сил, который обладает наиболее высокой живучестью. Это считается крайне важным для Израиля, поскольку он весьма уязвим к нападению с применением оружия массового уничтожения из-за малого размера территории страны.

Негласная стратегия

Наличие ядерных сил у Израиля подразумевает, что у него существует и ядерная стратегия, хотя она никогда не декларировалась. Вместе с тем анализ сделанных официальными лицами Израиля заявлений позволяет предположить, что эта стратегия базируется на следующих основных принципах³⁶:

- Ядерный арсенал Израиля предназначен, в первую очередь, для сдерживания потенциальных противников. Представляется очевидным, что огромные геополитические и демографические (а потенциально и военные) преимущества окружающих Израиль арабских и в целом мусульманских стран расцениваются в Тель-Авиве

³⁴ Мозговой А. Указ. соч.

³⁵ Israel Navy to Upgrade Sonar on Submarines // Globes. 2016. 9 Nov. URL: <http://www.globes.co.il/en/article-israel-navy-to-fit-upgraded-sonar-on-submarines-1001160259>

³⁶ Наумкин В., Евстафьев Г., Новиков Е. Указ. соч. С. 453–456; Ядерное оружие и национальная безопасность... С. 184; Фененко А. В. Современная международная безопасность: ядерный фактор / отв. ред. В. А. Веселов. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 445, 446.

как императив опоры на ядерное оружие, которое является непреложной гарантией безопасности.

- Ядерное оружие рассматривается Тель-Авивом как оружие «последней надежды». Оно может быть применено первым в случае нападения на страну с использованием обычных вооруженных сил, если под угрозу будет поставлено само существование Израиля как государства.

- Тем более, в случае нанесения ядерного удара по Израилю (или удара с использованием других видов оружия массового уничтожения) его выживший ядерный потенциал будет применен против агрессора.

- Без кардинального изменения военно-стратегической ситуации в регионе Израиль на официальном уровне будет продолжать политику умолчания по поводу наличия у него ядерного оружия. Похоже, у этой политики есть определенный военно-политический ресурс, терять который Тель-Авив не собирается³⁷. Публичное признание наличия такого оружия Израилем, без согласия на его ограничение или ликвидацию, послужило бы поводом для окружающих мусульманских стран поднять вопрос о создании собственного ЯО или как минимум о выходе из ДНЯО.

- Израиль предпринимает всяческие усилия, чтобы не допустить появления возможности создания ядерного оружия потенциальными противниками³⁸. Для этого не исключается использование средств силового воздействия, даже с нарушением норм международного права³⁹.

³⁷ Здесь следует учитывать тот факт, что стратегия «ядерной непрозрачности» Израиля стала результатом достигнутой в 1969 г. договоренности между премьер-министром Израиля Голдой Меир и президентом США Ричардом Никсоном (Наумкин В., Евстафьев Г., Новиков Е. Указ. соч. С. 456).

³⁸ Эти усилия предпринимаются в рамках «доктрины Бегина» (по имени Менахема Бегина, тогдашнего премьер-министра Израиля), принятой в 1981 г. Она гласит, что Израиль будет всячески противодействовать проведению арабскими странами научных исследований, направленных на создание ядерного оружия (Ядерное нераспространение: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. Т. I. С. 176).

³⁹ В июне 1981 г. израильские самолеты F-16 уничтожили строящийся иракский ядерный реактор в Озираке (вблизи г. Багдад), а в сентябре 2007 г. подвергся израильской бомбардировке сирийский ядерный объект в Дайр-эз-Зауре на востоке страны (Шульман А. Указ. соч.).

По большому счету, ныне и на обозримую перспективу у Тель-Авива нет стимулов для отказа от ядерного оружия, поскольку он находится в более угрожающем враждебном окружении, чем любая другая страна мира. Мирный договор с Израилем заключили только два государства Ближнего Востока — Египет в 1979 г. и Иордания в 1994 г. Остальные страны этого региона до сих пор не признали суверенитета Израиля, а некоторые из них, в частности Иран, до недавнего времени открыто и официально отказывали ему в праве на существование как государства.

«Анонимный» ядерный арсенал Израиля в обозримом будущем останется важнейшей составляющей военного баланса на Ближнем Востоке, значимым яблоком раздора отношений Тель-Авива с другими государствами региона и фактором, осложняющим перспективы укрепления режима нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке. В этом контексте едва ли есть основания рассчитывать на успех конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ, даже если она будет созвана. В любом случае Израиль не примет в ней участия, и она превратится в еще один форум антиизраильской риторики.

Глава 4. ПЕРСПЕКТИВЫ МНОГОСТОРОННИХ ФОРМАТОВ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Джордж Перкович

Последствия соглашения по иранской атомной программе

В данной работе оцениваются некоторые из наиболее важных последствий соглашения по иранской ядерной программе, известного как Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), подписанного 14 июля 2015 г. Великобританией, Германией, Китаем, Россией, США, Францией, Евросоюзом и Ираном. Прогнозирование будущего — всегда рискованное занятие. Но в случае с иранской ядерной проблемой немало разногласий вызывает и прошлое. Ученые и политики неизбежно будут расходиться в оценках значения соглашения по иранской ядерной программе для будущего. Иранцы будут спорить об этом друг с другом, и то же самое можно сказать об американцах, россиянах и представителях других стран, причастных к этой непростой проблеме уже 15 лет, а то и более. Впрочем, эти внутренние дебаты покажутся весьма умеренными по сравнению с международными спорами о том, какие уроки следует извлечь из иранского кризиса, и что он значит для будущего ядерного миропорядка.

Многие из основных фактов, связанных с возникновением кризиса вокруг иранской ядерной программы и его урегулированием, задокументированы, что от радно, Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), которое является, пожалуй, самым объективным из имеющихся в нашем распоряжении источником по данному вопросу. Поэтому в первом разделе данной работы оценки технических факторов, которые привели к соглашению 2015 г., и описания его основных параметров во многом основаны на данных МАГАТЭ. В следующем разделе обрисован ряд важных политических и стратегических факторов, позволивших разрешить вопрос дипломатическими средства-

ми, и делается попытка выявить его уроки в плане будущих кризисов, связанных с распространением ядерного оружия. За этим последует анализ того, как опыт, полученный в ходе этого кризиса, может или должен изменить подходы основных заинтересованных государств к предотвращению такого распространения. Затем кратко будет изложено то, как решение иранского вопроса может повлиять на ядерные амбиции соседей Ирана. Завершат некоторые соображения относительно того, как ведущие государства в рамках ядерного миропорядка могут способствовать осуществлению главных целей режима ядерного нераспространения — предотвращению распространения ядерного оружия, развитию мирной атомной энергетики и ядерному разоружению.

В данной статье автор исходит из того, что Иран и другие участники Совместного всеобъемлющего плана действий будут выполнять это соглашение. Это значит, что они выполняют содержащиеся в Плане условия на первые 10 лет его действия, затем на 15 лет, а потом будут следовать обязательствам, предусмотренным на более отдаленное будущее. Одним из этих обязательств является подтверждение Тегераном того, что «ни при каких условиях Иран не будет стремиться получить, разработать или приобрести любое ядерное оружие» и «не будет заниматься деятельностью, включая на уровне НИОКР, которая могла бы способствовать разработке ядерного взрывного устройства, включая работы по металлургии урана или плутония»¹. Споры в процессе реализации соглашения неизбежны, но в рамках нашего анализа мы будем считать, что все его участники в конечном итоге будут действовать в соответствии с СВПД. Конечно, это оптимистическое допущение может оказаться ошибочным. Соглашение может быть сорвано по целому ряду причин, и вероятные последствия этого невозможно даже перечислить. Однако цель данной работы — не строить догадки относительно возможных неудач и их результатов, а попытаться проанализировать, что сулит нам успешное выполнение Плана.

Иранский кризис и история его урегулирования

В августе 2002 г. Национальный совет сопротивления Ирана публично заявил о существовании двух прежде засекреченных ядерных объектов — завода по обогащению урана в Натанзе и исследователь-

¹ Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2015. 16 июня. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1595858

ского реактора на тяжелой воде в Араке². Подобные объекты необходимы для производства обогащенного урана и плутония. Эти разделяющиеся материалы можно использовать как в мирных целях, так и для создания ядерного оружия. Об объектах в Натанзе и Араке не было оповещено МАГАТЭ, а очевидной нужды в них для мирного использования у Ирана не было. Данное заявление усилило уже имевшиеся у международного сообщества подозрения, что Иран втайне разрабатывает ядерное оружие, причем подобные действия представляли бы собой нарушение его обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

МАГАТЭ немедленно начало тщательное расследование. В течение первого года Агентству, по словам его генерального директора, удалось установить, что «Иран не смог выполнить своих обязательств в соответствии с соглашением о гарантиях относительно представления отчетов о ядерном материале, импортированном в Иран, и последующей обработки и использования материала, а также представления заявлений об установках и других объектах, где материал хранился и обрабатывался»³.

МАГАТЭ продолжило изучать вопрос о «достоверности» и «полноте» заявлений Ирана и выяснило, что ни того, ни другого о них сказать нельзя. Чтобы установить, не направил ли Иран разделяющиеся материалы на военные нужды и является ли его ядерная программа исключительно мирной, как требует ДНЯО, требовались дальнейшие проверки. Этот процесс продолжался вплоть до 2015 г. Результатом стал длинный перечень случаев, когда Иран не заявлял о действиях, материалах и объектах, в том числе о тех, которые вполне могли носить военный характер.

В ходе данного расследования выявилась определенная схема: сначала Иран обещал обеспечить полную транспарентность и всецело сотрудничать с МАГАТЭ, а затем скрывал от него информацию и саботировал сотрудничество либо передавал новые данные только после того, как МАГАТЭ предоставляло доказательства, опровергавшие прежние заявления Тегерана. Пожалуй, самым ярким примером этой схемы стал эпизод в 2009 г., когда несколько государств установили, что Иран, не-

² Remarks by Alireza Jafarzadeh on New Information on Top Secret Projects of the Iranian Regime's Nuclear Program // Iran Watch. 2002. 14 Aug. URL: <http://www.iranwatch.org/library/ncri-new-information-top-secret-nuclear-projects-8-14-02>

³ Доклад Генерального директора: Осуществление соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО в Исламской Республике Иран // IAEA. 2003. 14 Nov. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gov2003-75_rus.pdf

смотря на ряд заявлений о полной транспарентности и раскрытии всей информации, втайне строит новый подземный объект Фордо для обогащения урана возле города Кум⁴.

Эти первые события происходили, конечно, на фоне войны в Ираке, активных попыток США добиться смены режима в Тегеране, угроз Израиля нанести удары по иранским ядерным объектам и политической напряженности в самом Иране. Подобная ситуация требовала от всех участников переговоров действий, которые в конечном счете привели к выработке СВПД. Иран оказался под сильным давлением. Тегерану пришлось признать нарушение своих обязательств перед МАГАТЭ, но в то же время он считал, что ядерная проблема используется для того, чтобы угрожать политическому строю страны и ее устремлениям в плане развития. Другие государства и МАГАТЭ были глубоко озабочены возможным намерением Ирана создать ядерное оружие, что привело бы к большим рискам в плане международной безопасности и серьезно подорвало бы международный режим нераспространения. В то же время многие страны и руководство Агентства опасались, что Израиль и/или США применят против Ирана военную силу, спровоцировав войну на территории крупнейшей страны региона.

С 2003 г. до конца лета 2005-го Великобритания, Германия и Франция от лица Евросоюза и по своей инициативе вели переговоры о мирном решении ядерной проблемы во избежание необходимости передавать этот вопрос в Совет Безопасности ООН, как этого требовал Устав МАГАТЭ. Помня о событиях в Ираке, эти три европейских государства и руководство МАГАТЭ хотели предотвратить военную операцию США против Ирана. Данные переговоры в октябре 2003 г. привели к добровольной договоренности «евротройки» с Ираном, согласно которой последний по собственной воле обещал приостановить работы по обогащению урана, но она действовала недолго. После того как Иран начал трактовать соглашение не так, как другие участники, в ноябре 2004 г. была достигнута новая, уточненная договоренность. В ответ «евротройка» предложила Ирану план общего расширения сотрудничества в политической, экономической и ядерной сферах.

Этот процесс сорвался летом 2005 г., накануне президентских выборов в Иране. После этого Тегеран объявил о возобновлении работ по созданию потенциала ядерного топливного цикла. В августе 2005 г. Иран заявил, что снова начнет перевод концентрата урана в газообраз-

⁴ Sanger D. E., Broad W. J. U. S. and Allies Warn Iran Over Nuclear 'Deception' // New York Times. 2009. 25 Sept. URL: <http://www.nytimes.com/2009/09/26/world/middleeast/26nuke.html?pagewanted=all>

ное состояние на объекте в Исфахане для его последующего обогащения на опытном заводе в Натанзе⁵. Это совпало с приходом к власти в Тегеране конфронтационно настроенной администрации Махмуда Ахмадинежада, порождая серьезные сомнения в позитивном исходе дипломатического процесса. В сентябре 2005 г. иранское «досье» было впервые представлено в Совет Безопасности ООН. В декабре 2006 г. Совет Безопасности ввел санкции против Ирана (пока что относительно мягкие). В августе 2007 г. израильские боевые самолеты разбомбили объект в Сирии, где, как подозревал Тель-Авив, Дамаск с помощью Северной Кореи строил реактор для производства плутония. Среди прочих последствий этот авиаудар усилил опасения относительно возможной военной акции для нейтрализации иранской ядерной программы. В то время об этом не было известно, но Израиль и Соединенные Штаты действительно готовили сверхсекретную кибероперацию по срыву работы иранских центрифуг в Натанзе⁶.

В 2008 г. результатом президентской кампании в США стало неожиданное выдвижение Барака Обамы кандидатом от Демократической партии. Предвыборная платформа Обамы отличалась от программ оппонентов-демократов, а затем и республиканского кандидата Джона Маккейна обещанием наладить диалог с Ираном и стремиться к решению ядерного и других спорных вопросов дипломатическим путем. В США это намерение вызвало неоднозначную реакцию, но во многих других странах было воспринято позитивно. После вступления в должность в январе 2009 г. Обама без лишнего шума начал устанавливать с Тегераном дипломатические контакты. В октябре того же года переговорщики из группы «5 постоянных членов СБ ООН + 1» (Великобритания, Китай, Россия, США, Франция плюс Германия) встретились с иранскими коллегами в Женеве и, казалось бы, договорились о плане, согласно которому Иран должен был переправить 80 % запаса низкообогащенного урана из Натанза в Россию для дальнейшей перевозки во Францию, где из него будут изготовлены топливные стержни для исследовательского реактора в Тегеране⁷. Однако,

⁵ Iran Nuclear Process 'Under Way' // BBC. 2005. 1 Aug. URL: news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4733557.stm

⁶ Эта была тайная операция. Теперь стало известно, что она носила название «Олимпийские игры» и началась в 2006 г. (см.: Sanger D. E. Obama Order Sped Up Wave of Cyberattacks against Iran // New York Times. 2012. 1 Jun. URL: http://www.nytimes.com/2012/06/01/world/middleeast/obama-ordered-wave-of-cyberattacks-against-iran.html?pagewanted=all&_r=0

⁷ Nikou S. N. Timeline of Iran's Nuclear Activities // United States Institute of Peace. 2015. Dec. URL: iranprimer.usip.org/resource/timeline-irans-nuclear-activities

когда иранские переговорщики вернулись на родину, оппоненты президента Ахмадинежада резко раскритиковали это предварительное соглашение, что привело к его срыву.

В 2010 г. министры иностранных дел Турции и Бразилии провели переговоры с иранской стороной, пытаясь восстановить действие договоренности, достигнутой годом раньше. Однако за прошедшее время Иран увеличил свои запасы низкообогащенного урана. Из-за этого наряду с другими условиями, на которые согласились представители Турции и Бразилии, соглашение 2010 г. оказалось неприемлемым для группы «5+1». Чтобы усилить давление на Иран, где количество центрифуг для обогащения урана неуклонно увеличивалось, Совет безопасности ООН в июне 2010 г. ввел против него более жесткие санкции. В 2011–2013 гг. ограничения на инвестиции, импорт, деятельность финансового сектора и особенно экспорт нефти нанесли иранской экономике заметный ущерб⁸.

В декабре 2011 г. президент Обама отправил Джона Керри (тогда он был сенатором) на тайную встречу с представителями Омана, чтобы выяснить, готовы ли они провести зондаж относительно заинтересованности Ирана в установлении прямого переговорного канала с Соединенными Штатами⁹. Получив через оманцев положительный ответ Тегерана, президент Обама в марте 2013 г. поручил двум доверенным эмиссарам — заместителю госсекретаря Уильяму Бернсу и советнику вице-президента Байдена по национальной безопасности Джейку Салливану — провести в Омане тайные переговоры с Ираном. В рамках этих переговоров состоялось как минимум пять встреч, из которых четыре прошли уже после того, как в августе 2013 г. в должность президента Ирана вступил Хасан Рухани.

Победа Рухани — в 2003–2005 гг. он был главным переговорщиком Ирана по ядерному вопросу — на президентских выборах в июне 2013 г. стала неожиданностью для иранского истеблишмента. (Впрочем, такими же сюрпризами для него были победа Мохаммада Хатами в 1997 г. и Махмуда Ахмадинежада в 2005-м.) Рухани и назначенный им новый министр иностранных дел Джавад Зариф были твердыми сторонниками продолжения переговоров по ядерной проблеме. Ранее Рухани и Зариф тесно сотрудничали в ходе переговорно-

⁸ Katzman K. Iran Sanctions // Federation of Atomic Scientists. 2016. 16 Nov. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS20871.pdf>

⁹ Ignatius D. How the Iran Deal Became the Most Strategic Success of Obama's Presidency // Washington Post. 2015. 15 Sept. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-obama-bet-that-paid-off/2015/09/15/e46b80f6-5be6-11e5-8e9e-dce8a2a2a679_story.html

го процесса, а последний к тому же много лет прожил и проработал в США. В ноябре 2013 г. две страны сообщили о своих — прежде тайных — переговорах и пообещали довести их до успешного завершения¹⁰. Это заявление и последующие переговоры с участием группы «5+1» и ЕС вызвали острые разногласия в США, Иране, Израиле и союзных Вашингтону странах Персидского залива.

Ход дипломатического процесса с 2013 г. до согласования Совместного всеобъемлющего плана действий в июле 2015-го хорошо известен, и останавливаться на нем здесь нет необходимости. Стоит, однако, отметить, что Россия, несмотря на конфликт с западными державами из-за событий на Украине, продолжала сотрудничать с США и европейскими государствами, чтобы довести до конца решение иранской ядерной проблемы.

СВПД — документ объемом 159 страниц — примечателен своей детальностью и несколькими новаторскими параметрами. С точки зрения ядерного нераспространения его наиболее важные в стратегическом плане положения заключаются в следующем:

- 97 % иранских запасов низкообогащенного урана подлежат ликвидации, и в течение 15 лет для страны устанавливается лимит объема НОУ в 300 кг. Количество центрифуг сокращается с 19 тыс. до 6104 машин первого поколения IR-1s, из которых в течение первых 10 лет для обогащения урана можно использовать не более 5060;
- уровень обогащения на 15 лет ограничивается 3,67 %, проводиться оно может только в Натанзе, строительство новых объектов запрещается;
- НИОКР по созданию более совершенных центрифуг ограничиваются по времени, масштабу и практическому применению;
- исследовательский реактор в Араке модифицируется таким образом, чтобы он больше по сути не представлял угрозы распространения ядерного оружия, а Иран обязуется в течение 15 лет не нарабатывать плутоний;
- запрещается деятельность, в том числе на уровне НИОКР, которая может способствовать созданию ядерного взрывного устройства. Определяются конкретные виды этой, подлежащей запрету, деятельности;
- верификация:

¹⁰ Report Claims Secret US–Iran Talks Laid Groundwork for Nuclear Deal // Associated Press. 2013. 24 Nov. URL: <http://www.foxnews.com/politics/2013/11/24/report-claims-secret-us-iran-talks-laid-groundwork-for-nuclear-deal.html>

- Иран может приобретать оговоренные виды важного оборудования для своей ядерной программы только по контролируемым каналам;

- в течение 20 лет будет вестись постоянное наблюдение за изготовлением центрифуг, а в течение 25 лет — за добычей урана;

- в четко установленные сроки будет предоставляться доступ на незадекларированные объекты;

- реализуется Дополнительный протокол и Модифицированный код 3.1 к дополнительной договоренности к Соглашению о гарантиях между Ираном и МАГАТЭ.

С точки зрения Ирана наиболее важными параметрами СВПД являются:

- признание его «права» на обогащение урана в мирных целях и реализацию ядерной программы гражданского назначения при содействии международного сообщества;

- снятие санкций, в том числе предоставление доступа к «замороженным» доходам от экспорта нефти в размере 100 млрд долларов;

- процедура изъятия его ядерного «досье» из ведения СБ ООН;

- повышение легитимности страны на региональной и международной арене.

Только время покажет, будут ли все акторы, обязанные соблюдать положения СВПД, выполнять этот план удовлетворительным друг для друга образом. Далее будут проанализированы последствия всей этой «истории» и СВПД, исходя из того, что он будет выполняться.

Условия дипломатического разрешения

Не стоит забывать о значении того факта, что Иран является участником Договора о нераспространении ядерного оружия, а значит, он обязан отказаться от попыток создания ядерного оружия и соблюдать Соглашение о гарантиях с Международным агентством по атомной энергии. Именно эти обязательства стали основанием для действий международного сообщества, после того как выяснилось, что Иран их нарушил. Если бы Иран не взял на себя подобных обязательств, развитие событий приобрело бы совершенно иной характер. У международного сообщества было бы куда меньше рычагов давления на Иран, чтобы добиться верифицируемого ограничения его ядерной деятельности и демонстрации исключительно мирного характера ядерной программы.

Решающую роль в успехе этой дипломатической кампании, в том числе ее принудительных элементов, сыграло сотрудничество между

постоянными членами Совета Безопасности ООН — Великобританией, Китаем, Россией, США и Францией. Международные обязывающие санкции вынудили Иран согласиться на условия, которых он не принял бы в противном случае. Эти санкции не были бы введены или эффективны без решения ООН и готовности крупных держав обеспечить их соблюдение. Аналогичным образом сотрудничество со стороны ЕС и взаимодействие с МАГАТЭ создали «стену» давления, которую Иран не мог ни проломить, ни обойти. Если бы в пятерке постоянных членов СБ существовал раскол, Иран воспользовался бы этими разногласиями и ослабил давление со стороны международного сообщества. Кроме того, в этом случае раскол возник бы и в Совете управляющих МАГАТЭ, что помешало бы секретариату агентства вносить весьма ценный вклад в работу с иранским досье. Помимо сотрудничества друг с другом, пятерка постоянных членов СБ, ЕС и МАГАТЭ действовали, как правило, без проволочек и проявляли настойчивость в деле разрешения кризиса. Это понимание необходимости безотлагательных действий еще больше сужало возможности Ирана не соблюдать обязательства в рамках ДНЯО, перед МАГАТЭ и Советом Безопасности ООН.

Сотрудничество в рамках группы «5+1» сыграло особенно важную роль еще и потому, что его было непросто поддерживать. Так, по ряду требований в отношении ядерной программы Ирана, в частности работ по обогащению урана, Франция занимала более жесткую позицию, чем США. Это осложняло Ирану реализацию его переговорной стратегии. Россия же проявляла живейшую заинтересованность в сотрудничестве с Ираном в области атомной энергетики и поставок вооружений, но при этом твердо настаивала, чтобы Иран согласился на существенное ограничение деятельности в рамках ядерного топливного цикла. Это тоже путало карты Тегерану. Китай демонстрировал намерение поддерживать и даже увеличивать товарооборот с Ираном, и тем не менее, когда последний проявлял несговорчивость, Пекин участвовал в ужесточении санкций. Администрация Ахмадинежада надеялась вбить клин между западными государствами, с одной стороны, и Россией, Китаем, Индией и другими державами Востока — с другой. Но и этот путь избежать давления международного сообщества оказался заблокированным. Россию и Китай нельзя было представить марионетками США, поэтому, когда Москва и Пекин проявляли твердость, иранские элиты понимали, что у них нет иного выхода, кроме как вести переговоры всерьез.

Важное значение имели и другие контекстуальные факторы. Как уже отмечалось, одним из мотивов, побудивших Иран и «евротройку» (Великобританию, Германию и Францию) к поискам дипломатического решения проблемы, стала возглавляемая США интервенция в Ирак в начале 2003 г. Россия и Китай также были заинтересованы в предот-

вращении войны в Иране. Заинтересованность в дипломатическом решении усиливалась и из-за того, что главное обоснование войны против Ирака — его продолжающиеся работы по созданию ядерного, химического и биологического оружия — оказалось ложным. Это создало потребность в подтвержденных на международном уровне доказательствах ядерной деятельности Ирана, что, в свою очередь, обеспечивало время и пространство для дипломатических усилий. Пока МАГАТЭ скрупулезно собирало доказательства нарушений со стороны Ирана, международное сообщество наращивало дипломатическое давление на Тегеран.

В то же время угроза применения силы Израилем и/или США также вынуждала Иран и других международных игроков осознать, что для дипломатического разрешения кризиса потребуются жесткие ограничения соответствующей деятельности Тегерана. Иранская сторона, естественно, стремилась к такому урегулированию, которое бы ограничивало ее минимальным образом и позволяло максимально сохранить втайне его прошлые и будущие действия в ядерной сфере. У других участников переговоров мог возникнуть соблазн согласиться на более благоприятные для Ирана условия, чтобы быстрее и проще достичь договоренности. Угроза применения силы Израилем или Америкой представляла собой альтернативу, которой можно было избежать только в том случае, если Иран согласится на существенное, поддающееся проверке, ограничение своей будущей деятельности в этой области.

Хотя американские чиновники, особенно в Пентагоне, сомневались в способности военной акции гарантированно предотвратить создание ядерного оружия Ираном и выражали озабоченность относительно последствий еще одной войны в регионе, Обама неоднократно заявлял о готовности действовать, чтобы помешать ему превратиться в ядерную державу. Похоже, президент и другие представители администрации не считали сами работы по обогащению урана в Иране достаточным основанием для военной операции, но полагали, что сила должна быть применена, если сочетание ряда признаков покажет, что он решительно движется в сторону создания ядерного оружия.

В то же время очевидное наличие у Израиля более низкого «порога» для военной акции усиливало давление на Иран и США. Израиль мог напасть на Иран в одиночку и/или втянуть в этот конфликт США. Это усложняло расчеты всем игрокам, в том числе тем представителям пятерки постоянных членов СБ, которые сильнее других были настроены против войны. Если для Москвы, Пекина и других стран военное решение было неприемлемо, единственной реальной альтернативой для них оставались действенные экономические санкции против Ирана.

Эти санкции сыграли незаменимую роль. С 2011 по 2013 г. нефтяной экспорт Ирана сократился с 2,5 до 1,1 млн баррелей в сутки, а его доходы от этого экспорта снизились со 100 до 35 млрд долларов. Четырнадцать иранских компаний, занесенных в черный список, были лишены доступа к Swift — информационной межбанковской системе, облегчающей проведение электронных транзакций. Эти два эффекта санкций усугубили последствия некомпетентной экономической политики правительства Ахмадинежада настолько, что уровень инфляции в стране достиг 50–70 %, неофициальный курс национальной валюты — реала — с января 2012 по январь 2014 г. снизился на 56 %, крупные предприятия утратили рентабельность и оказались на грани банкротства¹¹.

Целью экономических санкций было убедить Иран согласиться на реальные, поддающиеся проверке, ограничения его деятельности в ядерной сфере и урегулировать спорные вопросы с МАГАТЭ и Советом Безопасности ООН. По сути, они представляли собой «налог» для Ирана за нарушение правил режима нераспространения и для его торговых партнеров, жертвовавших своими доходами ради более важной цели на международной арене. При этом участники санкционного режима исходили из следующего: если (и когда) Тегеран пойдет на условия, устраивающие международное сообщество, замороженные средства будут возвращены Ирану и, косвенно, его торговым партнерам. Эффективность санкций побудила многих оппонентов СВПД в США и на Ближнем Востоке подвергнуть критике положение о возврате денег Ирану. Однако эти критики упускают из виду один важнейший факт: без обязательства снять санкции после согласия Ирана на условия «шестерки» их введение на международном уровне было бы невозможным в принципе. Иными словами, мотивирующая сила санкций зависит и от позитивного стимула — их отмены, если (и когда) противоположная сторона изменит свой образ действий.

Можно также утверждать, что готовности Ирана к переговорному процессу способствовали и тайные силовые действия. Так, с 2007 г. Израиль и Соединенные Штаты проводили тщательно замаскированные кибератаки против иранских центрифуг с помощью вируса Stuxnet. Эта операция вызвала сбой в работе ряда таких машин и замедлила накопление обогащенного урана. Кроме того, и это пожалуй еще важнее, данная операция, наряду с обнаружением объекта в Фордо в 2009 г., показала руководству Ирана, что противнику удалось глубоко проникнуть в систему управления его ядерной программой. Это, должно быть,

¹¹ Katzman K. Op. cit.

вызвало у иранских лидеров тревогу, что продолжение тайной ядерной деятельности будет обнаружено и станет поводом либо для военной акции США и/или Израиля, либо для ужесточения санкций и других форм давления со стороны международного сообщества.

Весьма важную роль парадоксальным образом сыграли и внутриполитические процессы в Иране. Политические события вокруг иранской ядерной проблемы всегда представляли собой отчасти вопрос для мирового сообщества: чьих эксцессов оно боится больше — Америки и Израиля или Ирана. В 2002—2005 гг. многие считали, что США и Израиль проводят более безответственную и опасную политику, чем Иран. Но после избрания президентом Махмуда Ахмадинежада в 2005 г. Тегеран стал прибегать к более конфронтационной риторике и действиям.

Новое иранское правительство не только продолжало осуществлять опасную ядерную программу, но и вызвало у международного сообщества больше опасений относительно намерений Тегерана — и не только в ядерной сфере. После избрания Ахмадинежада «баланс страха» сместился в сторону Ирана. Эта ситуация стала еще более драматичной в 2009 г., когда был обнаружен объект в Форду. Международные санкции и ужесточение позиции в отношении Ирана в период пребывания Ахмадинежада на посту президента наряду с экономическими трудностями в стране сделали возможной победу Хасана Рухани на президентских выборах 2013 г.

Аналогичным образом развитие внутривнутриполитических событий в США создало предпосылки для дипломатического решения проблемы. Победа Барака Обамы в 2008 г. и его готовность вызвать на себя политический «огонь» за ведение переговоров с Ираном продемонстрировали искренность намерений США и их партнеров. Это еще больше усилило международную поддержку Америки и ее партнеров в «состоянии за доверие» с Ираном, и последнему еще больше пришлось «переходить к обороне». Если США теперь готовы к подлинным переговорам, вина за их срыв может быть возложена на Иран, что послужит основанием для новых санкций.

Смена руководства в США открыла путь к важнейшему изменению стратегии, благодаря которому стал возможен СВПД: Вашингтон теперь готов был сочетать давление и принуждение с весьма выгодным для Ирана предложением. Этот фактор — как и значение участия Ирана в ДНЯО — может показаться очевидным, но такая ситуация возникла далеко не сразу. Конкретнее, к концу 2009 г. США и другие державы, ведущие переговоры с Тегераном, дали понять, что де-факто, если еще не в принципе, они готовы признать: Иран завоевал себе «право» на обогащение урана. ДНЯО как таковой никому не гарантирует это «право», но и не отказывает в нем.

Однако немало лет США и некоторые другие государства, а также многие специалисты по вопросам нераспространения, настаивали на том, что такого права не существует, и Иран в рамках любого соглашения по устранению нарушений его обязательств перед МАГАТЭ и Совбезом ООН после 2005 г. должен отказаться от деятельности по развитию топливного цикла. Другие государства, особенно развивающиеся страны, не соглашались с этой позицией. Со временем Иран начал позиционироваться в качестве ведущего борца за «право на обогащение». К 2009 г. стало очевидно, что США и другие страны готовы согласиться на продолжение в Иране обогащения в определенном объеме в рамках всеобъемлющей, поддающейся верификации, договоренности. Сообщалось, что Джон Керри — тогда он был сенатором — в декабре 2011 г. — напрямую передал эту информацию своим иранским визави. Тегеран мог расценить это как неплохой «приз» за свои усилия — в глазах собственного населения и общественного мнения других стран. Однако, пойдя на эту уступку, США и другие участники получали в свое распоряжение инструменты, чтобы убедить Иран отказаться от создания военного ядерного потенциала и достичь договоренности, воплотившейся в СВПД¹².

¹² Этот важный момент не получил должной оценки, особенно в США. К примеру, в статье, опубликованной в декабре 2015 г. уважаемые журналисты из *The New York Times* Дэвид Сангер и Уильям Брод сообщили, что, по мнению МАГАТЭ, Иран еще в 2009 г. прекратил работы по созданию ядерного оружия (см.: Sanger D. E., Broad W. J. Nuclear Agency Says Iran Worked on Weapons Design Until 2009 // *The New York Times*. 2015. 2 Dec. URL: www.nytimes.com/2015/12/03/world/middleeast/iran-nuclear-report-atomic-agency.html). Сангер и Брод утверждали, что подобная деятельность в Иране «завершилась после 2009 г., как раз тогда, когда Обама вступил в должность и ускорил введение санкций и кампанию киберсаботажа против иранских ядерных объектов, что в конечном итоге привело официальный Тегеран за стол переговоров». При этом авторы не упомянули о вероятности того, что готовность Обамы к конструктивным переговорам с Ираном, включая согласие на дальнейшее обогащение урана в стране, тоже сыграла свою роль в этом решении руководства Исламской Республики. Не пишут они и о том, что в 2003–2005 гг. Иран вел переговоры с «евротройкой», и они сорвались отчасти из-за того, что «тройка» (и США за кулисами) не согласились с наличием у Ирана права на обогащение урана в будущем. В данном случае я имею в виду не то, что с этой позицией Ирана надо было согласиться в тот период, или в 2009 г. и после него. Речь о том, что многие журналисты, эксперты и политики не понимают: отказ Ирана от деятельности, связанной с созданием ядерного оружия и согласие на переговоры о СВПД были вызваны не только принудительными мерами. Для этого были необходимы и позитивные стимулы.

Политические выводы на будущее

В предыдущем разделе акцентировались основные факторы, создавшие предпосылки для договоренности по СВГД. Несомненно, важную роль сыграли и другие факторы, а значение тех, о которых шла речь, может быть истолковано по-другому или оспорено. В данном разделе делается попытка глубже проанализировать уроки «иранского опыта» для будущих проблем с нераспространением и современной международной политики в целом. Эти уроки разделены на две категории — на вопросы высокой политики и конкретные методы.

Высокая политика

Как уже отмечалось, для дипломатического решения иранской проблемы было необходимо сотрудничество группы «5+1», ЕС и МАГАТЭ. В будущем при возникновении проблем с нераспространением вероятность такого же сотрудничества будет влиять на расчеты государств (и негосударственных акторов) относительно рисков и выгод от попыток создания ядерного оружия и/или соблюдения международных норм. Если потенциальные нарушители сочтут, что один или больше постоянных членов Совета Безопасности ООН будут, по сути, их защищать и блокировать международное сотрудничество для соблюдения норм и правил нераспространения ядерного оружия, будет крайне трудно добиться дипломатического решения проблем с распространением.

Обеспечить сотрудничество государств, чьи интересы настолько многообразны, как интересы США, России, Китая, Франции и Великобритании, непросто по определению. Для этого требуется упорная работа с различными политическими кругами каждого государства (особенно в США, где для политической системы характерны постоянные разногласия) и на переговорах между ними. Свободу маневра этим государствам затрудняют также интересы их многочисленных союзников и партнеров. Масштаб этих проблем сегодня ярко проявляется, к примеру, в ситуациях вокруг Украины, Сирии, Ливии и Южно-Китайского моря. Поскольку ни одно отдельно взятое государство не обладает достаточным влиянием, чтобы навязать другим предпочтительный для себя подход и результат, каждое из них должно быть готово хотя бы частично приспособливаться к предпочтениям других.

Именно такая ситуация со временем сложилась в иранском вопросе. Сначала, в 2005 г., администрация Буша ослабила «сопротивление» идее переговоров в принципе. Затем, в 2009-м, президент Обама способствовал более энергичному процессу дипломатического урегулирования. Москва проявила такой же уровень государственной

мудрости, сохранив солидарность с западными державами на переговорах с Ираном даже после возникновения конфликта из-за Украины. В будущем при возникновении проблем с нераспространением, если государство-нарушитель может оказаться другом или противником другой крупной державы, например России или Китая, ключевых игроков следует искать в Москве, Пекине или в какой-либо другой столице. В таком случае успех дипломатических усилий будет зависеть от способности найти то сочетание принудительных мер и позитивных стимулов, которое позволит великим державам сблизить свои подходы настолько, чтобы возник их единый фронт. Сегодня эта проблема со всей очевидностью проявляется в отношении Северной Кореи, где от Китая зависит, удастся ли оказать на Пхеньян достаточное давление, чтобы заставить его ограничить свою деятельность по созданию ядерного оружия и баллистических ракет.

Случай с Ираном выявил и более глубокую проблему, способную повлиять на подход государств к будущим ситуациям с распространением ядерного оружия и возможность их дипломатического урегулирования — рассматривается ли такая ситуация в свете необходимости соблюдать правила или же попыток добиться справедливости. Соблюдение правил и справедливость необязательно противоречат друг другу — как в теории, так и на практике. Если правила справедливы, то их соблюдение тоже соответствует принципу справедливости. Но в международной политике не всегда случается, что все государства считают все правила справедливыми. Кроме того, у государств не всегда существует единое мнение о справедливости предлагаемых методов для обеспечения соблюдения правил.

США, Франция, Великобритания и, возможно, в меньшей степени Россия и Китай рассматривали иранский вопрос прежде всего как проблему их несоблюдения. Иран нарушил правила режима нераспространения, особенно соглашение о гарантиях с МАГАТЭ и требования о предоставлении информации. МАГАТЭ, а затем Совет Безопасности ООН предъявили ему обязывающие требования относительно транспарентности и укрепления доверия, в том числе о «приостановке любой деятельности, связанной с обогащением и переработкой». Иран не выполнил этих требований. В результате международное сообщество продолжало оказывать на него давление посредством санкций, пока Тегеран не подчинился.

Иран не мог отвергнуть саму концепцию соблюдения правил, но его официальные круги пытались представить возникший спор как проблему объективности и справедливости. Они утверждали, что у Тегерана просто не было другого выбора, кроме как осуществлять работы в ядерной сфере незаконно, поскольку США и Израиль — тоже

незаконно — саботировали его задекларированную деятельность. Они настаивали, что все страны обладают «правом» на обогащение урана, а США и их союзники действуют в ядерной сфере методами неокolonизма. Иранская сторона утверждала также, что ядерные державы не выполняют своих обязательств по ДНЯО относительно ликвидации собственных ядерных арсеналов и что зачастую они выбирают, когда, где и как применять правила нераспространения, демонстрируя двойные стандарты.

Мнение группы «5+1» о том, что в основе дипломатической борьбы с Ираном лежала и лежит проблема соблюдения правил, справедливо. Цивилизация и международная безопасность развиваются за счет создания и выполнения правил регулирования технологий и действий, способных создать угрозу миру и безопасности на мировой арене. ДНЯО представляет собой фундамент системы правил ядерного миропорядка. Поэтому обеспечить соблюдение правил на основе ДНЯО является задачей крайне важной.

Однако в международной системе в целом нет юридических и принудительных механизмов, столь же эффективных, как в хорошо управляемых государствах. Международное агентство по атомной энергии отлично выполняет ряд важных функций системы, основанной на правилах, но оно не имеет четких принудительных полномочий. Действия его Совета управляющих могут испытывать влияние крупных держав или встречать сопротивление несогласных государств. Органом, мобилизующим силы международного сообщества в ответ на нарушение правил ДНЯО, о которых сообщает МАГАТЭ, считается Совет Безопасности ООН. У Совбеза есть полномочия по обеспечению исполнения решений, связанных с международным миром и безопасностью. Чаще всего эти действия принимают форму политических требований и санкций. Крайним средством принуждения к выполнению правил являются военные операции, и в международной системе СБ ООН считается инстанцией, санкционирующей легитимное применение силы.

Тем не менее Совет Безопасности является органом крайне политизированным, и пять постоянных членов, имеющих право вето, пользуются в нем несоразмерным влиянием. В результате в качестве «катализатора» действий международного сообщества, особенно военных акций, Совбез часто оказывается неэффективным. Одним словом, споры по вопросам правил в ядерной сфере и их соблюдения связаны с соотношением влияния в рамках международной системы и вытекающих из него политических процессов. На практике из-за этого отделить соблюдение правил от дебатов о справедливости становится трудно.

Противоречия, свойственные этой ситуации с соблюдением правил, усугубляются тем, что ДНЯО основан на «сделках», реализуемых не-

равномерно и неудовлетворительно. Так, некоторые государства часто заявляют, что обещания относительно сотрудничества в ядерной сфере в обмен на отказ от распространения ядерного оружия, содержащиеся в его статье IV, не выполняются. По мнению этих государств, ограничения доступа к ядерным технологиям продолжают ужесточаться, а ядерные государства не желают идти на обещанные «жертвы». Многие государства и общественные организации не без оснований полагают, что статья VI представляет собой договоренность по принципу «нераспространение в обмен на будущую ликвидацию ядерных арсеналов». Эта сделка была подтверждена в 1995 г. принятием решения о бессрочном продлении ДНЯО. Многие утверждают, что, несмотря на радикальное сокращение ядерных арсеналов США и России, государства мира, обладающие ядерным оружием, не намерены покончить с этими вооружениями. В целом, хотя на планете едва ли найдется страна, готовая утверждать, что без ДНЯО наш мир был бы безопаснее, очень многие выражают неудовлетворение толкованием и исполнением его положений.

Иранский вопрос вывел эти различия в представлениях о справедливости и соблюдении ДНЯО на сцену международной политики. США и другие ядерные державы утверждают, что они выполняют свои обязательства либо что суть этих обязательств не соответствует тому, что утверждает Иран и другие государства. В аргументах ядерных держав есть своя доля истины, но факт остается фактом: они не желают, чтобы кто-то другой получил право судить о том, как они соблюдают эти обязательства, в частности обязательства о ядерном разоружении в соответствии со статьей VI.

Среди других примеров двойных стандартов и «выборочного контроля» можно назвать различия в отношении великих держав к Индии, Пакистану и Израилю. Ни одно из этих трех государств не подписало ДНЯО, так что они не отказались от «права» стать обладателями ядерного оружия. Но великие державы относятся к каждому из них по-разному и в целом более снисходительно, чем к Ирану, Ираку и другим странам — участницам ДНЯО. Для различного отношения к странам, взявшим на себя юридические обязательства не создавать ядерного оружия, и к тем, которые не подписали ДНЯО, существуют стратегические и правовые основания, но это не снимает ощущения несправедливости ядерного миропорядка.

Иран расширил и политизировал этот спор, включив в него вопросы справедливости в отношении не только собственного населения, но также лидеров и граждан других государств. Чтобы парировать утверждения, что главным вопросом является объективное нарушение ДНЯО, иранская сторона утверждала: трактуя ситуацию с Ираном как

особый случай, Вашингтон и его партнеры проявляют в отношении страны субъективность и предвзятость.

Конкуренция «форматов» справедливости и соблюдения правил имеет важные последствия, которые редко становятся предметом анализа. Если важнее всего справедливость, то отношение к конфликту основывается на принципе переговоров и соглашения между сторонами с равным статусом. Естественно, тогда приемлемым итогом процесса становится компромисс. Однако в формате соблюдения правил состязаются не стороны с равным статусом: речь идет об усилиях облеченного властью органа с целью вынудить актора-нарушителя соблюдать правила. Переговоры и компромисс в данном случае не требуются. Мы не платим нарушителю правил за то, чтобы он скорректировал свое поведение — мы заставляем его это сделать. В первом варианте справедливость — это компромисс, во втором — простое принуждение.

Пожалуй, можно утверждать, что в ходе затяжной кампании, результатом которой стал СВПД, Иран создал два важных прецедента. Из них в центре внимания чаще всего оказывается «право» на обогащение урана. Второй, не столь очевидный, прецедент заключается в том, что соблюдение режима нераспространения является предметом торга. Конечно, за то, чтобы заработать эти «очки», Иран заплатил гигантскую цену. В результате санкций он лишился сотен миллиардов долларов в виде доходов и товарооборота и оказался в политической изоляции. Ему пришлось согласиться с более глубоким по сравнению с другими государствами мониторингом и проверкой его будущих действий в ядерной сфере. Однако с учетом долгой истории его незаконной ядерной деятельности и доказательств, позволяющих усомниться в исключительно мирном характере его ядерной программы, Ирану, пожалуй, удалось выторговать для себя больше, чем ему полагалось по условиям ДНЯО. Отчасти это произошло из-за упомянутого выше основополагающего факта: в основанной на правилах международной системе, в отличие от отдельного государства, отсутствует механизм гарантированного применения силы, обеспечивающий соблюдение этих правил. В международной системе конечной «судебной инстанцией» является война. Если страны, которым придется вести эту войну, чтобы обеспечить их соблюдение, хотели бы избежать такого варианта, как это было в случае с Ираном, необходимо попробовать добиться своего с помощью переговоров и компромисса. А в ходе «торга» в игру, естественно, вступает такая ценность, как справедливость.

Хотя Россия настаивала, что СВПД не должен рассматриваться как прецедент, и это зафиксировано в самом тексте документа, реалии международной политики создают вероятность того, что другие государства попытаются использовать случай с Ираном к собствен-

ной выгоде. В заключительном разделе работы будет проанализировано, каким образом некоторые инновационные характеристики СВВД можно взять на вооружение в более широком масштабе — для развития мирного ядерного сотрудничества и одновременно укрепления уверенности в том, что ядерные программы гражданского назначения не будут использоваться для создания ядерного оружия. Конкретнее же, фактическое признание «права» на обогащение урана в мирных целях и тот факт, что Ирану удалось сделать выполнение требований МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН предметом торга, будут учтены руководством других государств, заинтересованных в обретении военного ядерного потенциала. В связи с этим чаще всего упоминаются Саудовская Аравия, Египет, Турция и Южная Корея.

Конкретные методы

Помимо общеполитических соображений, из случая с Ираном можно извлечь уроки относительно современных методов действий государств. Здесь выделяются прежде всего три категории: санкции, сбор разведанных и тайные операции.

Экономические санкции, введенные против Ирана, оказались чрезвычайно эффективными. Более того, их результаты опровергают давнее и распространенное мнение о том, что санкции являются слабым инструментом. Важнейшую роль здесь сыграли политические, правовые и технические факторы. В политическом и правовом планах единая позиция пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН гарантировала, что санкции против Ирана будут юридически обязывающими для всех. Иран, конечно, мог попытаться убедить отдельные государства и предприятия торговать с ним незаконно, но каждому потенциальному партнеру пришлось бы взвесить возможные выгоды от такой торговли и издержки от того, что ведущие экономические и политические державы мира могут призвать их к ответу и наказать. Таким образом, в отличие от случаев, когда санкции вводились одним государством или группой государств, например Евросоюзом, тот факт, что в этот раз решение принимал Совет Безопасности ООН, резко ограничил Ирану пространство для маневра.

Эффективности санкций против Ирана способствовала и взаимозависимость в рамках мировой экономики. Государства и фирмы, осуществляющие в значительных масштабах международные финансовые операции, зависят от структур, действующих под юрисдикцией США, Евросоюза, Японии и других стран, чьи власти имеют все возможности контролировать соблюдение санкций. В прежние времена, когда государства и деловые предприятия не были столь тесно взаимосвязаны на

международном уровне, им легче было игнорировать требования тех, кто стремился поддерживать режим санкций.

Действия иранских предприятий и компаний, занимавшихся бизнесом с крупными международными партнерами, были резко ограничены из-за перекрытия доступа к финансированию и страхованию. Международная финансовая система глубоко интегрирована — банки и другие финансовые учреждения, например страховые компании, зависят от глобальной сети в плане кредитования, заимствования, обмена, страхования, инвестирования и расчетов. Лишь немногие крупные предприятия и государства способны осуществлять масштабные транзакции без участия структур, находящихся в юрисдикции США, ЕС, Японии и других стран-союзниц.

Это дает Вашингтону мощнейшие рычаги воздействия (если только он ими не злоупотребляет, провоцируя другие финансовые державы на контрмеры). США уже на первом этапе действия санкций выявили и подвергли судебному преследованию крупные западные банки, не желавшие подчиняться санкциям США, Евросоюза и/или Совета Безопасности ООН. Так, широкую известность получила история с банком BNP Paribas, который в 2015 г. лишился 8,83 млрд долларов и заплатил 140 млн долларов штрафа за нарушение режима американских санкций против Ирана, а также Судана и Кубы. Среди других банков, отделавшихся меньшими штрафами за подобные нарушения, оказались HSBC, Deutsche Bank, ING и Cr dit Agricole¹³. Масштаб этих наказаний заставил международные компании и государства, на территории которых они зарегистрированы, крайне настороженно относиться к рискам, которыми чреваты деловые операции с Ираном, и побудил их с особой тщательностью контролировать соблюдение режима санкций их собственными структурами.

Современные информационные технологии чрезвычайно усиливают возможности государственных регулирующих органов и разведок по мониторингу соблюдения санкций, выявлению подозрительной деятельности и привлечению для борьбы с нею правоохранительных структур. Техническая, разведывательная и правовая инфраструктура, созданная для противодействия международному терроризму, отлично подходила для обеспечения экономических санкций против Ирана.

Технический прогресс также сильно повысил возможности ведущих государств по сбору разведанных о деятельности Ирана в ядерной сфере. Большая часть используемых методов засекречена, но обнару-

¹³ В этих случаях речь шла о нарушении целого ряда санкций против Ирана, а не только тех, что были введены из-за его ядерной программы.

жение тайного объекта по обогащению урана в Форду, разработка и внедрение вируса Stuxnet в систему управления иранскими центрифугами показали, что скрывать масштабные действия, крупные объекты и оборудование в ядерной сфере становится все труднее. Убийство как минимум пяти ведущих ученых, участвовавших в иранской ядерной и ракетной программах, также говорит о способности хотя бы одной разведслужбы выявлять, отслеживать и устранять лучших технических специалистов противника (упоминание об этой способности не означает одобрения подобной тактики с моральной, юридической или стратегической точек зрения). С конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда Ираку и Северной Корее удалось втайне создать потенциал для производства разделяющихся материалов, средства спутниковой, радиотехнической, кибернетической разведки, дистанционного наблюдения и другие технологии сделали огромный шаг вперед.

Это развитие технологий и других сил и средств для сбора разведанных, обеспечения санкций и проведения тайных операций усилило рычаги влияния на Иран, призванные побудить его согласиться с требованиями международного сообщества. Они также повышают риски для тех акторов, которые в будущем могут задуматься о создании ядерного оружия. Впрочем, события вокруг Ирана показали, что использование передовых технологий в тайных операциях само по себе небезопасно. Так, применение вируса Stuxnet против Ирана обернулось непреднамеренным заражением «программируемого логического командоаппарата» (ПЛК) — промышленной системы управления — в других странах. Кроме того, оно повысило заинтересованность Ирана в разработке средств проведения наступательных киберопераций, что выразилось в проведенной в 2012 г. кибератаке на компьютеры нефтяной компании ARAMCO Саудовской Аравии¹⁴, а также в аналогичных атаках против американских банков, в том числе против PNC, SunTrust и BB&T¹⁵.

Мы не можем знать, предприняли бы иранские акторы эти атаки, если бы сначала страна сама не подверглась атаке Stuxnet. С учетом пользы и издержек от этого «обмена ударами» трудно сказать, была ли операция Stuxnet все же целесообразной. Аналогичным образом убийства сотрудников ядерной и ракетной программ Ирана могли

¹⁴ Pagliery J. The Inside Story of the Biggest Hack in History // CNN. 2015. 5 Aug. URL: <http://money.cnn.com/2015/08/05/technology/aramco-hack/>

¹⁵ Gorman S., Yadron D. Banks Seek U. S. Help on Iran Cyberattacks // Wall Street Journal. 2013. 16 Jan. URL: www.wsj.com/articles/SB10001424127887324734904578244302923178548

лишь укрепить его решимость и исключить возможные уступки в ходе переговоров.

Вероятно, методы, разработанные и примененные в случае с Ираном, будут и дальше оттачиваться. Этот процесс совершенствования и политические дискуссии о целесообразности и сферах применения таких методов должны проходить с учетом промежуточных результатов выполнения СВПД. Многие здесь внушают уверенность, что акторы, которые вознамерятся в будущем незаконно овладеть ядерным оружием, столкнутся с серьезными издержками и другими препятствиями. В то же время следует ожидать, что будущие нарушители изучат случай с Ираном и будут искать новые способы избежания обнаружения, политической изоляции и принудительного воздействия.

Соседи Ирана

Много лет чиновники и эксперты из разных стран рассуждали и утверждали, что пример Ирана побудит другие государства Ближнего Востока к созданию ядерного оружия. В 1990-х и «нулевых» годах считалось, что Иран отвергнет дипломатический процесс и продолжит работу над ядерным оружием, в результате чего так же поступят Саудовская Аравия и/или Египет, и/или Турция. Из этого официальные круги и эксперты ряда стран делали вывод, что единственный способ остановить Иран и избежать распространения ядерного оружия в регионе состоит в проведении военных акций. После принятия СВПД исходный тезис изменился.

Теперь высказывается озабоченность, что Иран добился международного признания, согласия на продолжение обогащения урана и снятия санкций, и это заставит его соседей настолько опасаться растущего могущества Тегерана, что они тоже будут стремиться обзавестись ядерным оружием¹⁶. Действительно, в марте 2015 г. саудовский принц Турки аль-Фейсал заявил: «Если Иран получил возможность обогащать уран до какого-либо уровня, о том же будет просить Саудовская

¹⁶ См., например, дискуссию между Р. Эйнхорном и О. Хейноненом: *Beyond the Vote (Part 2): Implications for Proliferation in the Middle East* // The Washington Institute for Near East Policy. 2015. 21 Sept. URL: www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/beyond-the-vote-part-2-implications-for-proliferation-in-the-middle-east

Аравия, и не только она»¹⁷. Позднее на конференции в Сеуле он отметил: «Все, что есть у иранцев, будет и у нас»¹⁸.

При более тщательном анализе, однако, выясняется, что угроза распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке преувеличивается. СВПД, если он будет выполнен, создает возможности для дальнейшего ослабления этой угрозы. Это может произойти даже несмотря на то, что СВПД, возможно, затруднит задачу убеждения других стран отказаться от потенциала для обогащения урана.

Саудовская Аравия, Египет и Турция — те государства, что с наибольшей вероятностью стремятся создать противовес потенциальной ядерной мощи Ирана. Однако у них нет элементарных технических возможностей, материальной и социальной инфраструктуры и политико-экономического пространства, позволяющих предпринять усилия и преодолеть риски, связанные с созданием ядерного оружия при противодействии международного сообщества.

Из всех противников Ирана официальные круги Саудовской Аравии наиболее громко заявляют о заинтересованности в обретении уравновешивающего ядерного потенциала. Однако технические возможности королевства в ядерной сфере весьма ограничены. Это государство не имеет ни одного ядерного реактора. У него нет собственных или импортных средств даже для проведения экспериментальных работ по обогащению урана и/или производству и выделению плутония. Судя по всему, страна не имеет также научно-технических кадров, способных спроектировать, изготовить и испытать ядерное взрывное устройство. Создание многоаспектного потенциала, необходимого для собственного производства разделяющихся материалов, займет немало лет. Большинство стран (хотя и не все), пытавшихся тайно создать ядерное оружие, делали это под прикрытием атомных программ гражданского назначения, осуществлявшихся десятилетиями. В принципе, Саудовская Аравия обладает достаточными экономическими ресурсами для финансирования ядерной программы, но до сих пор она их не задействовала.

Для сравнения, Объединенные Арабские Эмираты, к примеру, за последние 10 лет вложили гигантские средства в финансирование

¹⁷ Usher B. P. Iran Deal Could Start Nuclear Fuel Race — Saudi Arabia // BBC News. 2015. 16 Mar. URL: www.bbc.com/news/world-middle-east-31901961

¹⁸ Sanger D. E. Saudi Arabia Promises to Match Iran in Nuclear Capability // The New York Times. 2015. 13 May. URL: www.nytimes.com/2015/05/14/world/middleeast/saudi-arabia-promises-to-match-iran-in-nuclear-capability.html?_r=0

строительства атомных электростанций зарубежными подрядчиками, а также приобретение связанных с этим технических знаний и опыта регулирования, причем международное сообщество это только приветствовало, поскольку ОАЭ приложили максимум усилий, чтобы продемонстрировать отсутствие намерений создавать ядерное оружие. Самое главное в этой связи — Абу-Даби взял на себя обязательство не пытаться приобрести потенциал для обогащения урана и выделения плутония. Если бы Саудовская Аравия была заинтересована в получении возможности для создания ядерного оружия, она, скорее всего, не последовала бы примеру ОАЭ в плане отказа от обогащения и переработки ядерных материалов. А это, в свою очередь, осложнило бы сотрудничество королевства с другими странами и продлило его путь к военному ядерному потенциалу.

Некоторые наблюдатели рассуждают о том, что Саудовская Аравия постарается импортировать разделяющиеся материалы или раздобыть уже готовые ядерные боеприпасы. До сих пор еще ни одна страна не приобретала ядерное оружие таким способом. Проблемы, которые он поставил бы перед Саудовской Аравией и международным сообществом, прецедентов не имеют. В качестве наиболее вероятного ядерного импортера в Саудовскую Аравию часто называют Пакистан, хотя никаких надежных данных, свидетельствующих о такой возможности, никто не приводит. Пакистан много лет получал разнообразную финансовую поддержку от Саудовской Аравии, и до недавних пор эти страны связывали весьма близкие отношения¹⁹.

Тем не менее в случае передачи разделяющихся материалов и/или ядерного оружия Саудовской Аравии Пакистан подвергнет серьезному риску собственные интересы. В частности, весьма важная в экономическом отношении, но беспокойная пакистанская провинция Белуджистан граничит с Ираном, и Тегеран в качестве возмездия за такой ядерный экспорт в Саудовскую Аравию может нанести Исламабаду серьезный ущерб. США, Индия и другие страны также постараются изолировать и наказать Пакистан. Одно из главных неизвестных в такой ситуации — как поведет себя Китай. КНР является незаменимым союзником Пакистана. Трудно представить, что Исламабад пойдет на передачу Эр-Рияду ядерного оружия, со всеми вытекающими последствиями, не заручившись хотя бы молчаливым согласием Пекина.

Одними из главных мотивов Саудовской Аравии для обретения военного ядерного потенциала стали бы соображения престижа и по-

¹⁹ Их отношения испортились в 2015 г., когда Исламабад отклонил просьбу Эр-Рияда об отправке сухопутных войск для поддержки военной кампании Саудовской Аравии в Йемене.

литического влияния перед лицом Ирана. Тем не менее покупка соответствующих технологий у Пакистана лишь подчеркнула бы отсутствие у Эр-Рияда собственных возможностей в ядерной сфере, а значит, и «неполноценность» королевства по сравнению с Ираном (Иран импортировал из Пакистана центрифуги и техническую документацию, но в использовании этих активов и осуществлении довольно масштабной ядерной программы опирался в основном на собственные силы). С точки зрения безопасности, если Саудовская Аравия приобретет ядерное оружие у Пакистана и затем в ее отношениях с Ираном возникнет острый кризис, сможет ли Эр-Рияд быть уверен в своей способности применить этот ядерный потенциал? Может ли королевство рассчитывать на готовность Пакистана встать на его сторону в случае эскалации такого кризиса? В 2015 г., когда Саудовская Аравия попросила Пакистан выделить контингент для военной интервенции в Йемене, Исламабад отказался. Какова же вероятность, что он пожелает сотрудничать с Эр-Риядом в его балансировании на грани ядерной войны с Ираном?

СВПД увеличивает препятствия на пути любых усилий Саудовской Аравии по созданию ядерного оружия. В плане мотивации, если Иран будет выполнять СВПД, возможная ядерная угроза Саудовской Аравии с его стороны существенно снизится. Это должно умерить интерес Эр-Рияда к ядерному оружию. Кроме того, соблюдение Ираном положений СВПД должно укрепить решимость международного сообщества противодействовать любым усилиям Саудовской Аравии по созданию военного ядерного потенциала: они будут расцениваться как угроза той пользе, которой мир ожидает от Плана действий. И напротив, если Иран нарушит СВПД, США и другие великие державы, скорее всего, введут против него жесткие санкции и другие «штрафные» меры, в том числе для того, чтобы не допустить распространения ядерного оружия в Саудовскую Аравию. Так или иначе, СВПД затрудняет Эр-Рияду осуществление решительных шагов к приобретению ядерного оружия, пока Иран выполняет свои обязательства.

Кроме того, способность Саудовской Аравии противостоять давлению международного сообщества в плане нераспространения снижается параллельно с падением цен на нефть и ростом угрозы со стороны «Исламского государства». Доходы королевства сократились как раз в тот момент, когда ему необходимо проводить масштабные экономические реформы, чтобы улучшить возможности развития страны и оправдать надежды молодежи во избежание народного недовольства монархией. Эр-Рияд тратит немалые средства на противодействие усилиям Ирана в Йемене, Ираке и Сирии. Ядерный потенциал не увеличит

шансы на успех Саудовской Аравии в этом состязании и не предотвратит брожения среди шиитского населения королевства.

Вмешательство Ирана носит неявный характер — в отличие от угроз, которые можно эффективно предотвратить или устранить с помощью ядерного оружия. Если, тем не менее, Саудовская Аравия решит создать ядерное оружие, она тут же станет объектом санкций со стороны международного сообщества, поскольку покупатели ее нефти могут легко найти альтернативные источники поставок, в том числе в лице Ирана. Иными словами, сегодня Саудовская Аравия как никогда уязвима к международному давлению в случае попыток королевства превратиться в ядерную державу.

Самым серьезным потенциалом в ядерной сфере из всех арабских государств обладает Египет (Объединенные Арабские Эмираты будут иметь единственную современную АЭС в арабском мире, которая строится южнокорейским консорциумом). У него есть два исследовательских реактора, опытный завод по производству ядерного топлива и еще одно опытное предприятие по переводу уранового концентрата в газообразное состояние. Кроме того, он обладает опытом переработки ядерных отходов, а также «горячими камерами», где можно в очень небольших объемах выделять плутоний. Тем не менее в последние десятилетия Египет не смог реализовать планы по существенному развитию своей ядерной программы, в том числе в части производства электроэнергии. В ноябре 2015 г. Египет и Россия заключили соглашение, в соответствии с которым российская сторона профинансирует и осуществит строительство АЭС в Египте. Согласно сообщениям прессы, строительство должно завершиться в 2022 г.²⁰

Однако недавний опыт сооружения новых АЭС в Финляндии, Франции, Индии, Турции и США говорит о том, что египетская электростанция не может быть достроена к 2022 г. Политические потрясения в стране с 2011 г. поглощают внимание как ее элит, так и общества в целом. Военная диктатура с трудом поддерживает политический контроль и пытается удовлетворить экономические требования населения. Инфраструктура Египта по-прежнему развита слабо. Это ухудшает условия для международного сотрудничества в ядерной сфере, необходимого Египту для достаточного развития соответствующей инфраструктуры, чтобы он мог помышлять о создании ядерного оружия.

²⁰ Egypt, Russia Sign Deal to Build a Nuclear Power Plant // Reuters. 2015. 19 Nov. URL: <http://www.reuters.com/article/us-nuclear-russia-egypt-idUSKCN0T81YY20151119>

Более того, для обуздания угроз безопасности страны со стороны внутренних и внешних радикальных группировок египетскому режиму необходимо тайное сотрудничество с Израилем. Кроме того, режим в Каире рассчитывает на продолжение финансовой и военной помощи США, Саудовской Аравии и других стран. Если возникнет мнение, что Египет планирует обзавестись ядерным оружием, эта помощь окажется под вопросом. Если Иран будет выполнять СВГД, международное сообщество постарается решительно блокировать попытки любых других стран региона по созданию военного ядерного потенциала, даже латентного. Саудовская Аравия и другие страны хотят, чтобы Египет оставался оплотом против суннитского экстремизма (и Ирана), но из-за соперничества между арабскими государствами ни одно из них не желает, чтобы другая арабская страна получила ядерное оружие первой.

Турция, возможно, обладает техническими возможностями и экономическими ресурсами для создания ядерного оружия в течение первых 10–15 лет действия СВГД — если ее руководство сочтет это приоритетной задачей. Однако лидеры Турции неизменно делают акцент на участии страны в ДНЯО в качестве неядерного государства. Турция лишь недавно начала уделять серьезное внимание развитию ядерной энергетики, и главным проектом здесь является строительство Россией атомной электростанции, причем Москва оказывает ей в этих целях необычайно щедрую финансовую помощь. Однако возникшая в российско-турецких отношениях напряженность поставила реализацию проекта под сомнение²¹. Способность Турции привлечь других зарубежных партнеров для развития атомной энергетики зависит от полного и строгого соблюдения Анкарой норм и правил режима нераспространения. Таким образом, чтобы подвергнуть риску перспективы страны в области атомной энергетики из-за создания ядерного оружия, руководству Турции понадобятся серьезнейшие основания в плане угроз безопасности.

Турция является членом НАТО. Под эгидой этого альянса США по-прежнему держат на турецкой авиабазе Инджирлик около 60–70 тактических авиационных ядерных боеприпасов²². Если в краткосрочной или среднесрочной перспективе Россия создаст серьезную

²¹ Ülgen S. Is This the End of Moscow–Ankara Nuclear Cooperation? // Bulletin of the Atomic Scientists. 2016. 13 Jan. URL: thebulletin.org/end-moscow-ankara-nuclear-cooperation9059

²² Turkey // Nuclear Threat Initiative. 2016. 19 Mar. URL: <http://www.nti.org/learn/countries/turkey/>

угрозу безопасности Турции, юридические обязательства НАТО по ее защите, в том числе с использованием ядерных вооружений, будут более надежной гарантией, чем собственные усилия по созданию ядерного оружия (при противодействии стран НАТО, России Ирана и др.), результат которых предугадать нельзя. Сейчас главные заботы Турции — это война в Сирии, возобновление конфликта с собственным курдским меньшинством и «Исламское государство» (террористическая организация, запрещенная в России. — *Ред.*). Независимо от того, насколько усиливает членство в НАТО возможности Турции по борьбе с этими угрозами, программа по созданию ядерного оружия их точно не повысит, но при этом подвергнет опасности участие страны в альянсе. Издержки на международной арене от подобной деятельности еще больше осложняют президенту Реджепу Эрдогану и его Партии справедливости и развития борьбу за сохранение большинства в турецких органах власти. Эти издержки окажутся еще больше, если Иран будет выполнять СВПД. Поэтому, как отмечается в книге «Ядерное будущее Турции», «в обозримой перспективе турецкое руководство будет считать, что национальным интересам страны больше всего отвечает отказ от попыток создать независимые ядерные силы»²³.

С учетом соображений Египта, Саудовской Аравии и Турции весьма осведомленный дипломат одного из ведущих государств Совета по сотрудничеству стран Персидского залива делает вывод: как минимум в ближайшие 15 лет возникновение угрозы гонки ядерных вооружений в регионе «крайне маловероятно». У наиболее вероятных кандидатов на участие в ней, отмечает он, нет нужного потенциала. Кроме того, у них имеются куда более насущные задачи во внутренней и региональной политике. Наконец, добавляет он, если любая из этих стран попытается создать ядерный потенциал двойного назначения, международное сообщество постарается, по меньшей мере, заставить ее принять модальности мониторинга и верификации ядерной деятельности, аналогичные тем, что принял Иран в рамках СВПД. Если Иран будет выполнять СВПД и свое бессрочное обязательство не создавать ядерное оружие, любое государство региона, которое попытается нарушить ДНЯО, столкнется как минимум с такими же ограничениями и карательными мерами, как в свое время Тегеран.

²³ Turkey's Nuclear Future / ed. by G. Perkovich, S. Ülgen. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2015. P. 214.

Соглашение и укрепление режима нераспространения

Основой международной кампании, убедившей Тегеран начать переговоры об СВПД, стало участие Ирана в Договоре о нераспространении ядерного оружия и его Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. В то же время отсутствие в ДНЯО четких положений по некоторым конкретным вопросам дало Ирану возможность «проверять на прочность» его условия способами, которые, возможно, пожелают опробовать и другие государства: к примеру, создать потенциал полного топливного цикла, ненужного для гражданских целей, и/или проводить НИОКР, связанные с ядерными взрывчатыми веществами. Статья IV этого договора, как отмечают многие, подтверждает в принципе право государств на развитие мирной атомной энергетики и призывает к международному сотрудничеству в этих целях. Однако эти условия относятся лишь к тем случаям, когда подобная деятельность не противоречит обязательствам не создавать и не способствовать созданию ядерного оружия, содержащимся в статьях I и II Договора. К сожалению, ДНЯО не содержит определения «ядерного оружия» или перечисления видов деятельности, необходимых для производства ядерных взрывчатых веществ, которые запрещены неядерным государствам. В Договоре также не оговаривается конкретно наличие или отсутствие у государств «права» на создание и использование потенциала для производства разделяющихся материалов. Таким образом, драматичное и чреватое эскалацией состязание между группой «5+1», МАГАТЭ и Ираном во многом происходило вокруг вопроса о том, какой характер носит ядерная деятельность Тегерана — военный или исключительно мирный — и можно ли требовать от него отказа от работ по производству разделяющихся материалов.

СВПД решает и в некоторых случаях проясняет эти вопросы таким образом, что это неизбежно повлияет на будущие действия и точки зрения отдельных государств и международного сообщества в целом. Он содержит положения, которые можно в будущем использовать в качестве образца для обеспечения уверенности в том, что атомные программы неядерных государств останутся мирными и не будут применяться для распространения ядерного оружия. Это, в свою очередь, может способствовать международному ядерному сотрудничеству в мирных целях.

СВПД также содержит пункты, которые могут способствовать процессу ядерного разоружения. К примеру, государства, соглашающиеся полностью ликвидировать свои ядерные арсеналы, по-видимому, должны также поставить под запрет НИОКР, необходимые для производства

ядерных взрывчатых веществ, как это сделано в СВПД. Аналогичным образом зафиксированные в СВПД процедуры мониторинга, проверок и инспекций можно адаптировать для процесса разоружения. В дискуссиях вокруг СВПД эти потенциально позитивные системные характеристики соглашения зачастую игнорировались.

На практике СВПД устанавливает, что ДНЯО не отрицает априори «права» государств на создание и использование мощностей для производства разделяющихся материалов в мирных целях. Это — главная основа для критики соглашения с точки зрения нераспространения. Но одновременно СВПД определяет условия, а также механизмы мониторинга и верификации, способные значительно укрепить уверенность международного сообщества, что деятельность любого государства в сфере топливного цикла останется исключительно мирной.

Соглашение дает образец соизмерения подобной деятельности государства с четкими критериями ее гражданского назначения. Так, уровень обогащения урана ограничивается 3,67 %, что и требуется для реакторов АЭС (для ядерного оружия уровень обогащения должен составлять 90 %). СВПД также ограничивает объем обогащенного урана, который может накопить государство до появления явной потребности в большом количестве топлива для ядерных реакторов. В случае с Ираном этот лимит на 15 лет составляет 300 кг; вместе с тем существует договоренность, что в дальнейшем мощности Ирана по обогащению будут увеличиваться согласно плану, заранее согласованному с МАГАТЭ. Принцип соизмерения объемов производства и накопления разделяющихся материалов с четкими мирными потребностями проявляется и в том, как СВПД решает вопрос о выделении плутония. Иран не нуждается в плутонии для мирных целей. Соответственно, он согласился перепроектировать тяжеловодный реактор в Араке таким образом, чтобы «свести к минимуму производство плутония и не нарабатывать плутоний оружейного качества в ходе нормального функционирования»²⁴. Иран также согласился в течение 15 лет не заниматься «переработкой отработавшего ядерного топлива или сооружением установки, способной осуществлять такую переработку», а также декларировал отсутствие намерений заниматься такой переработкой в дальнейшем²⁵.

²⁴ Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2015. 16 июн. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1595858

²⁵ Там же.

Процедуры верификации и мониторинга, прописанные в СВПД, существенно укрепляют уверенность, что Иран не сможет использовать объекты и материалы топливного цикла в военных целях или проводить незаконную деятельность в этой области. Добыча урана в Иране будет объектом мониторинга в течение 25 лет. В течение 20 лет Иран будет объявлять обо всех объектах и оборудовании («роторы и сиффоны для центрифуг») и позволит МАГАТЭ осуществлять постоянный мониторинг²⁶. В течение 15 лет обогащать уран разрешено только на одном объекте — в Натанзе, куда МАГАТЭ будет обеспечен ежедневный доступ. Эти положения, наряду с другими, существенно снижают шансы на то, что Иран использует продукцию с задекларированных объектов для ядерного оружия. И, что еще важнее, в совокупности эти положения повышают вероятность того, что МАГАТЭ и разведслужбы других стран выявят тайную ядерную деятельность Ирана. Никакие легитимные практические причины не препятствуют применению этих форм мониторинга в отношении других неядерных государств, стремящихся заниматься обогащением урана и переработкой отработавшего топлива.

Если же говорить о создании ядерного оружия, запрещенном статьей II ДНЯО, то СВПД устанавливает: «Иран не будет заниматься деятельностью, включая на уровне НИОКР, которая могла бы способствовать разработке ядерного взрывного устройства»²⁷. В разделе Т Приложения 1 перечисляются запрещенные виды такой деятельности:

- 82.1. конструирование, разработка, приобретение или использование компьютерных моделей для имитации ядерных взрывных устройств;
- 82.2. конструирование, разработка, изготовление, приобретение или использование многоточечных систем детонации взрыва, которые подходят для ядерного взрывного устройства, за исключением тех случаев, когда это будет разрешено Совместной комиссией в неядерных целях и с условием, что эта деятельность будет подлежать наблюдению;
- 82.3. конструирование, разработка, изготовление, приобретение или использование систем диагностики взрывов (фотохронографы, кадровые фотоаппараты и фотоаппараты для импульсной рентгеновской съемки), подходящих для разработки ядерного взрывного устройства, за исключением тех случаев, когда это будет разрешено

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Совместной комиссией в неядерных целях, и с условием, что эта деятельность будет подлежать наблюдению;

- 82.4. конструирование, разработка, изготовление, приобретение или использование нейтронных источников взрывного типа или специальных материалов для нейтронных источников взрывного типа.

Эти запреты, закрепленные теперь в юридически обязывающей резолюции Совета Безопасности ООН, влекут за собой несколько последствий, способствующих борьбе с распространением ядерного оружия, более четкому определению ядерного разоружения и мирному сотрудничеству в атомной сфере. В положениях оговариваются некоторые, хотя и не все, виды деятельности, которые следует расценивать как признаки усилий по созданию ядерных взрывных устройств, и потому они не приемлемы для неядерных государств (если соответствующее государство не сможет представить обоснованные доказательства невоенных целей подобной деятельности). Данная конкретизация впервые проясняет, какие виды деятельности, не связанные с ядерными материалами, следует считать несовместимыми с чисто мирным характером ядерных программ. В результате барьеры на пути распространения усиливаются, и одновременно оговариваются детали определяющих элементов будущего режима ядерного разоружения. Государства, претендующие на безъядерный статус, не должны осуществлять действий, которые считаются необходимыми для производства ядерных взрывчатых веществ. И напротив, условия ядерного сотрудничества облегчаются для тех государств, осуществляющих мирные ядерные программы, которые заявляют о решении воздерживаться от подобных действий и соглашаются с процедурами верификации выполнения этого обязательства.

СВПД также подтверждает полномочия МАГАТЭ по проверке обязательств государств в плане нераспространения не только в узком вопросе о незаконном приобретении или использовании ядерных материалов. Агентству со штаб-квартирой в Вене теперь ставится задача проверять, не ведется ли в Иране деятельность, способствующая созданию ядерного взрывного устройства. Большинство экспертов полагает, что МАГАТЭ является органом, наиболее подходящим для верификации выполнения обязательств по нераспространению, а затем и ядерному разоружению, но последняя функция до СВПД нигде не оговаривалась.

Наконец, в СВПД содержится весьма продуманный механизм воздействия на нарушителей, который можно использовать в будущем при возникновении серьезных проблем в сфере нераспространения и, возможно, при нарушениях разоруженческих соглашений. Если спор

вокруг выполнения соглашения не удастся разрешить, каждый из его участников вправе инициировать в Совете Безопасности ООН голосование по резолюции о сохранении режима отмены санкций. Если хотя бы один из постоянных членов СБ проголосует против такой резолюции, будет возобновлено действие прошлых резолюций о санкциях. По сути, речь идет о перестройке механизма вето: теперь любой постоянный член СБ способен не блокировать введение санкций, что прежде затрудняло выполнение соглашений, а наоборот, вновь вводит их в действие в ответ на возникновение неразрешенного спора о выполнении обязательств. Иран, правда, заявил: если произойдет такое возобновление санкций, он «будет рассматривать это как основание для полного или частичного прекращения выполнения своих обязательств по СВПД». Тем не менее «возвратный» механизм СВПД можно применить в будущем, если Совет Безопасности ООН выявит нарушение каким-либо государством своих обязательств по нераспространению и введет против него санкции. Сама возможность этого послужит сдерживанию нарушений режима нераспространения.

Вопрос о том, когда и как следует адаптировать и шире использовать перечисленные новаторские положения СВПД, неизбежно станет предметом активных дискуссий на межгосударственном уровне. Поначалу Россия и другие государства настаивали, что СВПД не создает прецедента, который можно трактовать расширительно²⁸. Однако, по мере выполнения СВПД в течение ближайших 10–15 лет, международное сообщество совершит ошибку, если откажется от широкого применения его взаимовыгодных положений. Соответствующие пункты могли бы включаться в межгосударственные соглашения о ядерном сотрудничестве. Группа ядерных поставщиков могла бы потребовать принятия этих положений в качестве ориентиров для торговли с государствами, стремящимися создать потенциал для обогащения урана и/или выделения плутония.

На будущих конференциях по рассмотрению ДНЯО можно обсудить и рекомендовать к введению запрет на конкретные виды деятельности, способствующие созданию ядерных взрывных устройств — как в рамках борьбы с распространением ядерного оружия, так и в качестве

²⁸ В пункте xi СВПД отмечается: «Все положения и меры, содержащиеся в СВПД, предназначены только для целей его выполнения группой ЕЗ/ЕС+3 и Ираном и не должны рассматриваться как создающие прецеденты в отношении любого другого государства или в отношении принципов международного права, а также прав и обязанностей по ДНЯО и других соответствующих документов, а также международно признанных принципов и практики».

элемента ядерного разоружения. Совету управляющих МАГАТЭ стоило бы дополнить существующие гарантии процедурами мониторинга и проверки по образцу СВПД применительно к государствам, реализующим программы в сфере топливного цикла.

Дискуссии и споры по этим вопросам продлятся не один год, но и сами ключевые положения СВПД будут действовать 10–15 лет и даже дольше, так что времени для широкого применения его полезных параметров более чем достаточно. Дополнительным преимуществом этого стало бы поощрение Ирана к бессрочному выполнению буквы и духа Соглашения. В то же время неспособность воспользоваться наглядными уроками иранского кризиса и положениями СВПД означало бы, что изрядные усилия и жертвы международного сообщества в процессе его мирного разрешения будут растрачены впустую.

Джулия Даймонд

Расширение гарантий МАГАТЭ

С тех пор как в 2012 г. Россия впервые выразила озабоченность в связи с Концепцией Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) о гарантиях на уровне государства, Агентство пытается развеять это беспокойство. Тем не менее озабоченность России сохраняется, и это исходит из выступлений ее представителей на международных форумах, в том числе на Симпозиуме по международным гарантиям в 2014 г., из национальных докладов, вступительных заявлений на ежегодных заседаниях Подготовительного комитета, Конференции 2015 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), а также заявлений российской стороны и резолюций на ежегодных Генеральных конференциях МАГАТЭ¹. С учетом большого количества отчетов МАГАТЭ странам-

¹ Statement by Mikhail Ulyanov, Head of the Delegation of the Russian Federation Director of the Department for Security Affairs and Disarmament Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, at the Second Session of the Preparatory Committee for the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Geneva: Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office and Other International Organizations in Geneva, 2013. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom13/statements/22April_Russia.pdf; Statement by Mikhail I. Uliyanov, Head of the Delegation of the Russian Federation, at the First Third Session of the Preparatory Committee for the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. – New York: Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations in New York, 2014. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom14/statements/29%20April_Russia.pdf; Statement by Mikhail I. Uliyanov, Director of the Department for Non-Proliferation and Arms Control of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Head of the Delegation of the Russian Federation, at the Third Meeting of the Preparatory Committee for the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons on measures taken by the Russian Federation as Regards Actions 5, 20 and 21 Contained in the Final

участницам и консультаций с ними, которые Агентство проводит с 2012 г., можно лишь гадать, появится ли когда-нибудь у России полная уверенность в концепции гарантий на уровне государства и ее реализации. Суть российских претензий в сочетании с вероятными глубинными движущими силами неприятия ею этой концепции вынуждает задаться вопросом: сможет ли МАГАТЭ в обозримом будущем снять озабоченность Москвы или противостояние между странами-участницами по этой проблеме продолжится?

Концепция гарантий на уровне государства

Концепция гарантий на уровне государства (КГУГ) представляет собой недавний этап эволюции системы гарантий МАГАТЭ. Агентство разработало и продолжает реализовывать в государствах, с которыми у него есть соответствующие соглашения, меры, гарантирующие, что использование ядерных материалов и деятельность этих стран в дан-

Document of the 2010 Review Conference. New York: Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations in New York, 2014. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom14/national-reports/Russia.pdf>; National Report Submitted by the Russian Federation. New York: UN, 2015. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/48 ; Statement by Mikhail I.Uliyanov, Acting Head of the Delegation of the Russian Federation at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York, 2015. URL: http://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/27April_Russia.pdf; Committee of the Whole: Record of the Seventh Meeting. Vienna: IAEA, 2013. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC57/GC57Com5Records/English/gc57com5or-7_en.pdf; Plenary: Record of the First Meeting. Vienna: IAEA, 2014. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC57/GC57Records/English/gc57or-1_en.pdf; Committee of the Whole: Record of the Fourth Meeting. Vienna: IAEA, 2015. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC58/GC58Com5Records/English/gc58com5or-4_en.pdf; Committee of the Whole: Record of the First Meeting. Vienna: IAEA, 2015. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC59/GC59Com5Records/English/gc59com5or-1_en.pdf ; Plenary: Record of the First Meeting. Vienna: IAEA, 2015. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC59/GC59Records/English/gc59or-1_en.pdf; Strengthening the Effectiveness and Improving the Efficiency of Agency Safeguards: Resolution Adopted on 18 September 2015 during the Ninth Plenary Meeting. Vienna: IAEA. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC59/GC59Resolutions/English/gc59res-13_en.pdf

ной сфере будет носить исключительно мирный характер². Секретариат МАГАТЭ (орган, занимающийся среди прочего разработкой гарантийных мер и состоящий из сотрудников Агентства) впервые представил КГУГ в 2004 г.³ Концепция воплощает собой общий принцип выработки и реализации подхода на уровне государства в целом к осуществлению гарантий во всех странах, в том числе и тех, по которым МАГАТЭ не составило заключения о результатах применения гарантий⁴. Такие заключения МАГАТЭ составляет в отношении государств, подписавших с ним Дополнительный протокол (ДП) (более раннюю меру по укреплению действенности и повышению эффективности гарантий МАГАТЭ) к действующему Соглашению о всеобъемлющих гарантиях (СВГ) – Соглашению о применении гарантий ко всем ядерным материалам и всей ядерной деятельности в государстве⁵. Тем самым МАГАТЭ заверяет страны-участницы, что в течение соответствующего года «все ядерные материалы в... государстве остаются под действием гарантий МАГАТЭ и используются в рамках мирной ядерной деятельности либо учитываются иным способом»⁶.

Подход на уровне государства определяет способ применения гарантий МАГАТЭ в конкретном государстве с учетом всей имеющейся информации о нем для проверки и сохранения в силе общего заключения⁷. С начала 2000-х гг. подход на уровне государства применялся к тем странам, по которым МАГАТЭ составило общее заключение. В этих государствах Агентство начало осуществлять интегрированные гарантии: они расцениваются как идеальное сочетание имеющихся в распоряжении МАГАТЭ гарантийных мер согласно СВГ и ДП⁸. Вплоть

² Statute of the IAEA. Vienna: IAEA, 2015. URL: <https://www.iaea.org/about/statute>

³ Rockwood L. The IAEA's State-Level Concept and the Law of Unintended Consequences // Arms Control Association. 2014. 28 Aug. URL: https://www.armscontrol.org/act/2014_09/Features/The-IAEAs-State-Level-Concept-and-the-Law-of-Unintended-Consequences

⁴ Supplementary Document to the Report on the Conceptualization and Development of Safeguards Implementation at the State Level. Vienna: IAEA, 2014. URL: <https://armscontrollaw.files.wordpress.com/2014/09/iaea-state-level-safeguards-document-august-2014.pdf>

⁵ IAEA Safeguards Glossary. 2001 Edition. Vienna: IAEA, 2002. International Nuclear Verification Series. N 3. P. 8, 80. URL: http://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/nvs-3-cd/PDF/NVS3_scr.pdf

⁶ Ibid. P. 80.

⁷ Ibid. P. 16, 99.

⁸ Ibid. P. 7, 8, 20, 99.

до последнего отчета генерального директора Агентства о концептуализации и развитии применения гарантий на уровне государства в августе 2014 г. данный поход осуществлялся в рамках интегрированных гарантий⁹.

КГУГ стала дополнением к этой недавней серии мер, в рамках которых МАГАТЭ при применении гарантий учитывает всю информацию о государстве, чтобы сосредоточить гарантийные усилия там, где они больше всего нужны, и снизить их объем там, где в них нет острой необходимости. Эта попытка усилить действенность и эффективность гарантий вызвана, в первую очередь, необходимостью проверки материалов, объектов и деятельности во все большем количестве стран, обладающих соответствующими новыми технологиями, чтобы надежнее выявлять несоблюдение ими обязательств по гарантиям в условиях практической неизменности бюджета Агентства¹⁰.

Озабоченности России

Россия, наряду с другими странами-участницами, впервые выразила озабоченность в связи с концепцией гарантий на уровне государства, а также разработкой и применением новых гарантийных мер Секретариатом МАГАТЭ в июне 2012 г. на закрытом заседании Совета управляющих МАГАТЭ, а затем в том же году — на Генеральной конференции МАГАТЭ. И в Совете, и в Генеральной конференции участвуют представители стран — членов МАГАТЭ, при этом Совет управляющих является его самым важным руководящим органом¹¹. Тщательный анализ возражений, высказанных государствами на этой Генеральной конференции, дал специалист по гарантиям Марк Хиббс. Необходимо, однако, помнить, что, как позднее разъяснил сам Хиббс,

⁹ Supplementary Document to the Report on the Conceptualization and Development of Safeguards Implementation at the State Level. Vienna: IAEA, 2014...

¹⁰ IAEA Safeguards: Serving Nuclear Non-Proliferation. Vienna: IAEA, 2015. P. 18–19. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/safeguards_web_june_2015_1.pdf; Hibbs M. IAEA Safeguards Development and Russia's National Interest // Carnegie Endowment for International Peace. 2014. 22 Nov. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/11/22/safeguards/hw7a>

¹¹ Hibbs M. The Plan for IAEA Safeguards // Carnegie Endowment for International Peace. 2012. 20 Nov. URL: <http://carnegieendowment.org/2012/11/20/plan-for-iaea-safeguards#>

«подход на уровне государства» и «концепция на уровне государства» не синонимичны¹².

Позднее Россия подчеркивала свою озабоченность на разных международных форумах. Подробные объяснения озабоченностей российской стороны и ее ожиданий относительно дальнейших действий МАГАТЭ в этом вопросе дал на Симпозиуме по международным гарантиям в 2014 г. Григорий Берденников — посол по особым поручениям российского Министерства иностранных дел, в прошлом представлявший Российскую Федерацию в ООН, на Конференции по разоружению и в международных организациях в Вене.

В целом Берденников посетовал, что в ходе эволюции системы гарантий вплоть до концепции гарантий на уровне государства не удалось сохранить ее первоначальные «главные характеристики и функции»: «объективность, неполитизированность, техническую обоснованность, понятность для всех государств-участников, а также незыблемость прав и обязанностей сторон в соответствии с заключенными ими соглашениями о гарантиях»¹³. Классические гарантии, относившиеся к конкретным объектам, а не всей ядерной программе государства, по его словам, соответствовали этим целям.

В более конкретном плане Берденников вновь выразил озабоченность относительно того, что концепция способствует политизации системы гарантий, позволяя МАГАТЭ принимать необъективные решения о применении гарантий, основываясь на информации, предоставляемой третьими сторонами, которая может быть неточной и даже сфабрикованной в интересах тех или иных государств. Более того, он заявил об опасениях, что МАГАТЭ будет использовать этот подход для интенсификации применения гарантий в тех государствах, которые не подписали с ним Дополнительные протоколы. Он отметил, что конкретные факторы, которые Секретариат МАГАТЭ принимает во внимание при выработке и реализации гарантий на уровне государства применительно к тем или иным странам, носят субъективный характер. Берденников напомнил аудитории об отсутствии сдержек в отношении прав руководящих органов МАГАТЭ (Совета управляющих

¹² Hibbs M. SLA Versus SLC // Arms Control Wonk. 2012. 6 Dec. URL: <http://www.armscontrolwonk.com/archive/1101260/sla-versus-slc/>

¹³ Statement by the Head of the Delegation of the Russian Federation, Ambassador-at-Large Grigory Berdennikov at the Symposium on International Safeguards: Linking Strategy, Implementation and People. Vienna: Permanent Mission of the Russian Federation to the International Organizations in Vienna, 2014. URL: https://www.iaea.org/safeguards/symposium/2014/images/pdfs/Russian_Statement.pdf

и Генеральной конференции) по разработке параметров применения гарантий и призвал Секретариат быть готовым отстаивать свои выводы относительно нарушений, допущенных государствами (например, не полностью мирного характера использования ядерных материалов и действий в ядерной сфере) в «открытой дискуссии» на Совете¹⁴.

В заявлениях российской делегации на 59-й Генеральной конференции в 2015 г. подчеркивались отдельные элементы выступления Берденникова. В частности, речь шла о необходимости объективных критериев по отдельным государствам, постоянной отчетности Секретариата перед Советом управляющих, улучшении контактов Секретариата со странами-участницами по «основным принципиальным вопросам, связанным с концептуализацией, разработкой и применением концепции гарантий на уровне государства» и соблюдением иерархии органов МАГАТЭ: Секретариат должен работать под эгидой Совета управляющих и Генеральной конференции и совместно с ними, а также быть готовым обосновывать на Совете достоверность предоставленной ему информации, положенной в основу вывода о несоблюдении государствами гарантий¹⁵.

Вопрос субъективности подхода к гарантиям

Возможно, МАГАТЭ никогда не сможет полностью выполнить пожелания/требования России и обеспечить соблюдение ее стандартов, ведь некоторые факторы, относящиеся к конкретным государствам, по определению субъективны.

Абстрагируясь от других мотивов, обуславливающих активное утверждение Россией своих интересов в ходе дискуссий о гарантиях МАГАТЭ, Секретариат, возможно, в состоянии частично развеять ее беспокойство удовлетворительным для Москвы путем. Однако создать механизмы, не позволяющие поставить под угрозу изначальную «объективность и неполитизированность», по всей видимости, не удастся¹⁶.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Committee of the Whole: Record of the First Meeting. Vienna: IAEA, 2015. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC59/GC59Com5Records/English/gc59com5or-1_en.pdf; Committee of the Whole: Record of the Seventh Meeting. Vienna: IAEA, 2015...

¹⁶ Statement by the Head of the Delegation of the Russian Federation, Ambassador-at-Large Grigory Berdennikov at the Symposium on International Safeguards: Linking Strategy, Implementation and People. Vienna: Permanent Mission of the Russian Federation to the International Organizations in Vienna,

Как объясняет Марк Хиббс, в целях обеспечения поддержки странами-участницами дальнейшего развития концепции гарантий на уровне государства, МАГАТЭ может в пределах разумного попытаться выполнить требования России и других государств относительно большей транспарентности реализации этого подхода и выработки новых гарантийных мер¹⁷. В частности, этого можно достичь, продолжая отчитываться перед странами-участницами и давая разъяснения по их вопросам на технических заседаниях относительно разработки и применения гарантийных мер¹⁸.

Хотя МАГАТЭ утверждает, что список относящихся к государствам факторов, используемых Секретариатом для выработки и осуществления подхода на уровне государства, объективен сам по себе и анализируется объективно, Секретариату, пожалуй, не избежать некоторой субъективности при разработке наиболее целесообразного подхода в отношении конкретных государств. Особенно это относится к некоторым элементам двух из шести факторов: характеру и масштабу сотрудничества государства с МАГАТЭ в ходе обеспечения гарантий и опыту применения гарантий МАГАТЭ в конкретном государстве¹⁹. При определении ответов на эти два вопроса Секретариат, очевидно, должен опираться на суждения людей, которые по определению отличаются субъективностью.

Однако, как пояснила Лора Роквуд на Международной конференции Карнеги по ядерной политике в 2015 г., государства имеют право знать, как вырабатываются соответствующие суждения. В то же время Секретариату МАГАТЭ, скорее всего, всегда придется отчасти опираться на такие суждения при осуществлении гарантий, иначе последние будут основываться исключительно на «строго количественных критериях»²⁰. В 1991 г. МАГАТЭ, обнаружив, что Ирак, охваченный системой гарантий с 1972 г., довольно сильно продвинулся в тайной

2014. URL: https://www.iaea.org/safeguards/symposium/2014/images/pdfs/Russian_Statement.pdf

¹⁷ Hibbs M. IAEA Safeguards Development and Russia's National Interest... ; Idem. The Plan for IAEA Safeguards...

¹⁸ Idem. IAEA Safeguards Development and Russia's National Interest...; Supplementary Document to the Report on the Conceptualization and Development of Safeguards Implementation at the State Level. Vienna: IAEA, 2014...

¹⁹ Ibid.

²⁰ Carnegie International Nuclear Policy Conference 2015: The Politics of Safeguards // Carnegie Endowment for International Peace. 2015. 24 Mar. URL: <http://carnegieendowment.org/files/15-politicssafeguard240315wintroformatted1.pdf>

реализации военной ядерной программы, убедилось, что подобный подход нельзя считать самым эффективным способом выявления переклечения части ядерных материалов и работ на военные цели²¹.

Возможная политизация применения гарантий, о которой говорил Берденников, связана с получением информации от третьих сторон (то есть не того государства, где применяются гарантии), особенно разведанных, что равносильно ложным обвинениям в нарушении режима нераспространения²². Это связано с предупреждениями Берденникова и российской делегации на Генеральной конференции 2015 г. о том, что Секретариат должен быть готов отстаивать свои выводы о нарушениях государств перед Советом²³. Берденников прав в том, что ложные обвинения действительно случаются. Именно утверждения о том, что Ирак возобновил свою тайную ядерную военную программу, которая ранее была демонтирована, способствовали вторжению США в эту страну в 2003 г.²⁴

Россия, особенно до подписания Совместного всеобъемлющего плана действий группой «5+1» и Ираном в июле 2015 г., не хотела, чтобы США или их союзники распространяли разведанные, которые Вашингтон или какая-то часть международного сообщества могли расценить как обоснование израильского или американского нападения на Иран. Подобный удар напомнил бы авианалет израильтян на иракский ядерный реактор «Озирак» в 1981 г. или сирийский реактор «Аль-Кибар» — в 2007 г. Как отмечает Марк Хиббс, Россия более всего не желает, чтобы США предоставляли МАГАТЭ информацию в поддержку обвинений в нарушении режима нераспространения государств, рас-

²¹ Nuclear Proliferation Case Studies // World Nuclear Association. 2015. Nov. URL: <http://www.world-nuclear.org/info/Safety-and-Security/Non-Proliferation/Appendices/Nuclear-Proliferation-Case-Studies/>; Iraq Overview // Nuclear Threat Initiative. 2015. Jul. URL: <http://www.nti.org/country-profiles/iraq/>

²² IAEA Safeguards: Serving Nuclear Non-Proliferation. Vienna: IAEA, 2015. P. 14. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/safeguards_web_june_2015_1.pdf; Statement by the Head of the Delegation of the Russian Federation, Ambassador-at-Large Grigory Berdennikov at the Symposium on International Safeguards: Linking Strategy, Implementation and People. Vienna: Permanent Mission of the Russian Federation to the International Organizations in Vienna, 2014. URL: https://www.iaea.org/safeguards/symposium/2014/images/pdfs/Russian_Statement.pdf

²³ Committee of the Whole: Record of the First Meeting. Vienna: IAEA, 2015...

²⁴ Iraq WMD 2004: Nuclear // Central Intelligence Agency. 2007. 23 Apr. URL: https://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/iraq_wmd_2004/chap4.html

положенных вблизи ее границ²⁵. Российское руководство по-прежнему настороженно относится к вмешательству США на постсоветском пространстве или поблизости от него²⁶.

То, что разведанные и другая информация от третьих стран используется должным образом, можно доказать лишь на основе практики и уверенности, что Секретариат обладает средствами проверки точности таких сведений. В будущих отчетах МАГАТЭ нужно четко объяснять, как проводится такая проверка, но в конечном итоге вывод относительно адекватности таких механизмов будут делать российские официальные круги.

Последняя проблема, о которой упомянул Берденников, связана с полномочиями Секретариата МАГАТЭ по сравнению с его руководящими органами. В 2015 г. представители стран-участниц и Секретариата провели дискуссию о том, что последний уже отчасти взаимодействует с руководящими органами МАГАТЭ так, как предлагает Россия²⁷. Формулировки, за которые выступала Россия, не были включены в проект резолюции Генеральной конференции по гарантиям, но их принятие при разработке резолюции будущей Генеральной конференции МАГАТЭ может во многом способствовать удовлетворению пожелания России о письменном закреплении механизма взаимодействия этих органов Агентства.

В 2015 г. российская сторона не повторила призыва Берденникова не использовать концепции гарантий на уровне государства для применения мер Дополнительного протокола в странах, где он не действует. Это может означать, что предпринятые МАГАТЭ шаги по прояснению концептуализации и реализации гарантий в этой сфере в некоторой мере удовлетворили Россию.

Причины разногласий

Причины, не связанные с содержанием концепции, по которым она не устраивает Россию, имеют весьма глубокие корни.

²⁵ Hibbs M. The Plan for IAEA Safeguards...

²⁶ Ryan K. Future is Bleak for U.S.-Russian Relationship // The Moscow Times. 2015. 8 Jun. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/future-is-bleak-for-u-s-russian-relationship/523252.html>

²⁷ Committee of the Whole: Record of the Seventh Meeting. — Vienna: IAEA, 2015...

С учетом того, что, как заявляют эксперты, претензии России к концепции связаны не только с техническими вопросами, возможность решения этой проблемы рано или поздно серьезно осложнится.

И российские, и американские эксперты намекают, что первоначальные возражения России могли обуславливаться политическими и экономическими мотивами. Один российский эксперт заметил, что это связано с усиливающимся в России ощущением, что МАГАТЭ отдает предпочтение инициативам и предложениям Запада, и прежде всего США. Россию, возможно, это не волновало бы, если бы не появившиеся у нее в последнее время подозрения, что США выдвигают предложения, призванные вытеснить ее с атомного энергетического рынка. Складывается впечатление, что эти предложения были направлены против государств, которые являются или могут стать клиентами России в сфере поставок мирных ядерных технологий²⁸. Одним из примеров может служить предложение президента Джорджа У. Буша разрешить «импорт оборудования для гражданских атомных программ... только тем государствам, которые подписали Дополнительный протокол»²⁹. Его принятие перекрыло бы экспорт России в некоторые из стран, с которыми у нее уже существовали коммерческие связи в области атомной энергетики, и лишили бы ее возможности заключить новые контракты с такими государствами, как Египет и Алжир.

В сочетании с этим ощущением, как указал на Московской конференции по нераспространению в 2014 г. Марк Хиббс, немалую роль сыграло, скорее всего, и выступление Путина перед российскими дипломатами 9 июня 2012 г., где он призвал энергичнее обеспечивать и отстаивать национальные интересы России³⁰. Среди этих мотивов есть и деловые интересы, о которых президент Путин тоже упомянул в своем выступлении³¹. Вскоре после этого Россия впервые высказала возражения против концепции гарантий на уровне государства — на закрытом заседании Совета управляющих МАГАТЭ (в июне того же года)³².

²⁸ Интервью с академиком А. Г. Арбатовым, руководителем Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, 28 мая 2015 г.

²⁹ President Announces New Measures to Counter the Threat of WMD // U. S. Department of State: Archive. 2004. 11 Feb. URL: <https://2001-2009.state.gov/t/isn/rls/rm/29290.htm>

³⁰ Hibbs M. The Plan for IAEA Safeguards...

³¹ Выступление Президента РФ на совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>

³² Hibbs M. The Plan for IAEA Safeguards...

В целом же более энергичное утверждение Россией своих интересов в этой сфере, как и других областях международных отношений, вписывается в контекст последовательного внешнеполитического курса президента Владимира Путина, выработанного в «нулевые». Меры по его реализации были изложены в Президентском Указе в мае 2012 г., а в следующем году подкреплены Концепцией российской внешней политики³³. Цель внешней политики России — способствовать многосторонней дипломатии и созданию нового многополярного миропорядка на основе принципов Устава ООН, который должен заменить нынешнее, по мнению президента Путина, монополярное, основанное на гегемонии Запада международное устройство, возникшее после окончания холодной войны³⁴. В качестве внешнеполитической стратегии Россия стремится обеспечить соответствие деятельности международных организаций, в том числе МАГАТЭ, их первоначальному мандату. Это должно помешать государствам, особенно западным, расширительно толковать решения этих организаций в собственных интересах³⁵. Такой курс в основном представляет собой ответ на пренебрежение, которое, по мнению президента Путина, Запад проявляет к интересам России начиная с 1990-х гг.³⁶

После активизации внешней политики России в «нулевых» она отошла от прежней твердой поддержки Секретариата МАГАТЭ и его деятельности по выработке гарантий, сочтя, что эта эволюция начала определяться позицией Запада³⁷.

³³ Указы Президента Российской Федерации В. В. Путина от 7 мая 2012 г. № 594, 596–606 // Российский союз ректоров. 2012. 7 мая. URL: http://www.rsg-online.ru/doc/2012_06_25/6.pdf; Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2013. 18 февр. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186

³⁴ Hibbs M. The Plan for IAEA Safeguards...; Hibbs M. IAEA Safeguards Development and Russia's National Interest...; Trenin D. Russia's Breakout from the Post-Cold War System: the Drivers of Putin's Course. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2014. P. 21. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_Putin2014_web_Eng.pdf; Концепция внешней политики Российской Федерации...

³⁵ Интервью с профессором Е. К. Соковой, заместителем директора Центра изучения вопросов нераспространения ядерного оружия имени Джеймса Мартина при Институте международных отношений Миддлбери, 3 февраля 2016 г.

³⁶ Trenin D. Op. cit.

³⁷ Hibbs M. The Plan for IAEA Safeguards...

Пути к согласию

С учетом нынешнего внешнеполитического курса России и причин ее озабоченности концепцией гарантий на уровне государства Москва вряд ли в ближайшее время избавится от своих тревог³⁸. Такое может произойти, когда концепция гарантий на уровне государства станет для России более приемлемой или когда между интересами России и Запада появится больше совпадений.

До таких изменений Россия будет и дальше во весь голос заявлять о своих национальных интересах во многих сферах международной арены, включая рынок ядерных технологий и материалов, что обусловлено политико-экономическими интересами России.

В последние годы России удалось заключить несколько сделок о строительстве атомных электростанций (АЭС) — преимущественно в восточных странах (см. табл.).

Таблица. Строительство АЭС за рубежом «Росатомом»

Год подписания соглашения	Страна	Название АЭС	Состояние
1988, 1998, 2014	Индия	«Куданкулам»	1-й энергоблок в эксплуатации, 2-й сооружается, под 3-й и 4-й ведутся подготовительные работы
1992, 2010	Китай	«Тяньваньская»	2 энергоблока в эксплуатации, под 3-й и 4-й ведутся подготовительные работы
1992, 2014	Иран	«Бушер»	1-й энергоблок в эксплуатации, 2-й сооружается, под 3-й ведутся подготовительные работы, 4-й запланирован
2010	Украина	«Хмельницкая АЭС»	Подготовительные работы под 3-й и 4-й энергоблоки заморожены
2010	Словакия	«Моховце»	Достройка 3-го и 4-го энергоблоков
2010	Турция	«Аккую»	Ведутся подготовительные работы для 4 энергоблоков
2011	Бангладеш	«Руппур»	2 энергоблока запланированы, ведутся подготовительные работы
2011	Беларусь	«Белорусская АЭС»	2 энергоблока сооружаются

Источник: http://www.rosatom.ru/aboutcorporation/bild_npp_2/ <http://www.atomstroyexport.ru/about/projects/current/busher/>

³⁸ Интервью с профессором Е. К. Соковой...

Помимо этих АЭС, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» подписала соглашения о строительстве новых АЭС с такими странами, как Китай (2008), Казахстан (2011), Иордания (2014, 2015) и Египет (2015). Среди всех этих стран наиболее масштабное сотрудничество России сложилось с Индией, с которой связываются и наибольшие перспективы.

Ядерная сделка России и Индии позволила перейти к практической фазе строительства второго и третьего энергоблоков на АЭС «Куданкулам», урегулировать вопрос о соблюдении секретности при обмене технической информацией. Индия обещала в ближайшее время определиться с площадкой для строительства совместной с Россией новой атомной станции. Это будет не Харипур в штате Западная Бенгалия — место, изначально согласованное сторонами, но в итоге не подошедшее по многим причинам. Россия и Индия договорились о строительстве еще 12 энергоблоков в течение следующих 20 лет, а также о локализации производства оборудования и топливных сборок для атомных электростанций. При этом речь идет об АЭС не только в Индии, но и в третьих странах.

Похоже, что задача «Росатома» в некоторых случаях состоит в помощи странам-реципиентам в создании ядерной промышленности (а не просто в строительстве АЭС) с максимальной локализацией производства необходимого оборудования. Очевидно, такой подход будет использоваться с некоторыми изменениями и в отношении Турции, Бангладеш, Египта, Иордании, Ирана. Возможно, что компании из этих стран также будут приглашены к совместному производству оборудования для АЭС.

Сергей Ознобищев

Контроль экспорта ракет и ракетных технологий

Распространение ракет и ракетных технологий оказывает негативное воздействие на региональную и международную безопасность. Предпринимавшиеся до настоящего времени попытки ограничения такого распространения существенных успехов не имели.

Стремлению государств получить в свое распоряжение ракетное оружие способствует все большее число факторов.

Во-первых, сворачивание переговоров по сокращению и ограничению вооружений, в том числе и ядерных, на фоне резкого ухудшения военно-политической ситуации в мире в связи с украинским кризисом. В этом контексте обладание ракетными средствами даже небольшой дальности видится некоторыми странами как один из путей обеспечения безопасности на региональном уровне.

Во-вторых, возможность установки на ракеты-носители ядерных боезарядов рассматривается руководством государств, не способных создать современную конвенциональную военную мощь в значительном объеме, в качестве своеобразного «уравнителя» для противостояния военным потенциалам более сильных стран.

В пользу такого выбора служит и политический резон: те режимы, которые встали на путь формирования даже ограниченных ракетных и ядерных потенциалов или только подозреваются в этом, пользуются повышенным вниманием со стороны ведущих мировых держав, получают политические и иные дивиденды.

Эти стимулы подкрепляются растущими возможностями. Сохраняется доступность ракетной техники и технологий, а также необходимой информации и навыков в создании ракетных потенциалов. С другой стороны, сказывается недостаточная эффективность самого режима ракетного нераспространения.

Перечисленные выше факторы препятствуют приданию режиму контроля за экспортом ракет и ракетных технологий (РКРТ) универсального характера и его последующей трансформации в обязывающий многосторонний договор (по типу ДНЯО).

В этих условиях на протяжении последних десятилетий многие государства не только импортировали ракеты и ракетные технологии, но и создали собственную конструкторскую и производственную базу ракетостроения. Возникли устойчивые международные кооперационные связи в ракетной области.

К принятому в 1987 г. режиму контроля за РКРТ в настоящее время присоединились 35 стран (последней стала Индия – в 2016 г.). Однако членами РКРТ до сих пор не стали те государства, в отношении которых существуют обоснованные озабоченности в плане их политических и военных устремлений. Основные документы РКРТ: Руководящие принципы передач ракет и ракетных технологий, Памятная записка (процедурные вопросы) и Техническое приложение (список контролируемых товаров). Товары, подлежащие контролю, разделены на две категории: Категория I – законченные средства доставки с дальностью стрельбы свыше 300 км и полезной нагрузкой более 500 кг; Категория II – менее опасные с точки зрения ракетного распространения объекты, в том числе товары и технологии двойного назначения. В отношении передачи предметов Категории I действует презумпция «отказа как правило»¹.

Режим не является юридически обязывающим – он представляет собой добровольное принятие положений РКРТ государствами, разделяющими цели ракетного нераспространения. Провозглашенной главной целью Руководящих принципов является «ограничение риска распространения оружия массового уничтожения... путем контроля за поставками». Руководящие принципы также нацелены «на ограничение возможностей попадания в руки отдельных террористов и их групп, подлежащих контролю средств и технологий»².

Логика ограничений в рамках режима РКРТ построена на выполнении каждой страной принятых национальных контрольных списков, которые коррелируются с согласованным техническим приложением, регулярно обновляемым на пленарных заседаниях. При этом как показал опыт, оценки цели ракетной и космической программ страны-получателя не разделяются всеми участниками режима и испытыва-

¹ Режим контроля за ракетной технологией // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2013. 25 июня. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/nsdvbr.nsf/c6bc9d5640647382432569ea003613d9/39ab563438eef9b1c32576f8002b1332!Open Document>

² Guidelines for Sensitive Missile-Relevant Transfers // Missile Technology Control Regime. URL: <http://mtrc.info/guidelines-for-sensitive-missile-relevant-transfers/>

ют влияние политических отношений между государствами. Поэтому конкретная практика реализации ограничений РКРТ достаточно часто вызывает конфликтные ситуации, связанные с характером или направленностью поставок.

Многолетний опыт выявил и иные недостатки режима. Так, не все страны полностью и вовремя делятся информацией относительно принимаемых в них решений по ограничениям по национальным спискам. Процесс адаптации этих списков в соответствии с принятыми решениями на пленарных заседаниях РКРТ растянут во времени. Также существуют заметные различия относительно того, как на национальном уровне трактуются и реализуются согласованные ограничения.

За время существования РКРТ не удалось предотвратить доступ к ракетному оружию государствам, политика которых вызывает серьезную озабоченность мирового сообщества. Сегодня это, в первую очередь, КНДР и Иран. Согласованные «Большой Пятеркой», ФРГ и ЕС с Ираном ограничения ядерной программы последнего в виде «Совместного всеобъемлющего плана действий» (СВПД), который призван обеспечить «исключительно мирный характер ядерной программы Ирана»³, никак при этом не затрагивают развития ракетной программы Тегерана.

Попытки совершенствования и укрепления режима регулярно предпринимаются в ходе ежегодных пленарных заседаний РКРТ. Например, на пленарном заседании в Осло в 2014 г. была принята концепция «приверженности РКРТ». В соответствии с ней государство, которое заявляет о своей приверженности Руководящим принципам РКРТ, должно сообщить об этом в Контактный пункт РКРТ (МИД Франции). Оно также должно привести свои списки товаров и технологий, подлежащих экспортному контролю, в соответствии с Техническим приложением РКРТ и постоянно их обновлять. На сегодняшний день две страны — Латвия и Эстония, которые, впрочем, не представляют собой сколь-нибудь заметной проблемы в контексте Режима, — официально заявили о своей приверженности данной концепции⁴.

В ходе пленарного заседания РКРТ в Роттердаме (Нидерланды) в октябре 2015 г. российская делегация, указывая на необходимость по-

³ Совместный всеобъемлющий план действий // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2015. 14 июл. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1595858

⁴ Режим контроля за ракетной технологией (РКРТ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2016. 5 июл. URL: http://www.mid.ru/eksportnyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSvqyDFGv/content/id/80466

вышения эффективности Режима, его адаптации к новым вызовам и угрозам, обратила внимание на недопустимость превращения РКРТ в санкционный режим, дублирующий работу Совета Безопасности ООН⁵.

Состоялся обмен мнениями относительно состояния и перспектив региональных ракетных программ. В частности, как всегда, остро ставился вопрос о ракетных программах КНДР, Ирана и некоторых других стран. Поскольку в рамках режима не предусмотрено никаких реальных рычагов воздействия, то дело на заседаниях ограничилось призывами к выполнению соответствующих резолюций СБ ООН, которые, к сожалению, организационно никак не взаимосвязаны с РКРТ.

На это обратил внимание председатель РКРТ, голландский посол П. де Клерк, выступая в июне 2016 г. на открытых консультациях в специальном Комитете СБ ООН по выполнению резолюции 1540, направленной на укрепление режима нераспространения ОМУ. В целях усиления «связки» деятельности Комитета и РКРТ посол предложил предпринять меры, нацеленные на то, чтобы мероприятия по двум направлениям теснее координировались между собой и «взаимно усиливали» друг друга⁶.

С момента принятия РКРТ образовался достаточно внушительный список государств, нарушавших режим неоднократно, а иногда и постоянно. Серьезных санкций в адрес этих стран за подобные действия не следовало. За более чем 20-летнюю историю к РКРТ присоединилась лишь одна шестая часть государств мира, а в огромном азиатском регионе, где «ракетные угрозы» особенно велики, в числе членов режима только четыре страны — Япония, Южная Корея, Турция и Индия.

Неудовлетворенность ситуацией с ракетным распространением стала одной из причин того, что члены РКРТ в свое время выступили с инициативой, которая была сформулирована в виде документа, принятого в ноябре 2002 г. в Гааге и получившего название «Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет» (ГКП). Его участниками на сегодня являются порядка 140 государств. В отличие от РКРТ, Кодекс не накладывает никаких технических ограничений, а является документом только о политических намерениях.

⁵ Там же.

⁶ Report by the MTCR Chair: Review of UN Security Council Resolution 1540 // Missile Technology Control Regime. 2016. 23 Jun. URL: <http://mtcr.info/report-by-the-mtcr-chair-review-of-un-security-council-resolution-1540/>

Существующий на сегодня режим РКРТ не способен эффективно ограничить передачу ракетных технологий, которые могут применяться в разрабатываемых новых системах вооружений. Это относится, например, к наступательным гиперзвуковым ракетно-планирующим системам большой дальности и частично-орбитальным системам, концепция которых может быть реанимирована какой-либо ядерной державой⁷. Как указывается в официальных документах РКРТ, «режим контроля за ракетными технологиями — это неофициальная и добровольная ассоциация стран»⁸. Это значит, что никаких формальных ограничений не существует, и, хотя критерии определения оснований для запрета или разрешения на передачу ракетных технологий расплывчаты в Руководящих принципах, само решение в конечном итоге принимается страной индивидуально.

Именно это официально и акцентировалось российской стороной при принятии решения о присоединении России к РКРТ, когда в «памятной записке» к постановлению Правительства Российской Федерации от 24 июля 1995 г. подчеркивалось, что «существует понимание того, что решение о передаче технических средств является суверенным решением, принимаемым исключительно Правительством государства-поставщика»⁹. Критиковать любое такое решение другие участники Режима вправе, но никаких рычагов воздействия на его реализацию в рамках Режима они не имеют.

Сама передача используемых для гиперзвуковых систем ракетных разгонных блоков или ракет-носителей для частично-орбитальных

⁷ В соответствии со ст. IX Договора об ограничении стратегических вооружений ОСВ-2, подписанного СССР и США в 1979 г., каждая из сторон «обязуется не создавать, не испытывать и не разворачивать... средства для вывода на околоземную орбиту ядерного оружия или любых других видов оружия массового уничтожения, включая частично орбитальные ракеты». Однако этот Договор не вступил в силу и в любом случае даже он не охватывал бы системы с неядерной боевой частью. Такое же обязательство было включено в Договор СНВ-1 (ст. V, п. 18, с.): «не производить, не испытывать и не разворачивать... средства, включая ракеты, для вывода ядерного оружия или любых других видов оружия массового уничтожения на околоземную орбиту или частично околоземную орбиту»; однако срок этого Договора истек в декабре 2009 г.

⁸ Руководство к приложению по режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ) // Missile Technology Control Regime. 2010. URL: http://www.mtcr.info/english/MTCR_Annex_Handbook_RUS.pdf

⁹ Постановление Правительства РФ от 24.07.1995 № 737 «О присоединении Российской Федерации к международному Режиму контроля за ракетной технологией» // Левоневский Валерий Станиславович. 2009. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/postanovi/sbor36/text36997.htm>

средств, равно как и их элементов и соответствующих технологий, в том случае, если она будет произведена, формально подпадет под ограничения РКРТ. Однако системы ракетно-планирующих вооружений могут разрабатываться странами, достигшими высокого уровня военно-технического развития. Так, гиперзвуковые системы, по экспертным оценкам, находятся в разработке и на стадии испытаний в таких развитых в военно-техническом отношении государствах, как США, Россия и Китай (последний до сих пор не является членом РКРТ). Передача ими новейших систем оружия и технологий другим государствам в обозримый период маловероятна. К тому же эти системы должны опираться на совершенные информационно-управляющие средства, которыми располагают лишь несколько держав. В более отдаленной перспективе включение гиперзвуковых систем в РКРТ потребует согласования технических определений таких систем, их дальности и забрасываемого веса, а также списков соответствующих высоких технологий, поскольку гиперзвуковые средства сочетают элементы баллистической и гиперзвуковой крылатой ракеты. В принципе, это возможно, при условии присоединения к режиму КНР.

В еще сравнительно недавние времена — до украинского кризиса, когда взаимодействие России и Запада в сфере укрепления безопасности и контроля над вооружениями не находилось в столь кризисном состоянии, как сейчас, Москва официально придерживалась мнения, что «техническое приложение (к РКРТ. — *Авт.*) де-факто воспринимается как общепризнанный стандарт контроля за ракетами и ракетными технологиями»¹⁰. Однако отмеченная недавняя позиция Москвы, состоящая в том, что РКРТ не должен дублировать санкционный режим СБ ООН, при ее безусловной обоснованности может быть использована для ослабления и без того формально не закрепленных ограничений РКРТ.

Практика показывает, что к настоящему времени ни один из существующих международно-правовых режимов не в состоянии обеспечить удовлетворительную ситуацию в области нераспространения ракет и ракетных технологий. Наглядный тому пример — продолжающееся развитие ракетных потенциалов Северной Кореи и Ирана, представляющих угрозу региональной, а впоследствии и мировой безопасности.

Совершенствование Режима должно идти по пути согласования и принятия юридически обязывающего соглашения, масштаб кото-

¹⁰ Режим контроля за ракетной технологией // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2013. 25 июня. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/nsdvbr.nsf/c6bc9d5640647382432569ea003613d9/39ab563438eef9b1c32576f8002b1332!OpenDocument>

рого будет зависеть от готовности сторон добиваться эффективных ограничений в сфере РКРТ. Такой договор интегрировал бы в себе положения самого РКРТ, ГКП и предлагавшейся Россией еще в 1999 г. Глобальной системы контроля как основы нового режима ракетного нераспространения по типу ДНЯО.

Такое соглашение может содержать в себе принципиально видоизмененное нынешнее техническое приложение к Руководящим принципам РКРТ, в которое будут включены не только ограничения на конкретные параметры ракетных систем и технологий, но и ограничения по номенклатуре (моделям) существующих и находящихся в разработке ограничиваемых ракетных средств. Сюда же включался бы регулярно обновляемый согласованный список ограничиваемых ракетных систем и их характеристик. Приложение может содержать все технические определения предмета соглашений, меры контроля и доверия, механизмы проверки соблюдения, выявления нарушений, применения санкций за нарушения и способы улаживания спорных вопросов.

Очевидно, что серьезное совершенствование РКРТ может начаться лишь в случае улучшения военно-политической ситуации в мире, купирования последствий украинского кризиса и, как следствие, преодоления тупика на центральных направлениях сокращения и ограничения вооружений. Кроме того, требуют своего разрешения глубокие политические и стратегические расхождения в позициях России, США, Японии и государств ЕС по ракетно-ядерным угрозам со стороны государств с нестабильными или радикальными режимами.

Сергей Ознобищев

Об угрозе катастрофического терроризма

По проблеме «катастрофического терроризма» — вероятности террористических актов с применением ядерного оружия, ядерных материалов, а также других видов ОМУ — в последние годы написано немало трудов. Эксперты, анализирующие возможности доступа террористов к ОМУ в целом сходятся во мнении по двум важным организационно-техническим моментам.

Один из наиболее вероятных негативных сценариев здесь связан с возможностью получения такого доступа в «непризнанных ядерных государствах», где система физической защиты ядерного оружия и уровень подготовки кадров существенно ниже, чем в странах традиционной «ядерной пятерки». Другим фактором, открывающим новые возможности для получения ядерных материалов и технологий, является расширение масштабов использования ядерной энергетики, в частности за счет экспорта ядерных реакторов из стран «пятерки».

Мощнейшим стимулом для роста настроений в ряде государств в пользу обретения и развития ядерного оружия стал тупик в области сокращения и ликвидации вооружений, породивший длительный застой в этой сфере. Это еще раз наглядно продемонстрировало наличие теснейшей обратной связи между процессом контроля над вооружением и ядерным распространением.

Активизации ядерных программ способствовало и заметное снижение эффективности совместных усилий ведущих держав по укреплению безопасности на региональном уровне. В последнее время это особенно наглядно проявилось в связи с украинским кризисом и связанными с ним негативными последствиями, которые потребовали отвлечения масштабных дипломатических усилий.

По проблемам ядерного терроризма написано достаточно много. Однако мало кто пытался классифицировать угрозы катастрофического терроризма по двум системам координат — по степени вероятности их осуществления и серьезности последствий. Это дает возможность представить наиболее приоритетные направления, на которых следо-

вало бы сфокусировать усилия по противодействию этой серьезнейшей опасности. Попытка такой классификации представлена в данном материале.

Ядерный терроризм в традиционном понимании

Традиционные сценарии катастрофического терроризма обсуждаются экспертами и политиками на протяжении последних лет. В первую очередь, это угрозы подрыва (или захвата) существующего объекта гражданской ядерной инфраструктуры, например атомной электростанции. Примеры активных действий в этом направлении в очередной раз проявились совсем недавно. Два брата — террористы-смертники, взорвавшие себя в брюссельском метро и аэропорту в марте 2016 г., — по имеющимся свидетельствам, планировали нападение на одну из АЭС в Бельгии¹.

Специалистами также рассматривается вероятность загрязнения окружающей среды радиоактивными материалами, например путем его распыления или подрыва с помощью обычной взрывчатки («грязная бомба»). Для этого возможно применение радиоактивных материалов, похищенных с гражданских объектов.

Кроме того, есть гипотетическая вероятность сборки «бомбы в гараже» (или на борту морского судна) — монтажа из отдельных похищенных или купленных компонентов взрывного ядерного устройства в крупном городе. Приобретение и транспортировка каждой из частей устройства в отдельности не вызовет подозрений. При подрыве ядерного заряда на стратегически важных объектах инфраструктуры (дамбы, узлы энергетики и транспорта) катастрофические последствия могут быть многократно усилены.

Следует упомянуть еще один вариант ядерного терроризма — похищение непосредственно ядерного боезаряда и его доставку к месту теракта. В ведущих ядерных державах создана и постоянно совершенствуется система технических и организационных мероприятий, сводящая вероятность подобного сценария к минимуму. Однако задача для террористов может существенно упроститься в отношении боезаряда третьих государств, которые не имеют столь технически совершенной защиты от несанкционированного доступа и системы отбора персонала, не подверженного экстремистским настроениям. Также террори-

¹ Hofst J. Report: Islamic Terrorists Were Planning Attack on Belgian Nuclear Plants // Gateway Pundit. 2016. 24 Mar. URL: <http://www.thegatewaypundit.com/2016/03/peaceful-islamic-terrorists-planning-attack-nuclear-plants/>

сты могут воспользоваться «черным рынком» ядерных технологий и материалов.

В современных условиях возможен приход к власти экстремистов в одной из стран, обладающих ядерным оружием или атомной энергетикой. Нельзя исключать и вырождения или распада некоторых режимов, что может превратить целое государство в «ядерного террориста» или «свалку» ядерного оружия и материалов.

Новые опасности

Масштабные негативные изменения в сфере международной безопасности, существенное снижение объема диалога и взаимодействия между Россией и Западом открывают дополнительные возможности для актов катастрофического терроризма. На этом фоне дают о себе знать новые негативные факторы, повышающие вероятность таких событий.

Прежде всего, речь идет о появлении целых террористических квазигосударственных образований, таких как ИГИЛ (запрещено в России), которое не только стремится захватить территории ряда стран, но и активно участвует в организации актов массового терроризма в других государствах. Особое значение имеет развитие путей и методов финансирования, в основном за счет незаконно полученных средств. По данным ООН, ИГИЛ, несмотря на ведущиеся против нее активные боевые действия, остается «богатейшей террористической организацией в мире». Только в 2015 г. объем ее доходов от продажи нефти и нефтепродуктов составил от 400 до 500 млн долларов². Появление на международной арене фактора ИГИЛ с его финансовыми возможностями создает новые условия для приобретения материалов и технологий, а также для вербовки и привлечения специалистов из ядерных государств.

Далее, волна беженцев из стран Азии, Африки, Среднего и Ближнего Востока, которая накрыла Европу, несет с собой новые угрозы. В первую очередь, это прибытие в Европу скрытых террористов, связанных с ИГИЛ или другими террористическими структурами. За последние годы существенно усовершенствовалась тактика проведения терактов, выросли уровень организации и координации таких актов, их масштабность. Одновременно характерной чертой терактов стало то, что значительные жертвы среди гражданского населения имеют место в результате действий малого числа исполнителей.

² Продажа нефти — один из основных источников финансирования деятельности ИГИЛ // Организация Объединенных Наций. — 2016. — 9 февр. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25388#.V3y8m_sgnR0

Еще один фактор: ввиду климатических изменений и политических амбиций новых поднимающихся государств прогнозируется значительный подъем мировой атомной энергетики. Если ныне в мире эксплуатируется примерно 440 энергетических атомных реакторов, а строятся 65, то на обозримое будущее запланировано порядка 170 объектов и предложены проекты еще более чем на 300. Причем самый большой рост будет на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке и других нестабильных районах мира. Этот процесс станет сопровождаться размыванием грани между «военным» и «мирным атомом» через технологии ядерного топливного цикла. Соответственно расширится число АЭС, предприятий по обогащению урана, сепарации плутония, хранилищ ядерного топлива и радиоактивных отходов, резко возрастет мировой оборот (транспортировка) ядерных материалов. Все это — потенциально обширное и заманчивое поле для попыток террористов получить доступ к ядерным материалам.

Также новым фактором за последнее время стал высокий уровень компьютеризации структур (производств), обслуживающих атомные объекты, включая ядерную военную инфраструктуру. Компьютеризация управления и контроля подобных объектов не только повышает эффективность их работы, но и образует канал для проникновения в системы управления с диверсионными целями. У этой проблемы есть и другой аспект — использование интернета (в том числе услуг зашифрованной связи, предоставляемых многими провайдерами) для организации и координации действий террористов, сбора средств.

Представляется, таким образом, что в будущем террористы получают больше возможностей для осуществления актов катастрофического терроризма.

Приоритеты противодействия

Для оценки приоритетных направлений борьбы с актами ядерного терроризма и их предотвращения можно систематизировать перечисленные варианты террористических действий по нескольким критериям. Например, применение радиологического оружия или «грязной бомбы» является для террористов наиболее легким способом с точки зрения доступа к средствам и объектам нападения. Однако применение радиологического оружия или «грязной бомбы» будет иметь не столько разрушительные, сколько экономические и психологические последствия.

Захват АЭС, хранилищ ядерных материалов или складов отработанного ядерного топлива с угрозой их подрыва — это промежуточный вариант по степени его осуществимости, но он повлек бы за собой зна-

чительно больший ущерб в результате заражения местности. Среди новых источников угроз может оказаться Украина, с территории которой отработанное атомное топливо в прошлом вывозила Россия, но в ходе кризиса эта практика была прервана Киевом.

Сбор «бомбы в гараже» на основе приобретенных и доставленных различными путями компонентов и материалов намного более трудоемкое мероприятие, но эффект применения такого устройства был бы колоссален по масштабу разрушений и жертв. Хищение, захват или покупка готового ядерного боеприпаса представляет собой наиболее трудноосуществимый для террористов план. Разрушительные последствия применения боезаряда огромны и сравнимы с предыдущим сценарием, и это зависит от мощности заряда и эффективности его кодоблокирующих устройств. В главных ядерных державах они весьма надежны, но в новых государствах, обладающих таким оружием, они могут быть малоэффективны или вообще отсутствовать.

Таким образом, первостепенное внимание в борьбе с катастрофическим терроризмом должно быть обращено на защиту АЭС, крупных объектов ядерной инфраструктуры, особенно также хранилищ высокообогащенного урана как материала для «бомбы в гараже».

Ключевыми направлениями стратегии противоборства катастрофическому терроризму должны стать:

- постоянное внимание и контроль со стороны международных организаций ко всем аспектам этой проблемы;
- проработанность национального законодательства и необходимых регламентов;
- высокая степень детализации обеспечения физической защиты и высокая степень ответственности на национальном и местном уровнях за обеспечение защиты объектов ядерной инфраструктуры;
- всемерное развитие сотрудничества между заинтересованными странами на всех уровнях, начиная от выработки необходимого законодательства, оптимизации и совершенствования структуры физической защиты и заканчивая обменом данными спецслужб;
- активный обмен опытом и взаимопомощь в организации физической защиты, обмен «лучшими практиками» в этой области.

Для успешной и эффективной реализации усилий по этим направлениям требуются преодоление глубокого кризиса в отношениях между Россией и Западом и возврат к тесному сотрудничеству. Повышение уровня взаимного доверия позволит активизировать взаимодействие России с другими ведущими державами в предотвращении угрозы катастрофического терроризма.

Алексей Арбатов

Концепции многостороннего ядерного разоружения

На встрече с военно-политическими экспертами в Федеральном ядерном центре в Сарове 24 февраля 2012 г. будущий президент России Владимир Путин заявил: «Мы не будем разоружаться в одностороннем порядке. <...> В ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы. Мы не можем бесконечно разоружаться на фоне того, что какие-то другие ядерные державы вооружаются»¹.

Многие в России и США согласны с такой постановкой вопроса, и это одна из немногих точек соприкосновения двух сторон в проблематике сокращения ядерных вооружений. Правда, Россия считает такое расширение формата одним из необходимых условий перехода уже к следующему договору СНВ, а США предлагают отложить на более отдаленное будущее. Так или иначе, эта тема заслуживает внимания, особенно в контексте нынешнего, будем надеяться, временного тупика в процессе контроля над ядерным оружием.

Если сравнить стратегические ядерные силы (СЯС) России и США, ограниченные по Новому Договору СНВ от 2010 г., и совокупность ядерных арсеналов остальных стран (по усредненным оценкам), то эта позиция представляется весьма убедительной (Рис. 1)². Вполне воз-

¹ Prime Minister Vladimir Putin Meets with Experts in Sarov to Discuss Global Threats to National Security, Strengthening Russia's Defences and Enhancing the Combat Readiness of its Armed Forces // Archive of the Official Site of the 2008-2012 Prime Minister of the Russian Federation Vladimir Putin. 2012. 24 Feb. URL: <http://archive.premier.gov.ru/eng/events/news/18248/>

² Global Nuclear Weapons: Downsizing but Modernizing // The Stockholm International Peace Research Institute. 2016. 13 Jun. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2016/global-nuclear-weapons-downsizing-modernizing; New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms // U. S. Department of State. 2017. 1 Jan. URL: https://2009-2017.state.gov/t/avc/rls/2016/266384.htm>

можно, что консультанты по военным вопросам представляют именно такую картину руководству своих стран.

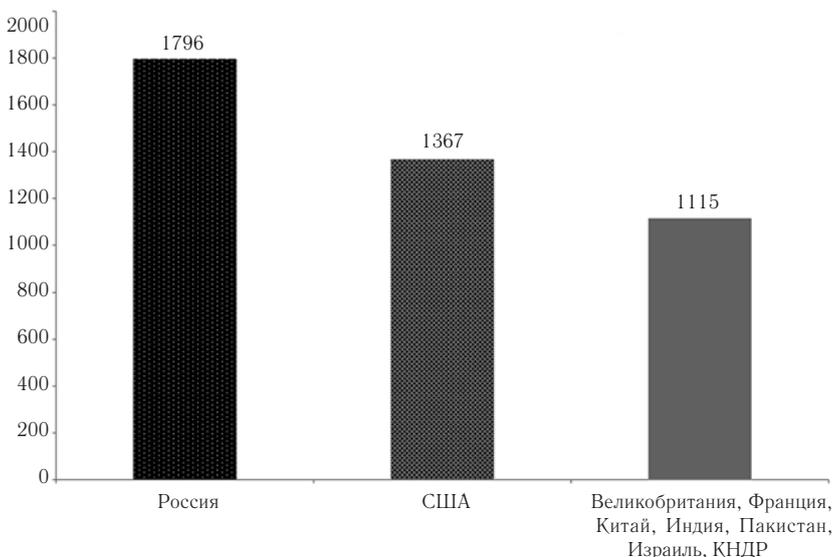

Рис. 1. Россия, Соединенные Штаты и другие ядерные державы

Тем не менее эта в целом привлекательная политическая позиция не отменяет необходимости научного исследования. Системный анализ требует продуманного ответа на ряд существенных вопросов и может привести к весьма неожиданным выводам. Не похоже, чтобы чиновники двух ведущих ядерных держав проделали эту работу или даже начали ею заниматься, и уж тем более сообщили о таком анализе своим президентам.

На этой основе нужно объяснить, почему именно сейчас настало время для подключения других стран к процессу ядерного разоружения. Какие страны должны подключаться, в какой очередности и в каком переговорном формате? На какой концептуальной основе (паритет, стабильность, фиксация статус-кво, распределение квот) и на каких правилах засчета возможны такие соглашения? Наконец, каковы возможности обмена соответствующей военно-технической информацией и контроля за ограничением вооружений у третьих ядерных государств?

Политический контекст

Заявлений и политического давления со стороны России и США по вопросам расширения формата процесса ядерного разоружения вряд

ли будет достаточно для того, чтобы усадить страны за стол переговоров. Мир становится полицентричным и разномерным, другие мировые и региональные центры силы обретают большую независимость и уверенность в себе.

На призывы двух превосходящих держав присоединиться к ядерному разоружению остальные члены «ядерного клуба» неизменно и стандартно отвечают, что для этого «большая двойка» должна сначала сократить свои арсеналы до уровня, более близкого к уровням остальных стран. А Россия (и с оговорками — США) отвечают, что с 1990 г. уже уменьшили свои ядерные арсеналы в 5–6 раз путем договоров и односторонних шагов и не могут и дальше сокращать их, не имея гарантий, что остальные ядерные государства не будут параллельно наращивать свои силы.

В связи с этим все стороны ссылаются на статью VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая обязывает ядерные державы «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению»³. Договор существует уже почти полвека, все девять соглашений СССР/России и США по контролю над ядерным оружием в преамбуле ссылаются на эту статью ДНЯО, но, к сожалению, начать ее осуществление в многостороннем формате путем перехода от политических заявлений к предметным переговорам так и не удалось.

Как правило, модели и варианты вовлечения других ядерных государств в процесс ядерного разоружения рассматриваются как необходимый этап на пути движения к миру, свободному от ядерного оружия. Этот подход заслуживает уважения исходя из моральных и философских соображений, но в данной главе представлен несколько иной взгляд на проблему, а именно как на одну из задач, которую придется прагматически решать в обозримой перспективе, чтобы выйти из нынешнего тупика в российско-американском стратегическом диалоге.

Асимметрия безопасности

Более настойчивое, чем со стороны США, требование России о переводе ядерного разоружения в многосторонний формат имеет веские основания. Ведь российская территория находится в пределах

³ Договор о нераспространении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. 1968. 12 июня. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml

достижимости носителей ядерного оружия (ЯО) не только США, но и всех остальных семи ядерных государств. Притом ни одно из них не является формальным военно-политическим союзником Российской Федерации. В то же время по территории США могут нанести ядерный удар только две державы — Россия и Китай. Все остальные шесть ядерных государств являются либо союзниками США (Великобритания, Франция), либо не имеют ядерных носителей достаточной дальности (Израиль, Индия, КНДР, Пакистан). При этом некоторые страны из последней группы тоже состоят с США в партнерских отношениях (издавна — Израиль, в последние годы все более — Индия, а также, хотя и с растущими оговорками, Пакистан).

Отношения России с Великобританией и Францией как членами НАТО в данной области определяются взаимодействием Российской Федерации с США. Две европейские ядерные державы вполне открыты в отношении ядерных сил, существенно сократили их в последние десятилетия и планируют дальнейшее сокращение в будущем (Великобритания имеет 215, а Франция 300 боезарядов⁴). Серьезной самостоятельной или дополнительной ядерной угрозы для России, как и большого влияния на прогнозируемый военный баланс, эти государства не представляют — во всяком случае, пока СЯС России и США будут превышать уровень боезарядов в тысячу единиц. Независимая роль ядерного потенциала европейских стран может стать еще меньше, если Россия реализует в полном объеме намеченную программу воздушно-космической обороны (ВКО).

Индия является традиционным близким соратником, а Израиль — относительно недавним партнером России. Ее отношения с ними, видимо, останутся весьма стабильными, а их ядерный потенциал не направлен против России и ей не угрожает, хотя в случае Индии технически находится в пределах досягаемости до российской территории.

Наибольшую тревогу у России должны вызывать отношения с Пакистаном и КНДР, которые могут быть резко дестабилизированы в случае радикальных и не зависящих от Российской Федерации перемен во внутреннем положении и внешней политике этих стран.

Ни в коем случае не ставя с ними в одинаковую позицию КНР — новую сверхдержаву XXI века, с которой у России развиваются стратегические партнерские отношения — в ее внутренней и внешней политике тоже нельзя исключать крутых поворотов. В сочетании с растущими

⁴ Global Nuclear Weapons: Downsizing but Modernizing // The Stockholm International Peace Research Institute. 2016. 13 Jun. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2016/global-nuclear-weapons-downsizing-modernizing>

военно-экономическим потенциалом и ракетно-ядерной мощью это может в обозримой перспективе напрямую затронуть интересы безопасности России. Это тем более серьезное обстоятельство, поскольку Китай является единственным государством мира, которое имеет материальные возможности быстро нарастить свой ядерный потенциал до уровня, сравнимого с «большой двойкой», если на то будет решение политического руководства.

Поэтому ограничение ядерных вооружений КНР и Пакистана, а еще лучше — ядерное разоружение Пакистана и КНДР и ограничение ядерных сил КНР, безусловно, являются важнейшим интересом безопасности России. Интересно, что это в принципе совпадает и с приоритетами США, хотя данное обстоятельство пока не стало объектом общественно-политического внимания двух держав.

Нельзя допустить и того, чтобы в политическом плане расширение состава участников процесса лишило Россию ее нынешнего уникального положения как главного партнера США по контролю над ядерным оружием. В настоящее время Москва, очевидно, считает ЯО основой своей безопасности и глобального статуса и потому негативно-пассивно относится к дальнейшим сокращениям после выполнения Нового Договора СНВ. Однако этот подход следует пересмотреть. Переговоры с США по ядерному оружию служат единственной сферой отношений, в которой стороны имеют равные позиции, что предоставляет России возможность вести диалог действительно на равноправной основе и через него влиять на внешнюю политику США по другим вопросам. К тому же этот диалог имеет огромное значение как канал взаимодействия России с США по важнейшему сегменту международной безопасности, от которого зависят нераспространение ядерного оружия и предотвращение доступа к нему террористических организаций. Отмеченную особую политическую роль ядерного оружия для положения России в мире неуклонно размывало бы как дальнейшее распространение ЯО, так и огульное расширение круга участников переговоров по ограничению этого класса оружия.

Военные балансы

В принципе, самый удобный для двух сверхдержав вариант — это закрепить существующее соотношение сил с остальными странами на пропорциональной основе. Другая концепция состоит в выделении остальным шести государствам (кроме КНДР⁵) суммарного потолка

⁵ КНДР — особый случай. Она де-факто обладает ядерным оружием, но вышла из ДНЯО в 2003 г. с нарушением его ст. X и потому не признается мировым сообществом как ядерное государство, в отличие от Израиля, Индии и Па-

примерно в 1000 боезарядов и предоставлении им права делить национальные квоты между собой. Тем не менее эти модели являются практически невозможными. Каждое из семи остальных государств связывает со своим ядерным оружием собственные интересы безопасности (сдерживание нападения с использованием ядерных или обычных средств, статус и престиж, козырь на переговорах, консолидация власти внутри страны). Эти интересы зачастую не соотносятся с ядерными силами двух сверхдержав и большинства других стран — обладательниц ЯО. Поэтому они не согласятся ни на суммарный потолок, ни на индивидуальные квоты в каком-то фиксированном соотношении между собой. Вообще, многосторонний формат для них реально неприемлем, хотя демагогически они апеллируют к статье VI ДНЯО и ставят условием сокращение сил «большой двойки» до своего уровня. (Например, озабоченность Пакистана или Индии по поводу своей безопасности никак не снизится от сокращения ядерных вооружений России и США.)

По той же причине третьи ядерные державы принципиально отказываются объединяться в одну или две группы для сопоставления с ядерными силами каждой из двух сверхдержав. Но для удобства оценок военного баланса целесообразно все же схематично разбить «ядерную девятку» хотя бы на три группы. Во-первых, это две ведущие державы — Россия и США; во вторых, — «тройка» остальных ядерных государств — членов Договора о нераспространении ЯО и постоянных членов Совета Безопасности ООН — Великобритания, Франция и КНР; в-третьих, — «четверка аутсайдеров» ДНЯО — Израиль, Индия, Пакистан и КНДР.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что объективность анализа предполагает сравнение сопоставимых по классам ядерных вооружений государств. Так, если сложить все ядерные средства «тройки» и средства «четверки» по числу боезарядов (из них лишь Великобритания и Франция открыто публикуют информацию о своих ядерных силах), то с ними следует сравнивать не только стратегические силы, но и все ядерные арсеналы России и США, включая до-стратегические (оперативно-тактические) вооружения, причем как оперативно развернутые, так и на складском хранении в разных режимах технического состояния (поскольку, по имеющейся информации, часть или все ядерные боезаряды «четверки» содержатся на складах).

кистана, которые никогда не были членами ДНЯО. Поэтому применительно к КНДР речь может идти только об условиях и этапах ее отказа от ЯО.

Тогда соотношение ядерных боезарядов России, США, суммарной численности арсеналов «тройки» и «двойки» выглядит весьма асимметрично в пользу России и США (рис. 2)⁶.

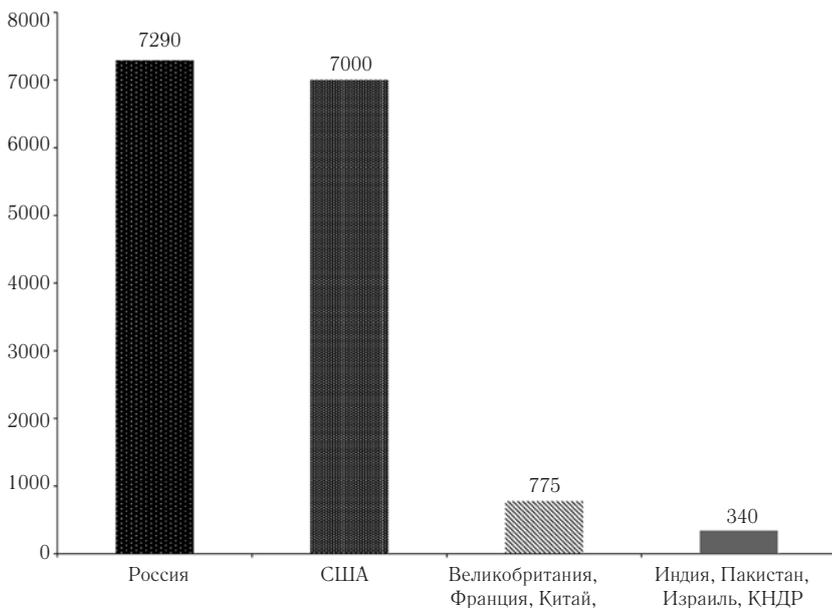

Рис. 2. Ядерные арсеналы в мировом масштабе (стратегические, до-стратегические, хранящиеся на складах, в том числе подлежащие уничтожению боезаряды)

Нестратегическое ядерное оружие всех стран, а также его запасы на складском хранении держатся втайне и оцениваются только независимыми экспертами. К тому же есть большая неясность с оценкой ядерных сил Китая, поскольку остается без объяснения предназначение грандиозных защищенных подземных тоннелей, протяженностью примерно в 5 тыс. км, сооружаемых Корпусом 2-й Артиллерии КНР (аналогом российских РВСН). Если в них размещаются мобильные ракеты средней и межконтинентальной дальности, то их число может достигать многих сотен единиц, укрытых в тоннельных сооружениях.

Поскольку чаще всего только стратегические силы «большой двойки» сравниваются с ядерными средствами третьих государств, по-

⁶ Global Nuclear Weapons: Downsizing but Modernizing // The Stockholm International Peace Research Institute. 2016. 13 Jun. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2016/global-nuclear-weapons-downsizing-modernizing>

стольку корректно вычленить вооружения «тройки» и «четверки», подпадающие под категорию стратегических вооружений, являющихся объектом Договора СНВ. Тогда соотношение Российской Федерации, Соединенных Штатов, «тройки» и «четверки» тоже существенно в пользу России и США (рис. 3)⁷.

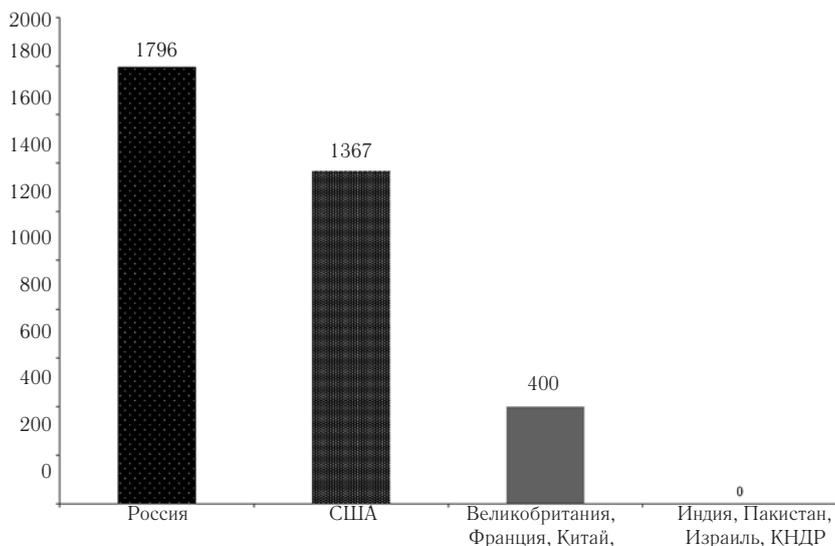

Рис. 3. Арсеналы ядерных держав по правилам зачета боезарядов Договора СНВ

Таким образом, при всей желательности ограничения ядерных вооружений третьих стран как такового, в военном балансе по сопоставимым категориям (и даже после выполнения Договора СНВ) Россия и США сохраняют многократное превосходство над ядерными силами остальных государств. Причем это справедливо в отношении всех третьих стран в совокупности, не говоря уже о каждой по отдельности. Неопределенность существует только относительно тоннельных сооружений КНР и ее военно-промышленного потенциала быстрого наращивания ракет и ядерных боезарядов.

⁷ Ibid.; New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms // U. S. Department of State. 2017. 1 Jan. URL: <https://2009-2017.state.gov/t/avc/rls/2016/266384.htm>

Стратегические отношения

Еще более важный момент состоит в том, что серьезные переговоры и соглашения по ограничению вооружений — это не символика, а важнейший элемент военно-стратегических отношений государств. Поэтому для переговоров об ограничении вооружений необходимо наличие вполне определенных стратегических отношений сторон (например, взаимного ядерного сдерживания), как между США и Россией (а прежде — между США и Советским Союзом). Тогда одно государство (или государства) может ограничить свои вооруженные силы и военные программы в обмен на то, что их ограничивает другое (другие) страны в согласованном соотношении, порядке и на договорных условиях.

В связи с этим к идее расширения круга участников переговоров сразу возникают существенные вопросы. Применительно к Великобритании, Франции и КНР они рассмотрены в главах 3 и 4. Взаимное ядерное сдерживание по политическим или военно-техническим причинам отсутствует также в отношениях США, Франции и Великобритании с Израилем, Индией, Пакистаном и КНДР. Таких отношений не просматривается в стратегических взаимоотношениях России с Индией, тогда как в отношениях России с Израилем, Пакистаном и КНДР вопрос не ясен. Хотя ядерное сдерживание тут может присутствовать «закулисно», оно едва ли создает осязаемый предмет переговоров о взаимном ограничении вооружений. У Китая нет взаимодействия по модели ядерного сдерживания с Израилем, Пакистаном и КНДР.

Безусловно, взаимное ядерное сдерживание присутствует в отношениях США и КНР, а также негласно — в отношениях России и Китая. Впрочем, это треугольник отнюдь не «равнобедренный» как по уровням сил, так и по политической удаленности держав друг от друга. Весьма сомнительно, что такие переговоры и соглашения возможны в трехстороннем формате. По той же логике, переговоры возможны и в перспективе необходимы между Индией и Пакистаном, как и между Индией и КНР, хотя жизнеспособность трехстороннего формата и тут далеко не очевидна.

Наконец, два негласных и непризнанных ядерных государства на противоположных окраинах Евразии — Израиль и КНДР соответственно — едва ли могут стать формальными участниками переговоров о разоружении с кем бы то ни было. Если их ядерные средства когда-то и будут предметом соглашений, то скорее всего — в рамках решения проблем безопасности, ограничения обычных вооруженных сил, урегулирования политических, экономических, территориальных и внутренних вопросов. Это предполагает региональный формат и контекст

укрепления режимов ДНЯО, а не традиционную модель соглашений об ограничении ядерных вооружений.

Кроме того, с учетом относительно небольшой численности и менее высоких качественных характеристик ядерных средств третьих стран, вопросы их достаточности и возможности ограничения в перспективе еще более усложнятся влиянием на военный баланс интенсивно развиваемых систем региональной и глобальной ПРО, высокоточных обычных вооружений большой дальности, ракетно-планирующих гиперзвуковых систем (последнее больше всего относится к военным отношениям в рамках КНР — Тайвань — США).

Военно-технические аспекты

В соответствии с отработанной на опыте ОСВ/СНВ методике определений, ограничений и режимов контроля «тройка» ДНЯО могла бы добавить всего 390 носителей и боезарядов, а «четверка» аутсайдеров вообще не имеет соответствующих вооружений. Если сюда добавить системы, подпадающие под Договор РСМД от 1987 г., то дополнительно можно было бы охватить 250 ракет «тройки» и 530 ракет «четверки» (причем только если включить 280 ракет КНДР дальностью свыше 500 км, которые пока не оснащены ядерными боезарядами).

Однако, по имеющимся данным, значительная часть или все ракеты третьих стран (кроме Великобритании и Франции) в мирное время поддерживаются в пониженном режиме боеготовности, а ядерные боеголовки хранятся отдельно от ракет. Тем более это относится к их ракетам малой дальности и ударной авиации (включая «стратегическую ударную» авиацию Франции), которые составляют значительную или преобладающую часть ядерных носителей Франции, КНР, Израиля, Индии и Пакистана. Россия и США относят эти ядерные вооружения к классу оперативно-тактического или тактического (до-стратегического) ядерного оружия (ТЯО).

Как известно, Москва отвергает предложения США и НАТО начать переговоры о ТЯО, пока из Европы не выведены американские тактические ядерные авиабомбы. Нет ни согласованных определений таких систем, ни правил засчета, ни методов контроля их ограничения и ликвидации. Неясно, начнутся ли такие переговоры и когда это произойдет. Однако очевидно, что без проработки этих тем двумя ведущими державами третьей страны не согласятся обсуждать ограничение этого класса вооружений даже теоретически.

Впрочем, даже получив такой пример, третьи страны не пойдут на «подключение» к переговорам и соглашениям России и США по СНВ,

РСМД или ТЯО на основе какого-то суммарного потолка, пропорции или квоты — ни все вместе, ни по отдельности.

Основываясь на реальных военно-стратегических взаимоотношениях ядерных государств, единственный гипотетически возможный вариант — это несколько форумов двустороннего формата: Великобритания/Франция — Россия, США — КНР, Россия — КНР, КНР — Индия, Индия — Пакистан. Какая-то координация этих переговоров между собой была бы высшим достижением дипломатии Москвы и Вашингтона. При этом в ряде случаев третьи страны должны будут опираться на технические средства контроля России и США или специальных международных организаций (в рамках ООН или МАГАТЭ).

Варианты многостороннего ядерного разоружения

Европейские державы. Все прошлые попытки СССР приплюсовать силы европейских стран к СЯС США и ограничить их единым потолком были отвергнуты Западом на том основании, что силы Англии и Франции являются национальными, а не коллективными потенциалами сдерживания⁸. В будущем эта позиция едва ли изменится. Отдельным переговорам России с двумя европейскими странами мешает огромная асимметрия стратегических ядерных сил сторон.

Согласие Великобритании и Франции хотя бы на некоторые меры доверия, транспарентности, инспекционной деятельности из «мню» нового Договора СНВ (что упомянуто в настоящем сборнике в 4-й статье — Дж. Эктон) имело бы большое положительное значение как прецедент и пример для других стран, и прежде всего Китая.

Фактически такие меры подтверждали бы верность официальной информации об английских и французских силах и программах их сокращения и модернизации. Но две европейские державы едва ли согласятся трактовать это как юридически обязывающее ограничение своих ядерных вооружений. Даже если бы Россия согласилась взять на себя такие же меры доверия в контексте отношений с этими странами за рамками нового Договора СНВ (что наверняка потребовали бы Лондон и Париж), последние вряд ли пойдут на юридическую легализацию российского превосходства.

⁸ Первая такая попытка была предпринята в рамках Соглашения ОСВ-1 от 2972 г., затем — на переговорах об ОСВ-2 в конце 1970-х гг. и в Договоре РСМД от 1987 г.

Только сильное давление со стороны США и союзников по НАТО и ЕС могло бы побудить две европейские державы принять такой подход. Стимулом для США и других стран могло бы стать согласие России на переговоры по тактическому ядерному оружию и возрождению режима и процесса ДОВСЕ. Тогда в более отдаленной перспективе можно было бы добиваться перехода от мер доверия к практическому ограничению ядерных сил Великобритании и Франции.

Китай. Официальная позиция Пекина состоит в том, что «...страны, обладающие наибольшими ядерными арсеналами... должны в дальнейшем решительно сократить свои арсеналы проверяемым, необратимым и юридически обязывающим способом. <...> Когда возникнут соответствующие условия, другие ядерные государства должны также присоединиться к многосторонним переговорам по ядерному разоружению»⁹.

Тем не менее Китай, наверное, можно постепенно вовлечь в процесс ограничения ядерных вооружений, но только на сугубо прагматической основе, если он сочтет, что его уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и по умолчанию — России) по тем вопросам, которые интересуют Пекин.

Реальные предпосылки согласия КНР на поэтапное «открытие» своих стратегических вооружений и их ограничение (хотя бы через обязательство не наращивать количественно) могут включать в себя: обязательство США не наращивать средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане; переход США и России к переговорам о следующем соглашении СНВ с понижением потолков примерно до 1000 боезарядов; продвижение в ограничении нестратегических ядерных вооружений России и США (которые для КНР равнозначны стратегическим при их передовом базировании), что позволило бы поставить вопрос об ограничении китайских систем средней дальности и оперативно-тактического класса.

Наиболее вероятный формат переговоров — двусторонний диалог между США и КНР, параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России и Китая (поскольку они не признают между собой отношений взаимного ядерного сдерживания). Трехсторонний формат возможен, видимо, лишь по сотрудничеству в сфере ПРО (например, обмен данными СПРН, меры доверия).

⁹ China's National Defense in 2010: Arms Control and Disarmament. Beijing: Information Office of the State Council of the People's Republic of China, 2011. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263885.htm

Южная Азия. Примерное равенство и однотипность Индии и Пакистана по ядерным носителям и боезарядам, а также практика их раздельного хранения создают стратегические и технические предпосылки для классических соглашений об ограничении ядерных вооружений и мерам доверия как минимум применительно к системам ракет средней и меньшей дальности по типу Договора РСМД от 1987 г. между СССР и США. Препятствия заключаются в острых политических отношениях сторон (территориальный спор, терроризм), индийском превосходстве в силах общего назначения, а в перспективе — по ПРО. Если с помощью великих держав и ООН эти препятствия будут сняты, то Южная Азия может стать первым примером перехода ядерного разоружения к многостороннему формату, правда, не путем «подключения» к переговорам России и США, а на отдельном региональном форуме.

Поскольку Индия создает ядерные силы в первую очередь для сдерживания КНР, ограничение китайских ядерных вооружений соглашениями с США было бы непременным условием соглашения Индии и Пакистана. Параллельный диалог России и США по следующему договору СНВ, сотрудничеству в сфере ПРО, начало диалога по ТЯО могут ощутимо способствовать процессу и в Южной Азии.

Указанные инициативы могли бы стимулировать отдельные диалоги на Ближнем Востоке, и на Корейском полуострове в региональном масштабе и с участием заинтересованных держав — в контексте укрепления режимов ДНЯО и решения других региональных проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статьях настоящей монографии представлен в той или иной мере развернутый, детализированный анализ особенностей новой ядерной эпохи, идущей на смену военно-стратегическому миропорядку четырех десятилетий холодной войны и четверти века переходного периода после нее, ознаменованного важнейшими соглашениями по сокращению и нераспространению ядерного оружия. К сожалению, этот переходный период в конечном итоге привел не к реорганизации миропорядка на более рациональных и общепризнанных принципах глобального управления и международного права, а наоборот — к обострению конфликтов между государствами, ослаблению силы права и демонстрациям права силы.

На фоне роста политической напряженности между Россией и США/НАТО быстрое научно-техническое развитие и доктринальные новации (зачастую «римейки» старых идей) подстегивают новые раны гонки вооружений и их распространения, что разрушает режимы контроля над вооружениями. Рассмотренные позиции и программы отдельных ядерных государств убедительно показывают, насколько трудным будет приобщение остальных стран — обладательниц ядерным оружием к процессу ядерного разоружения, расширение и укрепление режимов нераспространения ядерных и ракетных вооружений. На фоне полицентрического миропорядка, роста активности организаций международного терроризма будет увеличиваться угроза малых и больших войн, включая войны и теракты с применением ядерного оружия.

Вместе с тем при наличии политической воли многих опасностей еще можно избежать или ограничить их негативные последствия.

Первое. Для достижения прогресса в укреплении международной безопасности потребуется сочетание многосторонних, двусторонних и трехсторонних подходов. Хотя успех будет зависеть от лидерской роли США и России, а впоследствии еще и Китая, в конечном итоге новая система ограничения вооружений должна быть гибкой, многомерной и учитывать качественные и количественные параметры военно-политического миропорядка.

Но прежде всего для поддержания стратегической стабильности, ограничения нового цикла гонки вооружений и сохранения всей систе-

мы контроля ядерного оружия требуются незамедлительное начало переговоров о следующем договоре СНВ и срочные шаги по сохранению Договора РСМД. Снижение потолков в следующем договоре примерно до 1000 боезарядов и 500 развернутых носителей России и США, при оптимальной модернизации их стратегических ядерных сил, не ослабит стратегической стабильности в ее традиционном понимании (как состояние ракетно-ядерного баланса, исключающего безнаказанный первый удар). Этот шаг будет способствовать включению в концепцию стабильности через согласованные ограничения и меры доверия новейших высокоточных конвенциональных оборонительных (ПРО) и наступательных вооружений. В последующем такие меры облегчат (хотя не гарантируют) сокращение нестратегических (тактических) ядерных средств и ограничение ядерных арсеналов третьих стран.

Второе. Что касается третьих ядерных государств, то в случае Великобритании и Франции максимум, на что они могли бы пойти при наличии сильных политических стимулов, это участие в многостороннем обмене данными о ядерных силах. Причем и Лондон, и Париж уже раскрыли в одностороннем порядке немало информации на этот счет и обнародовали программы дальнейшего одностороннего сокращения своих вооружений. По официальному соглашению они обязались бы делать это регулярно. Такое соглашение о транспарентности стало бы политическим (хотя и не юридическим) обязывающим документом по сокращению и ограничению арсеналов двух держав. Однако они могли бы взять на себя обязательство лишь в том случае, если оно будет включать и КНР.

Китай не готов раскрывать число и дислокацию своих ядерных вооружений, обосновывая это заботой о живучести имеющегося ядерного арсенала. В качестве мер укрепления стабильности автор соответствующей главы предлагает в мирное время привлекать к боевому патрулированию лишь небольшую часть стратегического флота, а также перейти к практике развертывания ПЛАРБ, не укомплектованных ракетами или несущих ракеты с отстыкованными боеголовками. Впрочем, это оригинальное и далеко идущее предложение по снижению боевой готовности СЯС вызывает сомнения в практическом отношении. Другое предложение состоит в том, чтобы страны ядерного клуба приняли обязательства не атаковать ядерные силы друг друга неядерным оружием (прежде всего, гиперзвуковыми ракетами). Представляется, однако, что есть альтернативный путь решения проблемы — через меры доверия и ограничения высокоточных конвенциональных средств стратегической и средней дальности.

Также автор подчеркивает, что Китай должен оказывать более серьезную поддержку усилиям международного сообщества, стремяще-

гося добиться запрета на использование ядерных вооружений, и может таким образом внести существенный вклад в дело контроля над ядерными вооружениями. Благая идея запрета использования ядерного оружия в принципе не вызывает сомнения. Впрочем, можно высказать мнение, что Китай мог бы внести большой и относительно простой начальный вклад в это процесс, хотя бы придав гласности свои стратегические силы и программы по примеру других государств «большой пятерки». Широкая модернизация ядерных вооружений КНР, развертывание ракетных сил наземно-мобильного и морского базирования лишает снования довод о том, что транспарентность подорвет живучесть китайских СЯС.

Присоединение КНР, совместно с Великобританией и Францией, к режиму транспарентности могло бы стать первым шагом к переговорам Пекина и Вашингтона (при консультациях с Москвой) к ограничению оборонительных и наступательных стратегических вооружений. В свое время именно с этого начинались переговоры об ОСВ между СССР и США.

Третье. С учетом опасной стратегической ситуации в Южной Азии предлагается дополнить прежние маргинальные соглашения Индии и Пакистана по уменьшению опасности ядерного конфликта. До перехода к полномасштабным переговорам, что пока осложнятся политическими и военными факторами, минимальная стабилизация положения, как считает автор, требует согласования между ними дополнительных мер доверия, транспарентности и снижения боеготовности ядерных сил.

Проблема денуклеаризации Корейского полуострова, как показывает продолжение ядерной и ракетной программы КНДР, вопреки переговорам и санкциям, может рассматриваться только как отдаленная конечная цель. История знает лишь один пример добровольного отказа государства от своего ядерного оружия — это решение ЮАР от 1992 г., и оно было обусловлено коренными переменами внутривнутриполитического режима. Однако до того, как станет возможным радикальное решение вопроса, можно и нужно добиваться важных частичных мер (именно такие меры, кстати, осуществляются вот уже более 40 лет на переговорах СССР/России и США по ОСВ/СНВ).

Международные дипломатические усилия следует направить на то, чтобы в обмен на снятие санкций и гарантии ненападения и невмешательства в ее внутренние дела КНДР остановила рост своего ракетно-ядерного потенциала. В частности, следует добиться прекращения ядерных испытаний и пусков ракет все большей дальности, наработки оружейного урана и плутония, а также исключить утечку из страны ядерных технологий и материалов. Помимо всего прочего, это нуж-

но для того, чтобы предотвратить создание ядерного оружия Южной Кореей и другими странами региона, что поставило бы ситуацию на грань ядерного конфликта и разрушило режим нераспространения ядерного оружия.

Ядерная проблема Израиля тоже не вписывается в традиционную схему переговоров по контролю ядерного оружия. Тель-Авив не откажется от такого оружия, каких бы соглашений по его ограничению ни достигли другие ядерные государства (особенно в свете тяжелой дестабилизации Ближнего Востока в последние годы). Инициатива по созданию в этом регионе зоны, свободной от оружия массового уничтожения, в обозримом будущем едва ли имеет шансы на реализацию и будет носить, скорее, характер пропагандистской кампании. Только кардинальное улучшение военно-политической ситуации в регионе создало бы условия для поэтапного подхода к решению проблемы: признание наличия такого оружия Тель-Авивом, меры транспарентности, контролируемое понижение боеготовности через раздельное хранение боезарядов и носителей, демонтаж боеприпасов с хранением оружейного материала в Израиле под контролем МАГАТЭ (по аналогии с ЮАР).

Четвертое. Несмотря на то что соглашение по иранской атомной программе от 2015 г. прямо лишает СВДП статуса прецедента, он будет таковым просто потому, что стал фактом истории. Например, если любая другая страна попытается создать ядерный потенциал двойного назначения, международное сообщество постарается как минимум заставить ее принять модальности мониторинга и верификации ядерной деятельности, аналогичные тем, что принял Иран в рамках соглашения 2015 г. По мере выполнения СВПД в течение ближайших 10–15 лет Группа ядерных поставщиков (ГЯП) может потребовать принятия этих положений в качестве ориентиров для торговли с государствами, стремящимися создать потенциал для обогащения урана и/или сепарации плутония. На будущих конференциях по рассмотрению ДНЯО следует рекомендовать легализацию запрета на конкретные виды деятельности, способствующие созданию ядерных взрывных устройств — как в рамках борьбы с распространением ядерного оружия, так и в качестве элемента ядерного разоружения. Исключительно важен и принцип соизмерения объемов производства и накопления расщепляющихся материалов с мирными потребностями, закрепленный в СВПД. Поэтому вместо споров о том, может ли соглашение служить прецедентом, целесообразно сосредоточить усилия государств ДНЯО на оптимальных условиях и порядке использования практики СВДП для укрепления режима нераспространения и предотвращения произвольного толкования и применения этих принципов и положений.

Укрепление гарантий МАГАТЭ через принятие новых моделей, таких как Концепция гарантий на уровне государства (КГУГ), необходимо в свете предстоящего масштабного роста мировой атомной энергетики и широкого распространения ядерных материалов и технологий, в том числе в нестабильных регионах мира. Однако это предполагает достижение консенсуса среди ведущих государств ДНЯО, и прежде всего стран «большой пятерки». МАГАТЭ должно стремиться максимально учесть и выполнить пожелания России и обеспечить соблюдение ее стандартов, хотя оценки ядерной деятельности конкретных государств, по определению, субъективны. Вместе с тем Секретариат МАГАТЭ в состоянии частично развеять беспокойство Москвы удовлетворительным для нее образом. В остальном разногласия, мешающие укреплению режима нераспространения через ужесточение гарантий МАГАТЭ, могут быть ослаблены, если и когда между интересами России, Запада и КНР в данной сфере появится больше совпадений.

Повышение эффективности другого режима — контроля над ракетами и ракетными технологиями — тоже требует больших усилий. Необходимы присоединение к режиму КНР и интеграция в него новейших гиперзвуковых систем. На перспективу совершенствование РКРТ видится автору на путях согласования и принятия юридически обязывающего соглашения, которое интегрировало бы в себе положения самого РКРТ, Гаагского «Кодекса поведения» и предлагавшейся Россией еще в 1999 г. Глобальной системы контроля как основы нового режима ракетного нераспространения с использованием некоторых концепций ДНЯО.

Угроза ядерного терроризма прямо вытекает из тенденции распространения ядерного оружия, материалов, технологий и экспертизы, особенно в нестабильных государствах и регионах мира. Укрепление режимов нераспространения и борьба с терроризмом — это две безусловные предпосылки предотвращения названной опасности. Другой составляющей стратегии являются рациональные меры защиты от ядерного терроризма. Систематизация разных аспектов проблемы позволяет сделать вывод, что первостепенное внимание по обеспечению защищенности должно быть обращено на угрозы захвата террористами АЭС или крупного объекта ядерной инфраструктуры, а также на предотвращение их доступа к высокообогащенному урану, который легче всего использовать для сборки примитивного ядерного боезаряда.

У давних членов «ядерного клуба» меры по физической защите объектов ядерной инфраструктуры совершенствуются на протяжении многих десятилетий, но особое внимание нужно обращать на опасные объекты, находящиеся в странах (зонах) повышенного террористического риска. Необходимы внимание и контроль со стороны международных

организаций к этим вопросам, проработанность национального законодательства и детализация обеспечения физической защиты объектов ядерной инфраструктуры, сотрудничество между заинтересованными странами, включая обмен данными спецслужб. Это требует существенного повышения уровня взаимного доверия и активизация взаимодействия между Россией, США, КНР и другими ведущими державами.

Пятое. Основываясь на реальных военно-стратегических взаимоотношениях ядерных государств, можно предположить, что реалистичский вариант перехода на многосторонний формат ограничения ядерных вооружений состоит в формировании нескольких форумов двустороннего формата (помимо переговоров России и США): Великобритания/Франция – Россия, США – КНР, Россия – КНР, КНР – Индия, Индия – Пакистан. Между этими странами есть отношения взаимного ядерного сдерживания, а в случае Индии и Пакистана имеется примерный ракетный паритет. Эти два условия, по опыту СССР/России – США, необходимы для достижения практических соглашений об ограничении ядерных вооружений. Там, где паритета нет, придется разрабатывать схемы частичного и асимметричного ограничения вооружений, возможно с использованием согласованных географических параметров (например, по принципу Договора по обычным вооруженным силам в Европе). Координация этих переговоров между собой была бы высшим достижением дипломатии Москвы и Вашингтона в предстоящий период. При этом в ряде случаев третьи страны должны будут опираться на технические средства контроля России и США или специальных международных организаций (в рамках ООН или МАГАТЭ).

Пока неясно, как перемены в США и окружающем мире повлияют на вопросы, рассмотренные в настоящей монографии. Если администрация Обамы постоянно «докучала» России своими инициативами о сокращении стратегических вооружений и о движении к безъядерному миру, то при Трампе этого не будет, интерес нового руководства к данной теме пока весьма невелик. Новая администрация, вероятно, ускорит программу модернизации ядерных вооружений, расширит систему ПРО и силы общего назначения США (с упором на ВМС и ВВС). Очевидно, что Трамп в силу своей профессиональной подготовки и опыта не знает и не понимает всех причин и сложностей сегодняшнего кризиса в этой сфере.

Однако по аналогии со встречах Горбачева и Рейгана в Рейкьявике в 1986 г., с которой начались важные переговоры о разоружении (хотя сама встреча закончилась неудачно), нельзя исключать, что в дальнейшем могут начаться позитивные сдвиги на переговорах по контролю над ядерными вооружениями. Но для этого Москва должна существенно активизировать свою политику на данном треке. Спасение системы

и режима контроля над ядерным оружием впредь может обеспечить только Россия — ни на США, ни на КНР или НАТО/Евросоюз рассчитывать не приходится. Первоочередной задачей является спасение Договора РСМД. Затем — заключение следующего договора СНВ и на этой основе — согласованные меры в области ПРО и новых стратегических систем в обычном оснащении. Далее — меры продвижения к вступлению в законную силу ДВЗЯИ. Потом — прогресс по линии ДЗПРМ и утилизации плутония, укрепление ДНЯО и режима контроля над ракетными технологиями. После — ограничение тактического ядерного оружия. В дальнейшем это откроет путь к приданию процессу ограничения и сокращения ядерного оружия многостороннего характера в хорошо продуманной последовательности и адекватных форматах.

Возможно, читатель не согласится с теми или иными положениями и предложениями авторов и редакторов настоящей книги. Хотелось бы, однако, надеяться, что монография подведет заинтересованное общество к согласию по одному ключевому вопросу, а именно: если пустить нынешние международные политические и военно-технические процессы на самотек, то будущий мир может оказаться опаснее, чем ситуация времен холодной войны. Если в прошлом удалось избежать самой страшной угрозы — ядерной катастрофы, то такое везение отнюдь не гарантировано на обозримое будущее. Цинизм и дешевая бравада по этому поводу со стороны многих политиков и специалистов так же недостойны и пагубны, как невежество и фатализм.

Только совместные усилия ведущих держав и их союзников, всех ответственных государств позволят взять развитие событий под контроль, и в первую очередь — под контроль соглашений об ограничении и сокращении вооружений, их нераспространению, по регламентации военной деятельности и мерам доверия. Другого пути просто не существует.

В этом мнении едины авторы и редакторы настоящей книги, как и в том, что сдвинуть дело с мертвой точки должны совместными усилиями Россия и США. Выдвигаемые ныне с обеих сторон возражения против возобновления процесса переговоров несущественны по сравнению с тем, что поставлено на карту. Ведь речь идет, ни много ни мало, о выживании человеческой цивилизации в XXI веке.

А. Г. Арбатов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭС	– атомная электростанция
БРМД	– баллистическая ракета меньшей дальности
БРПЛ	– баллистическая ракета подводных лодок
БРСД	– баллистическая ракета средней дальности
ВВС	– военно-воздушные силы
ВГУ	– взаимное гарантированного уничтожения
ВКО	– воздушно-космическая оборона
ВМС	– военно-морские силы
ВМФ	– военно-морские силы
ВОУ	– высокообогащенный уран
ГКП	– Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет
ГЧ	– головная часть
ГЯП	– Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	– Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЗПРМ	– Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	– Договор о вооруженных силах в Европе
ДП	– Дополнительный протокол
ИГИЛ	– «Исламское государство Ирака и Леванта»
ИСС	– Институт стратегической стабильности
КВО	– круговое вероятное отклонение
КГУТ	– концепция гарантий на уровне государства
КРВБ	– крылатая ракета воздушного базирования
КРМБ	– крылатая ракета морского базирования
МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МБР	– межконтинентальных баллистических ракет

- НАТО – Организация Североатлантического договора
- НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
- НОАК – Народно-освободительная армия Китая
- НОУ – низкообогащенный уран
- НПО – научно-производственное объединение
- ОВУ – ответно-встречный удар
- ОМУ – оружие массового уничтожения
- ООН – Организация Объединенных Наций
- ОСВ – ограничение стратегических вооружений
- ОСВ-1 – Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений
- ОТР – оперативно-тактическая ракета
- ОЯТ – отработанное ядерное топливо
- ПВО – противовоздушная оборона
- ПД/БЗ – предотвращение доступа/блокирования зоны
- ПКБ – планирующий крылатый блок
- ПЛАРБ – атомная ракетная подводная лодка
- ПЛК – программируемый логический командоаппарат
- ПЛО – противолодочная оборона
- ПРО – противоракетная оборона
- РВСН – Ракетные войска стратегического назначения
- РГЧ – разделяющая головная часть
- РГЧ ИН – разделяющая головная часть индивидуального наведения
- РКРТ – режим контроля за экспортом ракет и ракетных технологий
- РЛС – радиолокационная станция
- РСМД – ракеты средней и меньшей дальности
- РСН – разведка, слежение и наблюдение
- РЭБ – радиоэлектронная борьба
- СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций
- СВГ – Соглашение о всеобъемлющих гарантиях
- СВПД – Совместный всеобъемлющий план действий
- СИПРИ – Стокгольмский международный институт проблем мира
- СМИ – средства массовой информации
- СНВ – стратегические наступательные вооружения

СОИ	– «Стратегическая оборонная инициатива»
СПРН	– система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	– стратегические ядерные силы
ТБ	– тяжелый бомбардировщик
ТР	– тактическая ракета
ТЯО	– тактическое ядерное оружие
ЦТАК	– Центральное телеграфное агентство Кореи
ШПУ	– шахтная пусковая установка
ЯВУ	– ядерное взрывное устройство
ЯО	– ядерное оружие
DRDO	– Defense Research and Development Organization (Организация оборонных исследований и разработок)

ОБ АВТОРАХ

Алексей Арбатов — доктор исторических наук, академик Российской Академии наук, руководитель Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Джулия Даймонд — научный ассистент Центра изучения проблем нераспространения ядерного оружия имени Дж. Мартина при Институте Миддлбери.

Владимир Дворкин — доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Виктор Есин — кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук.

Роберт Легволд — доктор наук, почетный профессор кафедры политологии Колумбийского университета.

Сергей Ознобищев — кандидат исторических наук, заведующий сектором Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Джордж Перкович — доктор наук, вице-президент по науке Фонда Карнеги за Международный Мир.

Петр Топычканов — кандидат исторических наук, научный сотрудник программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Тун Чжао — доктор наук, научный сотрудник Центра мировой политики Карнеги-Цинхуа.

Джеймс Эктон — доктор наук, содиректор Программы по ядерной политике Фонда Карнеги за Международный Мир.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

О МОСКОВСКОМ ЦЕНТРЕ КАРНЕГИ

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009
Москва, Тверская ул., 16 стр. 1
Тел.: +7 495 935-8904
Факс: +7 495 935-8906
info@carnegie.ru
<http://carnegie.ru/>

Carnegie Endowment for International Peace
1779 Massachusetts Avenue NW
Washington, DC 20036-2103
Phone: +1 202 483 7600
Fax: +1 202 483 1840
info@carnegieendowment.org
<http://carnegieendowment.org/>

Научное издание

ПОЛИЦЕНТРИЧНЫЙ ЯДЕРНЫЙ МИР: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *Н. Н. Дунаева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А.Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *М. М. Ветрова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.09.2017.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.

Тираж 1500 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Учитывая исключительную сложность и противоречивость рассматриваемой темы, далеко не со всеми оценками и предложениями авторов коллективной монографии «Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности» можно согласиться. Тем не менее материал представляет несомненный интерес: он содержит большой массив новой информации по указанной проблематике, глубоко продуманные оценки и наблюдения, нетривиальные выводы и рекомендации.

Авторы монографии сформулировали комплекс последовательных, рациональных и взаимоувязанных шагов, которые при их реализации могли бы приблизить человечество к заветной мечте — полному ядерному разоружению. Самая сложная задача на этом пути, как абсолютно верно отмечают авторы, состоит в переустройстве самой системы международной безопасности, которая ныне далека от совершенства. Не решив этой задачи, трудно будет двигаться к миру, свободному от ядерного оружия, поскольку государства, обладающие им, а также те, которые допускают возможность обретения такого оружия, вряд ли откажутся от него, не будучи уверенными в надежной безопасности в безъядерном мире.

Авторы высказывают мнение, что с приходом новой администрации в Вашингтоне в мире намечилось падение интереса к проблеме ядерного разоружения. Это связано с заявленными Вашингтоном планами ускорения программы модернизации ядерных вооружений, расширения системы ПРО и сил общего назначения США.

И тем не менее сложившаяся ситуация не исключает возможности позитивных сдвигов на переговорах по контролю над ядерными вооружениями. По убеждению авторов книги, спасение и развитие режима контроля над ядерным оружием отвечает долгосрочным интересам России.

Игорь Иванов, президент Российского совета по международным делам, профессор МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, с 1998 по 2004 г. министр иностранных дел России, с 2004 по 2007 г. секретарь Совета безопасности Российской Федерации

